

Е.И. Иноземцева

9 (Дат)

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского научного центра
Российской академии наук

И67

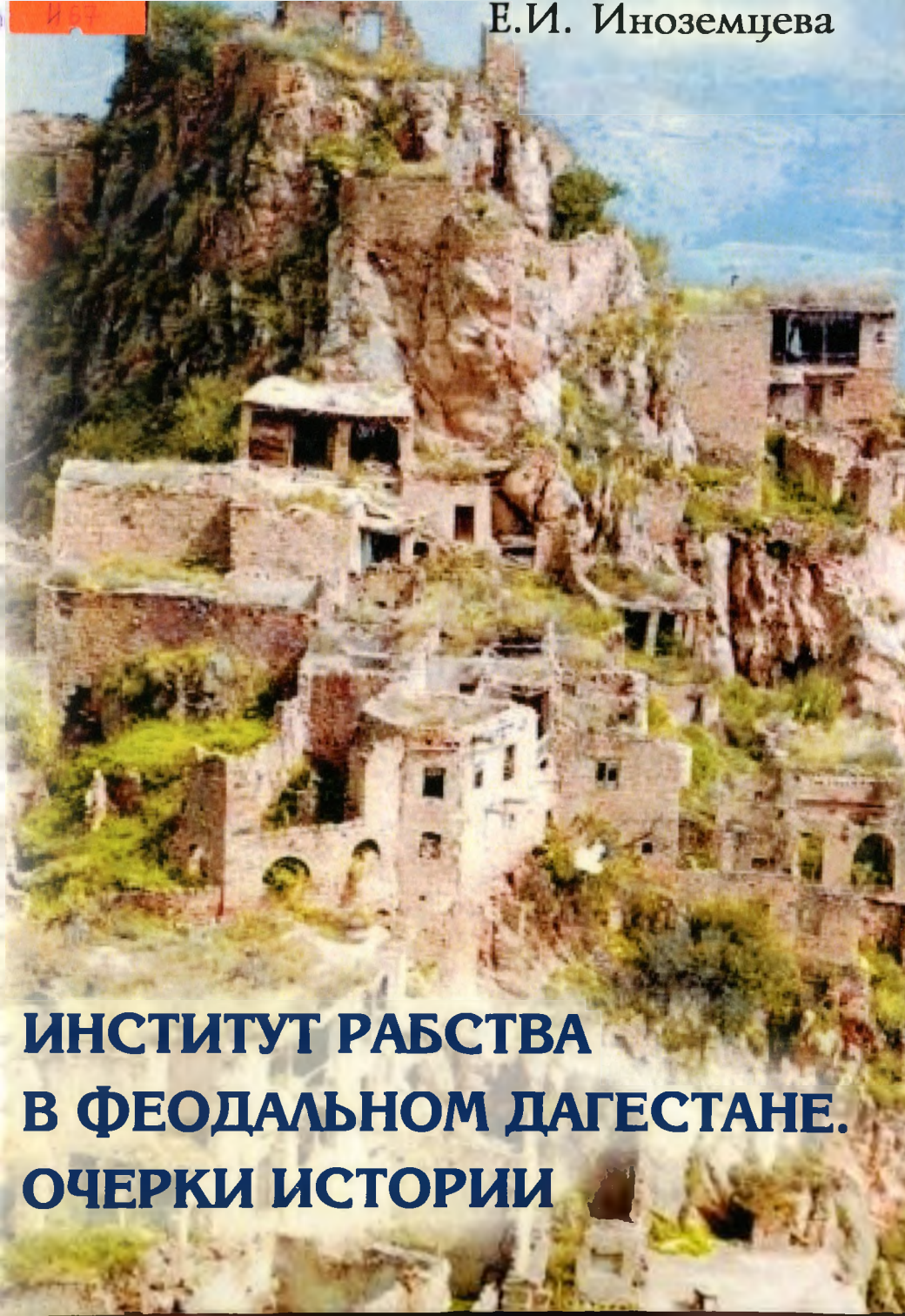
Е.И. Иноземцева

**ИНСТИТУТ РАБСТВА
В ФЕОДАЛЬНОМ ДАГЕСТАНЕ.
ОЧЕРКИ ИСТОРИИ**

*Дружбу
Магомед-Рашиду
с добрыми чувствами
и пожеланиями
от автора
Е. Иноземцева*

Махачкала 2014

**ИНСТИТУТ РАБСТВА
В ФЕОДАЛЬНОМ ДАГЕСТАНЕ.
ОЧЕРКИ ИСТОРИИ**

УДК 94 (470.67)
ББК 63.3 (2Рос-Даг)
И-11

Рекомендовано к изданию решением ученого совета
ФГБУН Института истории, археологии и этнографии
Дагестанского научного центра РАН,
протокол № 12 от 16 октября 2012 г.

Ответственный редактор:

Б.Г. Алиев – доктор исторических наук, профессор

Рецензенты:

Н.А. Магомедов – доктор исторических наук, профессор

Д.С. Кидирниязов – доктор исторических наук, профессор

С.А. Лугуев – доктор исторических наук, профессор

Иноземцева Е.И.

И-11 Институт рабства в феодальном Дагестане. Очерки истории. –
Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, АЛЕФ, 2014. – 298 с.

ISBN 978-5-4447-0013-6

Опираясь на данные архивных и литературных источников, статьи
обычного права народов Дагестана, широко применяя аналогии из исто-
рического прошлого сопредельных кавказских народов, стран средневеко-
вого Востока и Русского государства, автором сделана попытка обобщить,
дополнить и развить изыскания отечественной историографии, раскрыв
основные аспекты пока еще во многом дискуссионной проблемы институ-
та рабства в феодальном Дагестане.

Автор, не претендуя на исчерпывающее освещение, но пытаясь дать
наиболее полное на сегодня представление об изучаемом социальном ин-
ституте, раскрывает значение соционимов в языках народов Дагестана,
несущих в себе содержание понятия «раб», освещает формы порабощения
и источники рабства, показывает ряд форм социально-правового и имуще-
ственного положения этой категории зависимого населения, изучает место
и значение рабства в экономической жизни, освещает торговлю «живым
товаром», показывает формы освобождения рабов в Дагестане.

Издание адресовано историкам-кавказоведам юга России, преподава-
телям и студентам вузов региона, тем, кто интересуется историческим
прошлым Дагестана.

367030, Махачкала-30

ул. М. Ярагского, 75

НБ ДНЦ РАН

© Иноземцева Е.И., 2014

Светлой памяти родителей –
Ивана Павловича и Марии Григорьевны Иноземцевых
посвящается

СОДЕРЖАНИЕ

1. Введение.....	5
2. К вопросу о понятиях и терминах института рабства	40
3. Формы порабощения и источники рабства.....	55
4. Социально-правовое и имущественное положение рабов в феодальном Дагестане.....	83
5. Место и значение института рабства в экономической жизни	105
6. Торговля «живым товаром» в контексте политики России на Северном Кавказе	121
7. Формы и особенности освобождения рабов в Дагестане	158
8. Заключение.....	181
9. Библиография.....	197
10. Список принятых сокращений.....	227
11. Словарь архаических терминов и малоизвестных слов	230
12. Указатели	234
13. Приложение [Шамрай В.С.] Историческая справка к вопросу о ясырях на Северном Кавказе и в Кубанской области и документы, относящиеся к этому вопросу. Б./м. Б./г. (в извлечении)	255

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН

instituteofhistory.ru

I. ВВЕДЕНИЕ

Рабство (курсив здесь и далее наш – Авт.), будучи первой, самой откровенной и неприкрытой формой эксплуатации человека человеком, в течение тысячелетий прослеживается в истории практически всех обществ, сопровождая все три великие эпохи цивилизации – Древность, Средние века и Новое время. *Рабство* как форма порабощения и эксплуатации, пусть даже в пережиточных формах, благополучно просуществовало в ряде стран Востока вплоть до XX века, оказывая влияние на социальные структуры и общественное сознание.

Рабство существовало тысячелетия, а как социальное явление изучено пока недостаточно. Объясняется это многими причинами, главными из которых являются не только ограниченность конкретных источников, но и трудности разработки проблемы ввиду того, что «история представляет чуть ли не бесконечный спектр различных форм рабства и типов *рабской* зависимости»¹. Не существует и выработанного исторической наукой единого понятия «*раб*». Его нет ни в БСЭ, ни в СИЭ.

В связи с изживанием римского *рабства* и возникновением Христианства положение *рабов* в первые века н.э. изменилось к лучшему, за ними стали признаваться некоторые права, но они продолжали считаться собственностью своего господина.

Рабство при Мухаммеде было уже укоренившимся и Коран признавал его, как признавал закон Моисея, как признавала его церковь в первые века Христианства. Ислам старается также смягчить суровость *рабства* и внушает своим последователям относиться к *рабам* кротко и снисходительно.

В Средние века сложилось идеологическое оправдание *рабства*, прежде всего в мировых религиях. Буддизм объяснял *рабское* положение человека его кармой, Христианство – наказанием за грехи, Ислам рассматривал *рабство* как проявление воли Аллаха, который может вознести или уничтожить человека. В Иудаизме *рабство* рассматривалось как проявление воли божьей: верующий иудей до сих пор в своей молитве благодарит бога за то, что тот не создал его *рабом*. Все мировые религии в отдельных случаях допускали осуждение *рабства*, но это не меняло су-

¹ Большая советская энциклопедия. Т. 25. 1958. С. 300.

ти дела – в глазах адептов всех мировых религий *рабское* состояние было проявлением воли божьей.

Дать научное определение понятия *рабства*, которое бы учитывало все разнообразие положение *рабов* в разное время и в разных регионах очень трудно. На наш взгляд, стоит согласиться с точкой зрения Дж. Ингрема, по которому «главная особенность *рабства* заключается в том, что господин владеет личностью своего *раба*, хотя права, вытекающие из такого владения, могут подвергаться разнообразнейшим ограничениям»¹.

Этот труд позволил нам прийти к заключению, что **многие характеристики института рабства в феодальном Дагестане, содержащиеся в работах дореволюционной историографии, зачастую механически перенесены из описаний классического рабства Древнего Рима. Успешно они проникли и в современные исследования.**

Итак одним из первых обобщающих трудов по истории *рабства* в Древности, Средние века и в Новое время и является исследование известного ирландского экономиста и историка экономических учений Джона Ингрэма (1823–1907), посвященное истории *рабства* и крепостного права. В работе прослеживается процесс перехода от *рабства* древних времен к системе свободного труда. Исследуется положение *рабов* в Греции, *рабство* в Древнем Риме, крепостное право в Средневековой Европе, описывается система колониального *рабства* и торговли невольниками, а также *рабство* в России и на мусульманском Востоке. Дж.К. Ингрэм определил критерий различия *рабства* и крепостного права: «переход от *рабства* к крепостному праву... начинается с той минуты, как господин... лишается своей собственности, олицетворяемой личностью *раба*, и сохраняет право только на его труд и услуги, или на известную часть этих услуг»².

Этот труд безусловно важен для нас и не только в плане определения истинного содержания понятий «*рабство*», «*раб*», «*невольник*» и др. в источниках изучаемого нами периода, по-

¹ Ингрэм Дж. История рабства от древнейших до новых времен / Перевод с англ. З.Н. Журавской. Издание второе. М.: Книжный дом «Либроком», 2010. С. 270.

² Ингрэм Дж. Указ. соч. С. 270.

скольку от того или иного истолкования их смысла зависят выводы исследователя.

Наличие института *рабства* в Средневековье на Северо-Восточном Кавказе, в Дагестане в частности, фиксируется фактическим материалом, литературными и архивными источниками, актовыми материалами, памятниками обычного права. О бесспорности факта существования в регионе этой категории лично зависимого крестьянства свидетельствует и наличие в языках всех местных народов социального термина, несущего в себе содержание понятия «*раб*». Поэтому без изучения и освещения форм бытования, места и роли в общественной и экономической жизни народов региона *рабства* невозможно воссоздать скольконибудь достоверную картину истории феодального Дагестана со всеми ее сложностями, невозможно дать правильную оценку уровня развития социально-экономических отношений, населявших его народов.

Конечно, было бы архинесправедливо считать, что данная проблема не занимала внимание и не вызывала интерес отечественных кавказоведов, что достаточно красноречиво подтверждает нижеприведенный нами историографический обзор. Мы имеем в виду отсутствие специальных исследований, обобщающих работ, посвященных проблеме *рабства* в феодальном Дагестане.

Автор, не претендуя на исчерпывающее освещение поднятой проблемы, но пытаясь дать наиболее полное на сегодня представление об *институте рабства* в феодальном Дагестане, поставил перед собой следующие задачи, а именно:

– Используя метод терминологического анализа, попытаться по-возможности точно раскрыть содержание терминов, существующих в языках местного населения Дагестана (проводя аналогии с терминами сопредельных народов Северо-Восточного Кавказа) и несущих в себе содержание понятия «*раб*» и др. понятий.

– Изучить и осветить формы порабощения и источники *рабства*, существовавшие в регионе.

– Показать ряд форм бесправного состояния, морального унижения и материального притеснения, характеризующих социально-правовое положение этой категории зависимого населения.

– Осветить место и показать значение *института рабства* в экономической жизни народов Дагестана.

– Осветить торговлю «*живым товаром*», показав политику России по пресечению этого жестокого, но прибыльного «бизнеса» средневековья на Северном Кавказе.

– Показать формы освобождения *рабов* в Дагестане в контексте политики России.

Методологической основой исследования стали принципы объективности и историзма. Все явления автор стремится рассмотреть с точки зрения их генезиса и развития.

Общелогические методы анализа использовались при отборе по крупицам в обширном круге литературы и источников отрывочных сведений по исследуемой проблеме, включая даже краткие упоминания, и последующем выстраивании их в хронологическом и логическом порядке с целью реконструкции целостной картины бытования *рабства*.

Историко-сравнительный метод оказался необходим для анализа правового положения рабов и политики российского правительства в отношении рабства.

Метод терминологического анализа был применен для раскрытия содержания социальных терминов «крепостной», «*невольник*», «*ясырь*», «*лаг*» и др. в источниках XV–XIX вв., поскольку от того или иного истолкования их социального содержания зависят выводы исследователя. Автор придерживался принципа материалистического понимания истории, признавая при этом важную роль других факторов в жизни общества, помимо экономических.

При этом в работе широко использованы аналогии, а также соответствующий проблеме материал не только по сопредельным народам Северного Кавказа, но и Русского государства, народам Востока и Европы. Автор в своем исследовании исходил из достижений таких кавказоведов как Х.-М.О. Хапаев, Р.М. Магомедов, Г.Д. Даниялов, С.Ш. Гаджиева, В.Г. Гаджиев, А.Р. Шихсаидов, Х.Х. Рамазанов, Б.Г. Алиев, М.-С.К. Умаханов, Н.А. Магомедов и др. Их работы помогли выделить те аспекты исследования, которые являются наиболее актуальными в свете современных представлений о предмете и задачах исторической науки.

1.1. Институт рабства в феодальном Дагестане как объект познания в отечественном кавказоведении

а) Институт рабства в историографии досоветского периода

Историческая литература располагает интереснейшими сведениями, разносторонним фактическим материалом, без которого невозможно реконструировать сколько-нибудь объективную картину социально-экономической жизни народов Северо-Восточного Кавказа, Дагестана в частности, в XV–XIX в. Однако, следует подчеркнуть, что эти работы скорее относятся к первоисточникам, нежели к собственно историческим исследованиям.

Среди них прежде всего следует отметить сочинение московского купца Федора Котова, составленное на основе личных наблюдений и сведений, полученных им от других лиц¹. Он в 1623 г. отправился по указу царя в Персию, проезжал через Дербент, Кайтаг, Тарки. В его сочинении мы обнаруживаем свидетельство о том, что подвластные уцмия похищают проезжающих купцов, гребят и продают их в *рабство*.

Арсений Суханов, дворянин Тульской губернии, религиозный деятель в 1659 г., возвращаясь из паломничества в Иерусалим, проезжая через Дагестан, побывал в Дербенте, Бойнаке, Тарках. В его «Проскинтарии»² мы обнаруживаем сведения о «*полонянке киевлянке*», которая содержалась у шамхала. С ее слов стало известно, что отряд «ратных людей Шевкаловых погромил терские казачьи городки», пригнал в Тарки добычу – скот и людей человек с 30.

В «Описании...»³ немецкого ученого-математика, астронома и географа, советника голштинского посольства Адама Олеария, который по пути из Персии побывал в Дербенте и Тарках, нас привлекают сведения о гостинице двора «Лезги-караван-

¹ Хождение купца Федора Котова в Персию / Под ред. А.А. Кузнецова. М., 1958.

² Суханов А. Проскинтарий Арсения Суханова // Православный и латинский сборник. М., 1889. Т. VII. Вып. 3.

³ Олеарий Адам. Подробное описание путешествия Гольштинского посольства в Московию и через Московию в Персию и обратно в 1633, 1636 и 1639 годах, составленное секретарем посольства Адамом Олеарием / Перевод с нем. П. Барсова. СПб., 1906.

сарая» в Шемахе, в который доставляются *ясыри* – женщины, мальчики и девочки на продажу.

Описывая Тарки, Олеарий сообщает о *рабе* – «ткаче бархента», по происхождению немца, уже преклонного возраста, который был захвачен в плен турками и продан ими в Дагестан.

Записки голландского путешественника Яна Стрейса¹, при всей необходимости строгого критического подхода к ним, заслуживают внимания. Описывая свои странствия, этот автор сообщал о *рабстве* в Дагестане, о его происхождении, тяжелом положении *рабов* и о *работорговле*.

Среди сочинений первой трети XVIII в. по истории Дагестана и всего Северо-Восточного Кавказа, как по широте охватываемых вопросов, так и достоверности сообщаемых сведений, исключительное место занимает сочинение И. Гербера, вышедшее в свет двумя изданиями². Здесь мы находим и интересующие нас сведения, в частности, о *работорговле* в Дагестане.

Большой интерес для нашего исследования представляет работа С.М. Броневского³, в которой содержатся сведения автора об *ясырях*, о торговле ими, о центрах *работорговли* в Дагестане и др.

Особую ценность для нас представляет труд М.Б. Лобанова-Ростовского⁴. Работа посвящена в основном засулакским кумыкам, тем не менее она важна потому, что содержит весьма важные рассуждения и выводы автора по интересующей нас проблеме. В этом сочинении, пожалуй впервые в кавказоведении того периода, более или менее подробно дана характеристика всех

сословных категорий крестьянства кумыков: узденей, *азатов*, *чагаров* и *рабов*, показано их правовое и экономическое положение.

Не менее важным для нас, хотя и требующим к себе строго критического отношения из-за некоторых ошибочных утверждений, является сочинение Н. Данилевского¹. Здесь содержатся описания сословных групп дагестанского общества, это: князья, духовенство, уздени, которых автор разделяет на три степени. Последняя категория населения – *невольники* или *ясыри*, которых покупают или захватывают в войне.

Нельзя обойти вниманием и работу А.А. Неверовского², в которой мы обнаруживаем материал о проявлениях так называемого «*лекианоба*» («*наездничества*» по терминологии русских авторов) – набегов феодальных дружин горцев Дагестана на сопредельные территории Грузии с целью захвата пленных, скота и другой добычи, которые «уводили в плен до 300 семейств и продавали через многие руки в Турцию». Подобные же сведения о дагестанцах среди других информативных и важных содержатся и в работе Н.И. Березина, изданной в 1850 г.³ и, несмотря на пренебрежительно-ироничный тон автора в отношении местного населения, при строго критическом к ним отношении, представляют определенный интерес.

В плане нашего исследования немаловажна опубликованная в 1860 г. в газете «Кавказ» статья Т. Макарова под названием «Кумыкский округ», где содержатся описания сословных групп крестьянства Засулакской Кумыкии, среди которых даются подробные характеристики сословных групп: *холопов*, *казаков*, *азатов*⁴.

Особое место среди работ этого периода следует отвести статье А. Руновского⁵, вышедшей в 1862 г., которая была посвящена непосредственно сословиям дагестанских народов. В ней,

¹ Стрейс Я. Три путешествия // Перевод Э. Бородинной. Ред. А. Морозова. М.: Огиз. Соцэкиз, 1935.

² Гербер И.-Г. Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекой Курой народах и землях и о их состоянии в 1728 г. // Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. СПб., 1760. Его же. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // ИГЭД. М., 1958.

³ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1828. Ч. 1.

⁴ Лобанов-Ростовский М.Б. Кумыки: их нравы, обычаи и законы. Описание гражданского быта кумыков 1843 года / Предисл. проф. С.Ш. Гаджиевой. Махачкала, 2002.

¹ Данилевский Н. Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении. М., 1848.

² Неверовский А. Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье. СПб., 1848.

³ Березин Н. Путешествие по Дагестану и Закавказью. 2-е изд. Дополненное. Казань, 1850. Ч. 1.

⁴ Макаров Т. Кумыкский округ // Кавказ. 1860. № 77, 78, 79.

⁵ Руновский А. Взгляд на сословные права и на взаимные отношения сословий в Дагестане // Военный сборник. 1862. Август. № 8. Т. XXVI.

характеризуя класс крестьянства, автор писал о категории крепостных, первоначальной основой которых считал *пленных*, а также о том, откуда произошло название «*кул*» и «*караваши*», о их положении в обществе и др.

Нельзя обойти вниманием и статью П. Петухова, опубликованную в газете «Кавказ» в 1867 г.¹, посвященную народам, населявшим Кайтаго-Табасаранский округ, в частности вопросам их общественных отношений. Здесь среди других важных сведений мы находим и интересующие нас о сословных группах крестьянства, в том числе и о лично зависимой категории – *кулах*.

Определенный интерес для нашего исследования представляют работы Н. Львова² и П.А. Гаврилова³, опубликованные в виде статей в этой же газете. В первой из них мы обнаруживаем свидетельство о *работоторговле* и о цене *холопки*. Во второй статье среди сведений о сословных группах кумыкского общества мы черпаем данные о категории крестьянства – *азаты*, (освобожденные прежде и в последнее время *холопы*, потомки которых в четвертом колене называются уже простыми узденями).

В 1871 г. был издан шеститомный труд академика Н. Дубровина⁴, который трудно переоценить как по информативности, так и по разнохарактерности и разносторонности сведений и наблюдений его автора. Не обойдена вниманием в его труде и тема нашего исследования, а именно: *работоторговля*, процветавшая на Северо-Восточном Кавказе, основные центры торговли «*живым товаром*» и др.

Особую ценность представляют собой и работы известного ученого-кавказоведа М.М. Ковалевского, оставившего в них ценнейшие наблюдения, важные в том числе и в плане нашего исследования. Одна из его работ посвящена поземельным и сословным отношениям у горцев Северного Кавказа⁵. Но для нас особо

важна вторая его работа¹, где конкретно освещается сословное деление крестьянства Дагестана, сообщается о *рабах* и об источниках *рабства*.

Несомненный интерес для нашей работы представляет изданная в 1892 г. в «Терских ведомостях» статья М. О-ина, посвященная двадцатилетию освобождения зависимых сословий на Северном Кавказе². В этой работе содержатся ценные наблюдения автора, касающиеся *института рабства*, а именно: названы источники его образования (*военнопленные, похищенные, должники* и т.д.), дается характеристика собственно *холопов* и др. Однако здесь идет речь лишь о засулакских кумыках.

Не следует упускать из вида и статью А. Лилова «Очерки быта кавказских горцев», где нам интересны описания положения *рабов (кулов)* кумыкских князей и узденей, их обязанностей, положения в обществе³.

В 1895 г. увидела свет работа Н. Семенова «Туземцы северо-восточного Кавказа»⁴. В разделе «Кумыки» мы обнаруживаем материал о всех сословных группах класса феодалов и класса крестьянства. Среди последних описываются и самые низшие категории, а именно: *кулы* или *рабы*, составлявшие собственность своих хозяев.

Интересна нам и статья А. Белобородова, вышедшая в 1896 г.⁵, в которой говорится опять-таки о Засулакской Кумыкии, где было много земли, что позволяло сажать на землю *рабов*, которые стали именоваться *чагарами* и были обязаны отправлять барщину. Здесь же говорится о том, как произошли сословные категории – *азатов, казаков*.

Конец первой половины XIX в. знаменателен тем, что в этот период наряду с русскими исследователями народов Кавказа появляются и местные историки и этнографы, писавшие на рус-

¹ П.ъ-в [Петухов]П. Очерк Кайтаго-Табасаранского округа // Кавказ. 1867. № 7, 8, 12, 13, 15, 17.

² Львов Н. О нравах и обычаях дагестанских горцев // Кавказ. 1867. № 71.

³ Гаврилов П.А. Устройство земельного быта горских племен Северного Кавказа // ССКГ. Тифлис, 1869. Вып. II.

⁴ Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Кн. I. Т. I.

⁵ Ковалевский М. Поземельные и сословные отношения у горцев Северного Кавказа // Русская мысль. 1883. Кн. XII.

¹ Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. 1–2.

² О-ин М. Двадцатилетие освобождения зависимых сословий на Северном Кавказе // Терские ведомости. 26 апр. 1892 г. № 50.

³ Лилов А. Очерки быта кавказских горцев // СМОМПК. Тифлис, 1892. Вып. XIII.

⁴ Семенов Н. Туземцы северо-восточного Кавказа. СПб., 1895.

⁵ Белобородов А. Прошлое кумыков // Терские ведомости. 1896. № 145, 146.

ском языке¹. Первым по времени этнографом и историком из кумыков был Довлеет-Мурза Махмудович Шихалиев, автор обширного очерка по истории и этнографии кумыков «Рассказ кумыка о кумыках»², подписанного псевдонимом «Кумык». Д.-М. Шихалиев (1811 – ок. 1880 гг.) – уроженец сел. Эндирей, сын оружейника, образование получил в русской школе, с 1827 года находился на военной службе. С 1841 г. работал переводчиком писем при штабе войск Кавказской линии, с 1853 г. был главным приставом магометанских народов Ставропольской губернии. Ушел в отставку примерно в 60-х годах в чине подполковника. Последние годы жизни провел во Владикавказе и в Кизляре.

В своем исследовании Д.-М. Шихалиев излагает свою точку зрения на происхождение кумыков, большое место отводит вопросам истории русско-кумыкских отношений, детально рассматривает общественный строй и сословия кумыкского общества, подробно описывает хозяйственную деятельность кумыков, феодальные повинности, семейные отношения, обычное право и др. «Он, как никто до него, подробно описал сословное деление, детально и весьма квалифицированно характеризуя каждую в отдельности социальную категорию кумыкского общества», – отмечала С.Ш. Гаджиева, издавшая его труд отдельной книжкой³. Что касается *рабов*, самого низшего, самого бесправного и самого зависимого сословия на феодальной лестнице кумыкского общества, в работе Д.-М. Шихалиева мы находим важные детали, характеризующие положение и место в общественной жизни кумыков этой зависимой категории крестьянства.

В 1865 г. в газете «Кавказ» вышла статья князя Хамзаева⁴, в которой автор среди других важных наблюдений, останавливаясь на сословном делении кумыков, дает характеристики всех сословных групп, а именно: их происхождение, социально-правовое положение, место каждой из них в кумыкском обществе.

¹ Гаджиева С.Ш. Кумыки: историческое прошлое, культура, быт. Махачкала: ГУП «Дагестанское книжное изд-во», 2000. Кн. 1. С. 19–20.

² Кумык. Рассказ кумыка о кумыках // Кавказ, 1848. №№ 39–44.

³ Шихалиев Д.-М. Рассказ кумыка о кумыках / Составл., предисловие и коммент. доктора исторических наук С.Ш. Гаджиевой. Махачкала, 1993.

⁴ Кн. Х-ъ. Кое-что о кумыках // Кавказ. 1865. № 68. 70.

Подводя итоги историографии *института рабства* в Дагестане дооктябрьского периода, не трудно заметить, что интерес к этой сословной группе крестьянства был достаточно высок, в некоторых из анализируемых работ довольно подробно описываются и их происхождение, и социально-правовое положение, место в экономической жизни и др.

Нельзя не заметить и тот факт, что в историографии проблемы рабства досоветского периода почти отсутствуют работы по крестьянству Горного Дагестана. Имеющиеся в наличии работы в основном касаются кумыков и в большинстве своем *института рабства* Засулакской Кумыкии, да и то зачастую дублируют один и тот же материал.

б) Проблема института рабства в феодальном Дагестане в историографии советского и постсоветского периода

Проблема *рабства* в феодальных владениях Северо-Восточного Кавказа, Дагестана в частности, рассматривалась в трудах отечественных кавказоведов советского периода в связи с разработкой общих вопросов социально-экономической и политической истории региона. Историография проблемы *рабства* в Дагестане фактически начинается с 30-х гг. XX в.

С.В. Юшков, ученый, пользовавшийся широкой популярностью в области истории и права не только в России, но и за рубежом. Волею судьбы оказавшись в Дагестане, «в необыкновенном крае, с древнейших времен заселенном многоязычным народом, который, будучи окружен мощными для своего времени государствами Древнего мира и Средневековья, благодаря своим особым качествам, сумел сохранить независимость, образовать государственность, создать материальную и духовную культуру»¹, не мог не увлечься изучением истории этого края. К сожалению, его ценные изыскания не были опубликованы, но хранятся в виде рукописи по истории Дагестана в Рукописном фонде ИИАЭ ДНЦ РАН (Ф. 1. Оп. 1. Д. 42).

Первая успешная попытка изучения истории феодализма и его стадийности в Дагестане была сделана также профессором С.В. Юшковым в его не потерявшей до настоящего времени на-

¹ Гаджиев В.Г. Мастера отечественного кавказоведения. Махачкала, 2005.

учной значимости статье, посвященной особенностям феодализма в Дагестане¹. В ней показано, что характерной чертой общественного развития в XVIII–XIX вв. была крайняя пестрота социально-экономического развития региона. Для нас статья имеет важное значение, она сыграла и продолжает играть важную роль в отечественном кавказоведении. В ней поднимаются вопросы общественного строя Дагестана, освещаются разные сословные группы крестьянства. Особо выделяется в статье проблема *рабства*, подчеркивается значительность численности *рабов* в Дагестане до русского завоевания.

Широта круга научных интересов Х.-М.О. Хашаева, множество перспективных идей и проектов, его исследовательский талант заслуженно удостоены всеобщего признания. Его доклад², в 1954 г. прозвучавший на научной сессии, посвященной социально-экономическому строю народов Дагестана, лег в основу его фундаментального этапного исследования, научное и практическое значение которого невозможно переоценить и сегодня: в нем дана исчерпывающая оценка уровня развития общественных отношений у народов Дагестана в XIX в., а также нашли освещение многие узловые проблемы социально-экономической истории и более ранних периодов. Остановившись на феодальных владениях Засулакской Кумыкии, Тарковском шамхальстве, Мехтулинском ханстве, Кайтагском уцмийстве, Казикумухском ханстве и союзах сельских общин, автор конкретно отмечал сословные группы крестьян каждого из этих владений и, что особенно важно для нас, дал характеристику социальной категории – *рабы*³.

В 1957 г. увидела свет фундаментальная монография Р.М. Магомедова, основанная на значительном количестве архивных материалов, литературных сообщений и других источников, посвященная общественно-экономическому и политическому строю

Дагестана¹, которая не теряя своей научной значимости, обусловленной глубиной теоретических выводов, и сегодня является настольной книгой всех специалистов-дагестановедов и не только. Подробнейшим образом в его работе исследуется классовая структура дагестанских народов. Среди освещаемых им сословных групп крестьянства нас особо привлекают аспекты, посвященные *кулам* Кумыкии и Кайтага. Несколько позже Р.М. Магомедов издал книгу «Дагестан. Исторические этюды»² второй выпуск, где приводится интересный материал по *рабству* в Дагестане.

С.Ш. Гаджиева в своем фундаментальном исследовании, посвященном историческому прошлому, культуре и быту кумыков, а также в предшествующих этому изданию трудах³, касается *рабов* – категории зависимого населения кумыков, раскрывает характер *рабовладения*, высвечивает его роль в хозяйственной жизни населения, место *рабов* на социальной лестнице кумыков первой половины XIX в., освещает основные источники пополнения контингента *рабов*, показывает центры и характер *работорговли*, процветавшей до середины XIX в. на Северо-Восточном Кавказе, освещает политику кавказской администрации по прекращению этого прибыльного и жестокого «бизнеса». Большое место в ее труде отведено формам и методам освобождения *рабов* в Дагестане, политике российских властей в этом вопросе.

Особый интерес для нашего исследования представляет статья Г.Г. Османова, посвященная социальному строю Дагестана в конце XVIII – начале XIX в.⁴, в которой автор дает краткую, в рамках статьи, но емкую характеристику не только сословных групп класса феодалов, но и освещает сословные группы дагестанского крестьянства, среди которых *кулы* и *караваши* (*рабы* и

¹ Юшков С.В. К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане (до русского завоевания) // Уч. зап. Свердловского госпединститута. Свердловск, 1938. Вып. 1 (исторический).

² Хашаев Х.М. Общественно-экономический строй Дагестана в XIX веке. (Материалы к сессии). Махачкала, 1954.

³ Хашаев Х.М. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961.

¹ Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX веков. Махачкала, 1957.

² Магомедов Р.М. Дагестан. Исторические этюды. Махачкала, 1975. Вып. I.

³ Гаджиева С.Ш. О сословных отношениях кумыков в первой половине XIX века // УЗ ИИЯЛ. Махачкала, 1961. Т. IX; Ее же Кумыки. Историко-этнографическое исследование. М., 1961; Ее же Кумыки: историческое прошлое, культура, быт. Книга первая. Махачкала, 2000.

⁴ Османов Г.Г. О социальном строю Дагестана в конце XVIII – начале XIX вв. // УЗ ИИЯЛ. Махачкала, 1960. Т. VII. **367030, Махачкала-30**

рабыни). В работе определяются источники, «питающие *рабство*» в Дагестане, их роль в хозяйственной жизни *рабовладельца*, определяет характер *рабства* в Дагестане как *домашнего, патриархального*, подчеркивает социально-правовой статус *рабов*, выделяет различные формы *рабовладения* – индивидуальная, тухумная и общественная.

Трудно переоценить в плане предпринятых нами изысканий статью Х.Х. Рамазанова, вышедшую в 1961 г.¹ В ней автор, опираясь на богатый разнохарактерный фактический материал, доказывает неопровержимость факта наличия *рабства* в средневековом Дагестане вплоть до XIX в., которое благополучно уживалось с существовавшими производственными отношениями феодального типа. Подтверждают это исключительно ценные историко-правовые и местные памятники, на которые ссылается автор статьи. В ней рассматриваются такие важные аспекты проблемы, как источники *рабства*, общественно-экономическое и политическое положение *рабов*, освещается *работорговля*, пышно процветавшая на Северном Кавказе, в Дагестане в частности, характеризуется политика Российской империи по ликвидации этого явления и др.

Следует отметить и статью этого же автора, предшествовавшую вышеупомянутой, посвященную крестьянской реформе в Дагестане², так как мы в своих поисках также затрагиваем аспект освобождения *рабов*, в том числе и в ходе крестьянской реформы. Статья Х.Х. Рамазанова насыщена важными для нас сведениями об освобождении *рабов* и об окончательной ликвидации этого жестокого явления в жизни дагестанского общества.

Особой оценки заслуживают работы Е.Н. Кушевой, известного исследователя-кавказоведа, посвященные связям народов Северного Кавказа, в том числе Дагестана с Россией в XVI–XVII вв.³ И хотя главные исследовательские интересы Екатерины Никола-

евны фокусировались конкретно на проблемах истории развития разносторонних российско-северокавказских взаимоотношений, изучаемая нами проблема нашла в ее работах свое отражение, например, аспекты торговли «*живым товаром*» на Северном Кавказе, политики российских властей в этом вопросе и др.

В фундаментальной монографии В.Г. Гаджиева, где впервые в кавказоведении получили освещение конкретно русско-дагестанские взаимоотношения во всей своей сложности и многогранности¹, глава первая посвящена социально-экономическому и политическому строю Дагестана накануне присоединения к России, в которой автор освещает сословные группы крестьянства, названные им эксплуатируемым классом, среди них и сословная группа – *рабы*.

В другой работе этого автора, посвященной анализу источника первой трети XVIII в., мы находим интересные в плане нашего исследования сведения. Так, говоря о сложных социальных отношениях в XVIII в. в Кубачи, автор, комментируя исследуемый им исторический источник, со ссылкой на грузинский архив и работу Е.М. Шиллинга, пишет, что кубачинское общество задолго до И. Гербера не было однородным. Среди юридически равных между собой жителей выделялись так называемые «родовитые», «богатые», «влиятельные» люди, а также представители местного мусульманского духовенства, которые пользовались несравненно большим общественным влиянием и правами, а также несвободное население в лице *рабов*. Здесь было «несколько тухумов, происходящих от *пленных*, к ним не было должного уважения»².

Прямое отношение к изучаемой нами проблеме имеет и статья В.Г. Гаджиева, посвященная актуальной теме освобождения феодально-зависимых крестьян Дагестана в период борьбы народов Северо-Восточного Кавказа в 20–50 гг. XIX в., основанная на богатом архивном материале и данных исторической ли-

¹ Рамазанов Х.Х. К вопросу о рабстве в Дагестане // УЗ ИИЯЛ. Махачкала, 1961. Т. IX. С. 155–162.

² Рамазанов Х.Х. Крестьянская реформа в Дагестане // УЗ ИИЯЛ. Махачкала, 1957. Т. II. С. 64–109.

³ Кушева Е.Н. Русско-дагестанские отношения в XVI–XVII вв. Махачкала, 1954; Ее же. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. М.: Изд-во АН СССР, 1963.

¹ Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М.: Наука, 1965.

² См.: Гаджиев В. Г. Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекою Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. М.: Наука, 1979. С. 132.

тературы¹. В статье говорится о частичном освобождении по «реформе» Шамиля *рабов* в подвластных ему районах Дагестана.

Одной из первых попыток научной разработки непосредственно проблемы *рабства* в Дагестане, является плановая работа ныне покойного научного сотрудника сектора истории Дагестана досоветского периода ИИЯЛ ДФ АН СССР Шарапутдина Магомедовича Ахмедова, хранящаяся ныне в Рукописном фонде Института ИАЭ ДНЦ РАН². В своей работе он попытался поднять и рассмотреть важные аспекты этой проблемы, начиная с раннего средневековья. Следуя его наблюдениям, в наиболее развитых регионах на территории современного Дагестана, где уже сложились раннефеодальные государственные образования со своим аппаратом принуждения, наблюдалось широкое применение *рабского* труда в хозяйстве.

В работе Шарапутдина Магомедовича рассматриваются источники *рабства*, социально-правовой статус *рабов*. Для нас очень важен вывод, к которому он пришел, о том, что «на ранних порах появления *рабства* *рабы* адаптировались в коренной род, племя. А в позднее время они пополняли бесправный, зависимый слой дагестанского общества». Эти же наблюдения и выводы позже прозвучали и в опубликованной в соавторстве монографии³, первая глава которой, подготовленная Ш.М. Ахмедовым, посвящена социально-экономическому развитию Дагестана в V–XI вв.

Этот коллективный труд, посвященный исследованию социально-экономического положения Дагестан V–XVII вв. увидел свет в 1970 г. Третья глава «Общественно-политическое устройство союзов сельских обществ в XVII–XVIII вв.» (на примере Акуша-Дарго) раскрывает на примере одной из федераций союзов сельских общин, характерные пути развития сельской общины и союзов обществ, взаимоотношения внутри союзов сельских

обществ и содержит важные в плане нашей работы наблюдения и выводы.

В более расширенном и подробном виде эти вопросы получили свое дальнейшее изучение и разрешение в следующей монографии за авторством Б.Г. Алиева¹, посвященной изучению социально-политической истории Урахинского союза сельских общин.

Немаловажное значение для исследуемой нами темы имеет изданная несколько ранее Г.Д. Данияловым монография², первая глава которой посвящена социально-экономическим отношениям в Дагестане под названием «Коротко о характере классовых и сословных отношений у народов Дагестана». В ней, опираясь на широкий круг разнохарактерных источников, автор освещает социально-правовое положение *кулов* и *каравашей*, пишет о податях и повинностях зависимых категорий крестьянства различных феодальных владений и регионов Дагестана. Ценные наблюдения и сведения содержатся и в более позднем труде этого автора³.

Среди монографий и коллективных трудов, увидевших свет в 70-е гг., особо следует отметить работу А.Р. Шихсаидова «Дагестан в X–XIV вв.»⁴. В главе 3 этой работы, посвященной исследованию социального строя Дагестана в X–XIV вв., мы находим важные для нас наблюдения автора о *рабстве* в Дагестане.

В 80-е гг. XX в. дагестанская историография обогатилась представляющими для нас большой интерес монографиями. Прежде всего это монография Г.Г. Османова⁵, в первой главе которой рассматривается социально-экономический строй Дагестана. Остановившись на экономике и социальном строе Дагестана, автор освещает класс феодалов и класс крестьянства, в рядах последнего характеризуются *кулы* и *каравашы* – *рабы* и *рабыни*.

¹ Алиев Б.Г. Каба-Дарго в XVIII–XIX вв. Махачкала, 1972.

² Даниялов Г.Д. Классовая борьба в Дагестане во второй половине XIX – начале XX вв. Махачкала, 1971.

³ Даниялов Г.Д. Исторический путь развития народов Дагестана до вхождения его в состав России. Махачкала, 1995.

⁴ Шихсаидов А.Р. Дагестан в X–XIV вв. Опыт социально-экономической характеристики. Махачкала, 1975.

⁵ Османов Г.Г. Генезис капитализма в сельском хозяйстве Дагестана. М., 1984.

¹ Гаджиев В.Г. К вопросу о освобождении феодально-зависимых крестьян Дагестана в ходе борьбы горских народов Северо-Восточного Кавказа в 20–50 гг. XIX в. // УЗ ИИЯЛ. Махачкала, 1958. Т. V. С. 145–160.

² Ахмедов Ш.М. Рабство в Дагестане // РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 287.

³ Алиев Б.Г., Ахмедов Ш.М., Умаханов М.-С.К. Из истории средневекового Дагестана. Махачкала, 1970.

Нельзя не отметить важную в плане нашего исследования статью М.-С.К. Умаханова, посвященную побегам феодально-зависимых категорий крестьянства как одной из форм антифеодальной борьбы в Дагестане (XVII–XVIII вв.), увидевшую свет в 1983 г.¹ Автор, основываясь на значительном фундаменте фактического архивного материала, освещает побег *ясырей* и *кулов* из сопредельных феодальных владений Дагестана в русские города-крепости Северо-Восточного Кавказа как пассивную форму социального протеста, характеризует политику царских властей в этом вопросе, делает даже подсчеты количества побегов из различных конкретных феодальных владений в XVIII в. Вопросы, касающиеся интересующей нас проблемы, нашли свое отражение и в предшествовавших указанной публикации, конкретно касающейся проблемы *рабства* в Дагестане, работах М.-С.К. Умаханова. Так, во втором параграфе первой главы его монографии, посвященной взаимоотношениям феодальных владений и освободительной борьбе народов Дагестана в XVII в., изучая социально-экономическое развитие Дагестана, автор акцентирует внимание и на зависимой категории – *лаги*, *кулы*, *караваши*, утверждая, что в XVII в. они имелись во всех феодальных владениях Дагестана².

Работа А.Р. Магомедова интересна нам уже тем, что посвящена более раннему периоду, а именно: XV–XVII вв.³ В ней рассматриваются те же социальные категории населения Нагорного Дагестана, но с особенностями, которые имели место в изучаемый им период.

Не менее важной в теоретическом плане среди работ дагестанской историографии этого периода для нас является монография М.А. Агларова, изданная в издательстве «Наука», посвященная всестороннему исследованию сельской общины в Нагор-

ном Дагестане в XVII – начале XIX в.¹ В работе неординарно анализируются и трактуются хозяйственно-экономические и социальные основы, политический строй дагестанской общины и союзов общин – «вольных обществ». В третьей главе, рассматривая социально-экономический строй общины, автор останавливается и на категории зависимого крестьянства – «*лаги*», «обычно отождествляемой с *рабским сословием*». Автор считает, что *лагское сословие* в центральной, предгорной Аварии, в Лакии, у даргинцев и кумыков занимало видное место и играло большую роль вначале в хозяйственной, а затем, в XVIII–XIX вв., и в общественно-политической и духовной жизни дагестанского общества. Он также полагает, что высокие цены на *рабов* в XVII–XVIII вв. свидетельствуют о большой роли подневольного труда в хозяйстве. Особенно важны для нас выводы автора об юридическом обезличивании, а также об отсутствии прав *лагов* на имущество и, возможно, на семью, хотя последнее утверждение, как покажут наши поиски, далеко не бесспорно.

В 1986 г. был опубликован сборник научных статей в издательстве «Наука»², посвященный важной для нас теме – формам бытования, месту и роли в общественной жизни *рабовладельческого уклада* в странах средневекового Востока. Во многих странах Востока рабство сохранялось практически до XX века, оказывая влияние на социальные структуры и общественное сознание. Материалы сборника показывают, что, несмотря на специфику форм бытования *рабства* в странах и регионах Востока в средние века, могут быть прослежены и общие закономерности. Авторы статей сборника не всегда придерживаются одинаковой точки зрения на положение *рабов*, характер и роль *рабства* в обществах средневекового Востока, что еще раз говорит о дискуссионности проблемы. Тем не менее, представляется, что данное издание впервые в отечественном востоковедении дает наиболее полное представление о *рабстве* в странах Востока в средние века.

¹ Умаханов М.-С.К. Побег – как одна из форм антифеодальной борьбы в Дагестане (XVII–XVIII вв.) // Классовая борьба в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1983. С. 27–43.

² Умаханов М.-С.К. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII веке. Махачкала, 1973.

³ Магомедов А.Р. Хозяйственная жизнь и социальный строй Нагорного Дагестана в XV–XVII вв. Ростов н/Д., 1985.

¹ Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. (Исследование взаимоотношения форм хозяйства, социальных структур и этноса). М.: Наука, 1988.

² Рабство в странах Востока в средние века. М.: Наука. Главная редакция Восточной литературы, 1986.

Ряд работ, изданных в 90-е годы XX в., посвященных социально-экономической и политической истории народов Дагестана, в той или иной степени касались и *института рабства*. Из них следует выделить монографию Р. Маршаева и Б. Бутаева¹. В главе, посвященной общественно-экономической жизни лаксов конца XVIII – первой половины XIX вв., освещается социальная трансформация *бывших военнопленных* в райатов, которые в начале XIX в. населяли 12 аулов в Лакии, причем утверждение авторов базируются на богатом разнохарактерном материале. Содержатся в работе наблюдения авторов, касающиеся и собственно *рабства*.

Интерес для нашего исследования представляют монографии Ш.М. Мансурова, посвященная Салатавии² и А.Г. Мансуровой – Цудахарскому союзу³. В первой из них мы находим целый ряд интересных наблюдений и сведений, напрямую касающихся проблемы *рабства* в позднесредневековой Салатавии.

Нельзя обойти вниманием и труды А.С.-М. Акбиева, посвященные социально-экономическому развитию и административно-политическому положению кумыков в XVI–XVIII вв.⁴ В специальных параграфах в разной степени изучаются классовая и сословная структура кумыков. Автор среди различных сословных групп крестьян касается и рабов, пишет об их происхождении, экономическом и социально-правовом положении, приводит интересные данные Кизлярского комендантского архива, характеризующие *работоторговлю* в регионе и др.

В 1998 г. увидела свет монография Н.А. Магомедова⁵, в которой автор, изучая г. Дербент и Дербентское владение, среди других аспектов, освещает экономическое развитие, и что важно

для нас, социальные отношения в XVIII – первой половине XIX в. в городе, традиционно на протяжении многих столетий бывшем одним из центров международной *работоторговли* в Прикаспии.

В 1999 г. было опубликовано фундаментальное исследование Б.Г. Алиева, посвященное союзам сельских общин Дагестана. Это первое в отечественном кавказоведении обобщающее исследование социально-экономического развития и структуры административно-политического управления союзов сельских общин Дагестана в XVIII – первой половине XIX в., известных в исторической литературе как «вольные общества»¹. Работа основана на огромном своде сведений разнохарактерных фактических источников и полевого историко-этнографического материала, собранного лично автором. Нас привлекает в этой работе не только общетеоретические «находки» и выводы автора, но и конкретные сведения, имеющие отношение к изучаемой проблеме.

Историография истории Дагестана постсоветского периода обогатилась несколькими исследованиями, представляющими в плане наших поисков большой интерес.

Следуя хронологии, отметим вышедшую в 2000 г. монографию Д.С. Кидирниязова, посвященную ногайцам². Интерес для нас представляет третья глава, где исследуются социальные отношения, расслоение ногайского общества на два антагонистических класса. К эксплуатируемому классу среди других автор относит и *джаллукулов* и *джолсызкулов*, давая характеристику каждой из указанных социальных групп, а также форм их зависимости.

Нельзя не отметить монографию М.Р. Гасанова³, вышедшую в 2004 г., в которой среди других важных наблюдений и выводов мы для себя находим характеристики, имеющие прямое отношение к изучаемой нами проблеме. Этой монографии предшествовал ряд научных работ, в том числе и квалификационных,

¹ Алиев Б.Г. Союзы сельских общин Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. (Экономика, земельные и социальные отношения, структура власти). Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 1999.

² Кидирниязов Д.С. Ногайцы в XV–XVIII вв. Махачкала, 2000.

³ Гасанов М.Р. Дагестан в истории Кавказа и России (проблемы, поиски, этюды). Махачкала, 2004.

¹ Маршаев Р., Бутаев Б. История лакцев. Махачкала, 1991.

² Мансуров Ш.М. Салатавия (социально-экономическая и политическая история в конце XVIII – первой половине XIX вв.). Махачкала, 1995.

³ Мансурова А.Г. Цудахария (социально-экономическая и политическая история в конце XVIII – первой половине XIX вв.). Махачкала, 1995.

⁴ Акбиев А. Кумыки. Вторая половина XVII – первая половина XVIII века. Махачкала, 1998; Его же. Общественный строй кумыков в XVII–XVIII вв. Махачкала, 2000.

⁵ Магомедов Н.А. Дербент и Дербентское владение в XVIII – первой половине XIX в. Политическое положение и экономическое развитие. Махачкала, 1998.

в которых также содержатся ценные для нас материалы и наработки автора¹.

Следует заметить, что под научным руководством М.Р. Гасанова его аспиранткой была подготовлена диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук, посвященная изучению разносторонних взаимоотношений народов Дагестана и Грузии в XVIII – начале XIX века, позже изданная в виде монографии². В этой работе автор рассматривает важный для нашего исследования аспект взаимоотношений народов Дагестана с Грузией, а именно – «*лекианоба*» – (буквально «*лезгинщина*»), т.е. набеги из Дагестана организованных феодалами дружин с целью грабежа и увода населения в *рабство*. Затрагивается в работе и тема *работорговли* в Дагестане.

В этом же плане несомненный интерес представляет статья Д.М. Магомедова, опубликованная в 2004 г.³, в которой он обратился к проблеме «*лекианоба*». Однако автор в ней приводит фактические данные, свидетельствующие о систематических набегах и грузинских феодалов на территорию, в основном, Западного Дагестана. Он также попытался определить основные причины, способствовавшие существованию этого явления. Не менее интересна своими оригинальными суждениями и предшествовавшая вышеуказанной статья этого же автора, посвященная грузинской историографии социального строя горцев Дагестана и их взаимоотношений с Грузией⁴, в которой, критикуя грузинских авторов, он обращается все к той же проблеме «*лекианоба*», видя основной

и истинной причиной обострения дагестано-грузинских отношений внешнюю агрессию восточных соседей.

В 2006 г. дагестанская историография пополнилась монографическим исследованием Ю.У. Дадаева социально-экономического положения, политико-правовой и военно-административной системы управления в многонациональном государстве Имамат, созданном имамом Шамилем и его сподвижниками в период народно-освободительной борьбы Дагестана и Чечни¹. Здесь мы находим ценные рассуждения автора о преобразованиях в имамате в социальной сфере, в частности о ликвидации *рабства* в государстве Шамиля, запрещении торговли «*живым товаром*».

В 2008 г. была опубликована монография Ф.З. Феодаевой, в основу которой положена ее кандидатская диссертация, написанная много лет назад, посвященная проблеме неослабевающей актуальности и востребованности². Исследование основано на базе значительного пласта архивных документов, извлеченных автором из центральных архивов Москвы и, что особенно важно, из уникального местного архивохранилища – фонда «Кизлярского коменданта», хранящегося в ЦГА РД в Махачкале. Глава первая исследования посвящена социально-экономическому и политическому положению Дагестана во второй половине XVIII – начале XIX в., в которой приводятся фактические данные о *работорговле*, о ценах на *рабов*, о центрах *работорговли*, о политике российских властей по пресечению этого прибыльного «бизнеса» позднего средневековья.

Трудно переоценить в плане наших поисков монографию Б.Г. Алиева, посвященную дагестанскому крестьянству позднефеодального периода (XVIII – первая половина XIX века)³. Автором на основе анализа и обобщения всех доступных архивных и литературных источников, кавказоведческой литературы, адатов народов Дагестана, историко-этнографического материала и ис-

¹ Гасанов М.Р. Исторические связи Дагестана и Грузии. Махачкала, 1991; Его же. У истоков братства. Некоторые вопросы развития дагестано-грузинских взаимоотношений. Махачкала, 1986; Его же. Взаимоотношения народов Дагестана и Грузии в XIX – начале XX в.: Автореф. дис. ... д-ра ист наук. Тбилиси, 1986.

² Дибирова А.И. Взаимоотношения Дагестана и Грузии в XVIII – начале XIX века. М., 2008.

³ Магомедов Д.М. Взаимоотношения горцев Дагестана с Грузией (проблема «*лекианоба*») // Исследования по истории Дагестана (дооктябрьский период): сб. статей. Махачкала, 2004. С. 39–52.

⁴ Магомедов Д.М. Грузинские авторы о социальном строе горцев Дагестана и об их взаимоотношениях с Грузией // Вопросы истории Дагестана. К 80-летию профессора В.Г. Гаджиева. Махачкала, 2005. С. 156–176.

¹ Дадаев Ю.У. Государство Шамиля. Социально-экономическое положение, политико-правовое и военно-административная система управления. Махачкала, 2006.

² Феодаева Ф.З. Русско-дагестанские отношения во второй половине XVIII – начале XIX вв. М., 2008.

³ Алиев Б.Г. Крестьянство Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. Махачкала, 2009.

следований предшественников впервые дается широкая характеристика всех сословных групп дагестанского крестьянства, раскрываются вопросы их происхождения, сословно-правового положения, хозяйственной деятельности. В данной работе мы обнаруживаем, пожалуй, самый подробный очерк о лично-зависимых крестьянах, среди которых дана предельно подробная характеристика и категорий – *рабы, казаки*.

В постсоветский период в дагестанской историографии было предпринято планомерное изучение проблемы *рабства* в феодальном Дагестане в Центре истории Дагестана Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. Автору этих строк была запланирована на три года тема исследования «*Институт рабства* в феодальном Дагестане». Научные поиски автора воплотились в серию научных статей и теоретический семинар по проблеме *рабства* в средневековом Дагестане. В статьях освещались источники *рабства*, социально-правовой статус *рабов*, место *рабов* в экономической жизни народов Дагестана. *работорговля* и др. аспекты проблемы¹.

¹ Иноземцева Е.И. Из истории торговли «живым товаром» в Дагестане в XVII – нач. XIX вв. // Иран и Кавказ: труды Кавказского центра Иранистики. Тегеран, 2000. Т. 3–4; Ее же. К вопросу о политике России по пресечению работорговли на Северном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в. // Вопросы Северокавказской истории. Армавир, 2004. Вып. 9; Ее же. К вопросу о торговле «живым товаром» во взаимоотношениях Дагестана с народами Кавказа и Россией в XVII–XIX в. // Кавказ, Балканы, Передняя Азия: Сб. научн. трудов Сев.-Кавказского регионального отделения МНАБ. Махачкала, 2004. Вып. 2 (9); Ее же. К вопросу об институте рабства в феодальном Дагестане // Вопросы истории Дагестана: Сб. статей. Махачкала, 2006; Ее же. К вопросу о социально-правовом положении рабов в феодальном Дагестане // Историко-культурные процессы на Северном Кавказе (взаимодействие, взаимовоздействие, синтез): Материалы научно-практической конференции. Армавир, 2007; Ее же. К вопросу о торговле «живым товаром» в контексте кавказской политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVII – первой половине XIX века // Исторический вестник: VIII выпуск. К 60-летию В.Х. Кажарова. Нальчик: Институт гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН, 2009; Ее же. К вопросу о патриархальном рабстве и работорговле у кумыков в трудах С.Ш. Гаджиевой // Жизнь отданная науке: Мат-лы научной сессии, посвященной 95-летию профессора С.Ш. Гаджиевой. Махачкала, 2009; Ее же. On the social status of slaves in the North Caucasus // Iran and Caucasus. Brill, Leiden-Boston, 2010, № 14; Ее же. К вопросу об источниках рабст-

В 2007 г. увидела свет монография Н.Н. Гаруновой, в которой на фундаментальном пласте разнохарактерного материала дается история возникновения, становления, развития и функционирования российских городов-крепостей в Нижнем Притеречье в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе¹. Здесь мы находим наблюдения и суждения автора по поводу функций комендантов русских крепостей, в частности Кизляра, которым вменялось в обязанность предпринимать меры по пресечению *работорговли* в крае, устраивать *ясырей* из христиан, бежавших или выкупленных у горцев и др.

Необходимо отметить и некоторые публикации дагестанской историографии последних лет, в которых в той или иной степени освещаются важные для нас аспекты истории *института рабства* в Дагестане в XVIII – первой половине XIX вв.², а именно вопросы политики российских властей по выкупу из горского плена *ясырей*-христиан, происхождением из армян и грузин и обустройству их на Кизлярщине.

ва в феодальном Дагестане // Вопросы истории Дагестана. Махачкала, 2011. Вып. VII; Ее же. Торговля ясырями во взаимоотношениях России с народами Дагестана в XVII – первой половине XIX в. // Вопросы истории Дагестана. Махачкала, 2011. Вып. VII; Ее же. К вопросу о социально-правовом положении рабов в феодальных владениях Северо-Восточного Кавказа // Вопросы этнографии Дагестана. Махачкала, 2011. Вып. 5; Ее же. Институт рабства в феодальном Дагестане в отечественной историографии // Наука и образование в Чеченской республике: состояние и перспективы развития: Мат-лы Всероссийской научно-практич. конференции, посвященной 10-летию со дня основания КНИИ РАН. Грозный, 2011; Ее же. Институт рабства в феодальном Дагестане // Кубанские исторические чтения: Мат-лы III Всероссийской с международным участием научно-практич. конференции. Краснодар, 2012; Ее же. Социально-экономическое положение рабов в феодальном Дагестане // Вестник ИИАЭ ДНЦ РАН. Махачкала, 2013. № 4(36); Ее же. Формы и особенности освобождения рабов в Дагестане в контексте кавказской политики Российской империи // Роль России в исторических судьбах народов Кавказа. Махачкала, 2013.

¹ Гарунова Н.Н. Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII в.: проблемы политической, экономической и культурной интеграции. Махачкала, 2007.

² Аганесова Э.В., Суздальцева И.А. Армянская община Дагестана в XVIII–XIX вв. Махачкала: Народы Дагестана, 2007; Суздальцева И.А. К проблеме формирования грузинской и армянской общин Дагестана в XVIII – начале XIX вв. // Вестник ДНЦ РАН. Махачкала, 2009. № 33. С. 37–41.

Считаем своим долгом обратить внимание заинтересованного читателя и на важные в плане характеристики изучаемого нами социального института наблюдения и выводы, прозвучавшие в квалификационных исследованиях последнего десятилетия. Так в докторской диссертации Т.В. Гаджиева¹ мы находим оригинальные суждения автора о месте и значении *института рабства* в дагестанском феодальном обществе и, что особенно важно, о социально-правовом статусе *рабов* в Дагестане, об их правоспособности.

В кандидатской диссертации З.Т. Гаджиева², опираясь на нормы шариата, автором делаются любопытные наблюдения о социально-правовом положении *рабов* в Дагестане, об особенностях, формах и условиях освобождения *рабов*, авторские выводы по поводу социально-правовой терминологии феодального Дагестана и др.

В наших поисках широко использован материал, наблюдения, выводы историков-кавказоведов сопредельных Дагестану республик, что позволило проводить сравнения, аналогии, вычленив общее и особенное в бытовании *института рабства* у различных народов Северного Кавказа. Это работы Т.Х. Кумыкова³, Н. Х. Тхамокова⁴, статьи И.М. Саидова⁵, Р.Л. Харадзе и А.И. Робакидзе⁶, Ф.В. Тотоева⁷, Е.Дж. Налоевой¹.

¹ Гаджиев Т.В. Государство, общество и право в Дагестане (до второй четверти XIX в.): Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2001. С. 299–311.

² Гаджиев З.Т. Основные черты и особенности общественно-политического развития Восточного Кавказа в период османно-персидского противостояния: XVI–XVIII вв.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. С. 149–161.

³ Кумыков Т.Х. Социально-экономические отношения и отмена крепостного права в Кабарде и Балкарии (1800–1869). Нальчик, 1959.

⁴ Тхамоков Н.Х. Социально-экономический и политический строй кабардинцев в XVIII веке. Нальчик, 1961.

⁵ Саидов И.М. Землевладение и землепользование у чеченцев и ингушей в XVIII–XIX вв. // Известия ЧИНИИ языка, литературы и экономики. Грозный, 1964. Т. 4. Вып. 1. История.

⁶ Харадзе Р.Л., Робакидзе А.И. Характер сословных отношений в горной Ингушетии // КЭС. Тбилиси, 1968. Ч. II.

⁷ Тотоев Ф.В. Развитие рабства и работорговли в Чечне (вторая половина XVIII века – 40-е годы XIX века) // Труды ЧИНИИЯЛ. Грозный, 1969. Т. 9. Вып. 1.

Особо следует выделить работы самых ближайших соседей – докторов исторических наук, профессоров Н.П. Гриценко², А.И. Хасбулатова³ и Ш.Б. Ахмадова⁴, посвященных различным аспектам истории Чечни и Ингушетии, в которых мы черпаем очень важный, информативный и теоретический материал по социальному строю и отношениям, интересные аналогии с дагестанским материалом, позволившие нам глубже понять и осветить некоторые важные аспекты предпринятого исследования по *рабству* в Дагестане.

Особо выделяются работы северокавказских ученых Школы В.Б. Виноградова, посвященные, в основном, так называемой «*набеговой системе*», «хищничеству» и «*пленапрадавству*» во взаимоотношениях горцев Северного Кавказа с Россией⁵. Как констатируют представители этого направления современного отечественного кавказоведения, «специфика российско-горского взаимодействия в широком хронологическом диапазоне остается **весьма дискуссионной проблемой** (подчеркнуто нами – Авт.) отечественной исторической науки». Это, естественно, и предполагает широкий разброс мнений и суждений. Но ведь дискуссия предполагает и плюрализм, терпимость к инакомыслию, толерантность, культуру диалога. Особо поддерживаем и их тезис о том, что «проблему можно увидеть только **беспристрастным взглядом**» (подчеркнуто нами – Авт.), к чему, в свою очередь и призываем авторов недавно увидевших свет исторических очерков Ю.Ю. Клычникова и А.А. Цибулькиной под редакцией и с предисловием Бориса Витальевича Виноградова⁶. Не всегда раз-

¹ Налоева Е.Дж. Об особенностях кабардинского феодализма // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1980.

² Гриценко Н.П. Рабство и работорговля в Чечено-Ингушетии // Труды ЧИНИИЯЛ. Грозный, 1976. Т. 10.

³ Хасбулатов А.И. Установление российской администрации в Чечне (II пол. XIX – нач. XX века). Грозный, 2002.

⁴ Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX века (Очерки истории социально-экономического развития и общественно-политического устройства Чечни и Ингушетии в XVIII – начале XIX века). Грозный, 2002.

⁵ Судьбы кавказских пленников. Документы 1817–1853 гг. // Сост. Е.С. Тютюнина. Под ред. и с послесловием В.Б. Виноградова. Армавир, 1998.

⁶ Клычников Ю.Ю., Цибулькинова А.А. «Так буйную вольность законы теснят...»: борьба российской государственности с хищничеством на Северном

деляя их резкие характеристики и пристрастные оценки относительно горцев Северного Кавказа, особенно, относительно уровня их развития, мы не можем не выразить и своего восхищения этим изданием – как техническим исполнением, так и наполненностью фактическими данными, их интерпретацией, стилем изложения. Перед нами добротный труд, базирующийся на солидном фундаменте фактического материала, который будирует мысль, не оставляя читателя равнодушным.

В работе, опираясь на разнохарактерный материал, авторы освещают торговлю российскими женщинами на Северном Кавказе в XVIII–XIX вв., характеризуют политику российских властей по ограничению и прекращению этой «практики», поднимают проблему т.н. «горского хищничества» и др. аспекты проблемы.

Близко к этому труду примыкают и научные статьи молодого исследователя Е.В. Великой, имеющие прямое отношение к нашим поискам и посвященные изучению комплекса мер Российского правительства по ликвидации работорговли на Северо-Восточном Кавказе в первой половине XIX века¹

Большой интерес для нашей работы представляет диссертационное исследование на соискание ученой степени кандидата исторических наук Асхада Юсуфовича Чирга, посвященное борьбе российских властей против контрабанды и работорговли на Северо-Западном Кавказе в 1829–1864 гг. по специальности 07.00.05 «История международных отношений и внешней политики»². В первой главе исследования «Османская и английская контрабанда и работорговля на Северо-Восточном побережье Черного моря в 1829–1864 гг.» на протяжении двух параграфов

Кавказе (исторические очерки) / Под ред. и с предисловием Б.В. Виноградова. Пятигорск, 2011.

¹ Великая Е.В. Борьба российской администрации с работорговлей на Северо-Восточном Кавказе в первой половине XIX века // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. Вып. 10; Ее же. О комплексе мер Российского правительства по ликвидации работорговли и освобождению пленников на Северо-Восточном Кавказе в первой половине XIX века // Российская государственность в судьбах народов Северного Кавказа. – IV: Мат-лы региональной научно-практической конференции. Пятигорск, 2013. С. 64–71.

² Чирг А.Ю. Борьба России против контрабанды и работорговли на Северо-западном Кавказе (1829–1864): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1987.

рассматривая социально-экономическое развитие адыгов, автором высвечиваются пережитки рабства у адыгов, а также контрабандный вывоз рабов из Закубанья.

Во второй главе освещаются военные и дипломатические меры против контрабандной торговли на Черном море вообще, в том числе и против работорговли.

В 2008 г. в Санкт-Петербурге была защищена кандидатская диссертация Ильи Александровича Мальцева, посвященная истории рабства у народов Сибири и Оренбургского края в XVIII – первой половине XIX в.¹ В работе на основе значительного пласта фактического материала рассматриваются важные аспекты проблемы рабства у народов, населяющих регион, начиная с конца XVI в., а именно: у русских, у служилых татар, «сибирских бухарцев»; освещаются источники рабства, формы эксплуатации рабов в XVIII в., работорговля, постепенная отмена рабства в Сибири. Эта работа явилась для нас важным подспорьем в наших поисках, позволив провести некоторые параллели, выявить многие аналогии в развитии института рабства позднего средневековья в таких, казалось бы, достаточно отдаленных географических регионах, как Кавказ и Сибирь.

1.2. Источниковая база проблемы

Источниковой базой исследования послужили архивные материалы центральных и местных архивохранилищ как вошедшие в известные публикации, так и извлеченные и вводимые в научный оборот автором этих строк и другими исследователями. Ценнейшие документы местного происхождения хранятся в Центральном госархиве Республики Дагестан (ЦГА РД). Наибольший интерес для нас представляет собой комплекс письменных памятников, объединяющий около 8 тыс. ед. хранения под названием «Кизлярский комендантский архив».

Все документы, выделяемые нами из обширного комплекса памятников Кизлярского комендантского архива, можно подразделить на две основные группы: русские и северокавказские. Документы северокавказского происхождения, являющиеся наибо-

¹ Мальцев И.А. Рабство в Сибири и Оренбургском крае в XVIII – первой половине XIX в.: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2008.

лее надежными из первоисточников, представляют собой письма и русские переводы с писем, исходящих от феодальных владельцев Дагестана, Чечни, Кабарды, представителей сельских общин, духовных лиц, в которых мы находим различные данные о побегах в Кизляр и казачьи городки *ясырей* и *лагов*, о продаже *пленников* христианского происхождения, о ценах на *рабов* и другие важные в плане нашего исследования сведения.

Ценные документы по проблеме, разрабатываемой нами, хранятся и в Рукописном фонде Института ИАЭ ДНЦ РАН. Наряду с источниками местного происхождения здесь имеются заверенные копии архивных документов, выявленных кавказоведами и дагестановедами в центральных архивохранилищах, фотокопии документальных материалов.

В исследовании широко использован опубликованный документальный материал. Из дореволюционных изданий наиболее существенными являются публикации: «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией» (Тифлис, 1866–1873. Т. I–V); [Шамрай В.С.] Историческая справка к вопросу о ясырях на Северном Кавказе и в Кубанской области и документы, относящиеся к этому вопросу. Б.м.Б.г. Название последней из них говорит само за себя и свидетельствует о важности сведений, содержащихся в ней.

Ряд материалов по исследуемой нами теме содержатся в изданном в 1940 г. сборнике архивных материалов по истории Дагестана и Чечни¹, ставшем уже библиографической редкостью.

В 1958 г. был опубликован сборник архивных материалов, извлеченных Е.Н. Кушевой, составленный Р.Г. Маршаевым, посвященный русско-дагестанским отношениям в XVII – первой четверти XVIII в.², где содержатся документы, сообщающие нам сведения о побегах *ясырей* в Терскую крепость, о политике Русского государства в этом вопросе, о переписке между русскими властями и северокавказскими феодалами по поводу выкупа плененных-христиан.

В следующем году был издан крупный сборник архивных материалов, посвященный движению горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50 гг. XIX в.¹, в котором опубликованы документы, имеющие непосредственное отношение и к исследуемой нами теме, касательно различных сословных групп крестьянства Дагестана, форм зависимых отношений и др.

В 1988 г. коллектив сотрудников отдела истории досоветского периода Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР издал сборник архивных документов по русско-дагестанским отношениям в XVIII – нач. XIX в.² В сборник включены документы – переписка между российской администарцией и феодальными владельцами Дагестана касательно беглецов-*ясырей*, торговли «*живым товаром*» и других важных сведений в плане нашего исследования.

В 1992 г. В.Г. Гаджиевым был издан сборник материалов различных отечественных и зарубежных авторов XIII–XVIII в. о Дагестане³. Здесь мы обнаруживаем интересные свидетельства о *работоторговле* в Дербенте, Шемахе и др. сведения по нашей проблеме.

Важнейшим источником для исследования поставленной перед нами задачи, являются адаты (обычное право). Известный советский этнограф В.К. Гарданов так оценивал значение адатов: «Можно без преувеличения сказать, что адаты горцев Северного Кавказа являются главнейшим, а подчас и единственным источником для характеристики социальных отношений у этих народов на протяжении многих столетий, начиная с эпохи средневековья и в особенности для народов XVIII – начала XIX вв.»⁴.

Работа по сбору, систематизации и публикации адатов народов Дагестана началась со второй половины XIX в. Первой ра-

¹ Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50 гг. XIX в. Сб. док. / Сост. В.Г. Гаджиев и Х.Х. Рамазанов. Махачкала, 1959.

² Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. / Сост. В.Г. Гаджиев, Д.-М. Габиев и др. М., 1988.

³ Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII–XVIII вв. / Сост. введ., вступит. статьи к текстам и примеч. проф. В.Г. Гаджиева. Махачкала, 1992.

⁴ Гарданов В.Г. Обычное право как источник для изучения социальных отношений народов Северного Кавказа в XVIII – начале XIX в. // Советская этнография. М., 1960. № 5. С. 12.

¹ Материалы по истории Дагестана и Чечни / Под ред. С. Бушуева и Р. Магомедова. Махачкала, 1940. Т. 3.

² Русско-дагестанские отношения. XVII – первой четверти XVIII в. / Сост. Р.Г. Маршаев. Махачкала, 1958.

ботой, вышедшей в 1868 г., была статья А.В. Комарова¹, в которой объединены и систематизированы адаты различных народов Дагестана. В приложении к статье дана запись одного из ценнейших документов XVII в. «Постановления Кайтахского Уцмия Руستم-Хана».

В 1873 г. были изданы адаты даргинских обществ², а в 1875 г. – адаты южнодагестанских обществ³. В 1882–1883 гг. Ф.И. Леонтович издал «Адаты Кавказских горцев»⁴, в предисловии к первому выпуску этого издания говорится об адатах аварцев, кайтагов и бежтинцев. В 1899 г. были опубликованы «Адаты Дагестанской области и Закатальского округа»⁵, куда вошли еще и адаты Андийского, Гунибского и Казикумухского округов.

Отечественными кавказоведами в советский период была проделана огромная работа по сбору и изданию адатов дагестанских народов. Особенно плодотворно кропотливая работа по выявлению и публикации адатно-правовых норм народов Дагестана, на анализе которых в основном базируются вопросы социально-правового положения *рабов* в Дагестане, была продолжена Х.-М.О. Хашаевым⁶. Так, в сборнике «Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв.» помещен наиболее полный свод адатов союзов аварцев и андо-цезской группы, а также адаты Тарковского шамхальства и Мехтулинского ханства, «Кодекс законов Умухана Аварского (Справедливого)». В адатах содержатся важные сведения, в них зафиксировано классовое деление общества, отражены взаимоотношения между разными классами, их земельные отношения, права и обязанности различных сословий крестьянства, в том числе и категории лично зависимых.

¹ Комаров А.В. Адаты и судопроизводство по ним // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. I. С. 12.

² Адаты даргинских обществ // ССКГ. Тифлис, 1873. Вып. VII. С. 1–128.

³ Адаты южно-дагестанских обществ // ССКГ. Тифлис, 1875. Вып. VIII. С. 1–75.

⁴ Леонтович Ф.И. Адаты Кавказский горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса, 1822–1823. Вып. 1–2.

⁵ Адаты Дагестанской области и Закатальского округа. Тифлис, 1899.

⁶ Хашаев Х.-М.О. Кодекс Ума-хана-Аварского (Справедливого). М., 1948; Гидатлинские адаты / Подготовили к изданию Хашаев Х.-М. и Саидов М.-С. Махачкала, 1959; Памятники обычного права Дагестана. XVII–XIX вв. Архивные материалы / Сост., предисловие и примечания Х.-М. Хашаева. М.: Наука, 1965; Феодалные отношения в Дагестане. XIX – начало XX вв. Архивные материалы / Составл., предисловие и примечание Х.-М. Хашаева. М., 1969.

Материал, касающийся *рабства* в Дагестане в XVI–XVII вв. встречается редко. Тем ценнее представляются нам публикации дагестанского ориенталиста Т.М. Айтберова, в которых содержатся сведения дагестанских арабоязычных источников о положении рабов в указанный выше период в Дагестане¹. Это сведения 1657 г. об условиях освобождения рабов в Аварии, соглашение жителей сел. Унчукатля, приблизительно датированное 1666–67 гг., по условиям которого за убийство или поранение кого-либо из эмиров или их *рабов* на жителей селения ложится обязанность выплаты дийата и другие важные для нас сведения.

Один из списков «Соглашение от 905 г. Х., заключенное между Чупанилавом из Нижнего Чугли, с одной стороны, и Эргенами, с другой, о соглашении их на поселение его рабов и слуг на земле, принадлежавшей им», относящийся к концу XVI в., ранее был изучен и опубликован профессором Р.М. Магомедовым².

Важна для нас и другая публикация документальных материалов, осуществленная трудами Т.М. Айтберова, в которой мы обнаруживаем небольшие вкрапления сведений, интересных для нашего исследования³.

Особо следует выделить работы дагестанского ученого-востоковеда Г.-М.-Р. Оразаева, который многие годы занимался переводом и комментированием документов тюркоязычной деловой переписки в Дагестане XVIII в., результаты чего вылились в его публикацию, где изучаемому нами вопросу уделено большое внимание⁴. В монографии автор публикует свои переводы документов из фонда Кизлярского коменданта, написанных арабской

¹ Шигабуудинов М.Ш., Айтберов Т. Документы по истории средневекового Дагестана (нач. XV – конец XVI в.); Айтберов Т.М. К вопросу о рабстве в Дагестане в XVI–XVII вв. // Письменные памятники и проблемы истории и культуры народов Востока: краткие сообщения XII годичной научной сессии ЛОИВАН СССР. М.: изд-во «Наука», 1977. С. 52–57.

² Магомедов Р.М. История Дагестана с древнейших времен до начала XIX в. Махачкала, 1961; Его же. История Дагестана с древнейших времен до конца XIX в. Махачкала, 1968.

³ Хрестоматия по истории права и государства Дагестана в XII–XIX вв. / Сост. Т.М. Айтберов. Редактор Ш.Б. Магомедов. Махачкала, 1999. Ч. 1.

⁴ Оразаев Г.-М.Р. Памятники тюркоязычной деловой переписки в Дагестане XVIII в. (Опыт историко-филологического исследования документов фонда «Кизлярский комендант»). Махачкала, 2002.

графикой на так называемом «северо-кавказском тюрки» – языке деловой переписки северокавказских феодалов с российской администрацией в Кизляре в XVIII в. Эти письма в архиве снабжены русскими переводами того времени, однако в них допущено множество неточностей, особенно в переводе специфических для жителей региона социально-бытовых терминов, например, социальный термин «*караваши*», обозначающий домашнюю *рабыню*, в документах архива переводится как «баба-татарка», т.е. в данном случае абсолютно утрачена социальная окраска термина «*караваши*». Таким образом, в важности для нас этого исследования дагестанского ориенталиста не приходится сомневаться.

В ходе нашего поиска нами был использован, как уже указывалось выше, метод терминологического анализа для раскрытия содержания различных терминов, поскольку от того или иного истолкования их смысла зависят выводы и исследователя и читателей. В этих целях нами были привлечены наблюдения, суждения и выводы дагестанских лингвистов¹.

В этих же целях нами был задействован и материал русско-дагестанских словарей².

Широко использованы в нашей работе литературные источники, известные кавказоведческие изыскания современников и свидетели событий изучаемого нами времени. Многие из этих источников нами проанализированы как историографические работы, так как в них авторы давали свое видение проблемы, свои суждения и мнения. Значительная часть из таких работ опубликованы в сборнике архивных материалов, тоже ставшем уже библиографической редкостью³. Это прежде всего работы авторов

XVIII в. (И.-Г. Гербера, И. Лерха, И.А. Гильденштедта, П.Г. Буткова и т.д.), а также работы авторов начала XIX в. (А.И. Ахвердова, А.М. Буцковского, И.Ф. Бларамберга, М.О. Коцебу и т.д.).

В нашей работе задействован и историко-этнографический материал, собранный дагестановедами за время многолетних историко-этнографических экспедиций, опубликованный или хранящийся в Рукописном фонде, право пользования которым было нам любезно предоставлено авторами.

Такова в целом историография и источниковая база освещаемой нами проблемы. Как видно из приведенного нами свода трудов, в них в той или иной степени освещаются те или иные её аспекты. Обобщение всех приведенных источников и материалов позволило дополнить и развить изыскания отечественной историографии и в какой-то степени раскрыть основные аспекты этой, пока еще во многом дискуссионной, проблемы. Вместе с тем автор этих строк не претендует на решающее слово, но истинно многогранна и, быть может, одну из ее граней все-таки удалось осветить.

¹ Джидалаев Н.С. Предисловие // Социальная терминология в языках Дагестана: Сб. статей. Махачкала: ИИЯЛ ДФ АН СССР, 1989; Таймасханова Т.Г. Сословные термины в кумыкской ономастике // Социальная терминология в языках Дагестана. Махачкала, 1989; Абдуллаев И.Х., Микаилов К.Ш. К истории дагестанских этнонимов «лезг» и «лак» // Этнография имен. М., 1971.

² Русско-кумыкский словарь / Под ред. З.З. Бамматова. М., 1960; Русско-аварский словарь / Под ред. С.З. Алиханова. Махачкала, 2003; Русско-даргинский словарь / Сост. С.Н. Абдуллаев. Махачкала, 1950; Русско-лакский словарь / Сост. Г. Муркелинский. Махачкала, 2001; Русско-табасаранский словарь / Сост. Р.М. Загиров. Махачкала, 1988.

³ История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. Архивные материалы / Под ред. М.О. Косвена и Х.-М. Хашаева. М., 1958. (Далее – ИГЭД)

2. К ВОПРОСУ О ПОНЯТИЯХ И ТЕРМИНАХ ИНСТИТУТА РАБСТВА

Для исторической науки определенный интерес представляет изучение социальных терминов, позволяющих определить место и роль их носителей в социальной организации. Прежде чем приступить к изучению института *рабства* в феодальном Дагестане, необходимо точно определить данное понятие.

Еще античными юристами было дано довольно четкое определение понятия «*раб*»: «тот, право на которого принадлежит господину, называется *рабом*, а тот, право на которого не принадлежит его господину, не называется *рабом*». По мнению отечественных историографов, *раб* – это человек, который является собственностью другого лица, или группы лиц, или государства. Во многих случаях *раба* трудно отличить от крепостного, поскольку два основных признака *рабского* и крепостного состояния, а именно то, что это люди, являющиеся собственностью другого человека, или группы людей или государства, люди утратившие право собственности на свою личность, «право распоряжаться собою в пределах действующих в обществе правовых установлений, по своему усмотрению и в своем интересе», люди, подвергающиеся эксплуатации путем внеэкономического принуждения – признаки, характерные как для *раба*, так и для крепостного. Разделение *рабов* и крепостных по их отношению к средствам производства (*раб* лишен их полностью, а крепостные лишь частично) не является надежным критерием, во всяком случае для стран Востока, где нередко *рабы* имели и семью и собственность¹.

Древнегреческие философы и римские ученые определяли *рабство* как состояние полной зависимости. Так, по словам Аристотеля (384–322 гг. до н.э.) *рабы* были «*одушевленным орудием*». Римский ученый Теренций Варрон (116–27 гг. до н.э.) называл *рабов* «*говорящим орудием*». Это мнение вошло в римское право и стало определением так называемого «*классического рабства*», которое и оказало влияние на представления о *рабстве* вообще (подчеркнуто нами. – Авт.). Российские исследова-

тели также определяют *рабство* как форму эксплуатации, при которой *раб* наряду с орудиями производства является собственностью своего господина¹. А.П. Новосельцев, имея в виду отечественную историческую науку в целом, писал, что в ней господствует представление о *рабстве*, «основанное на античном, прежде всего римском, *рабовладельческом праве*, и, когда ученые подходили с ним к странам внеримского мира, оно оказывалось недостаточным... По-видимому, абстрагироваться от правового аспекта рабства невозможно, хотя одновременно необходимо учитывать и реальное положение различных лиц, покрываемых *рабскими* терминами, которые, как выясняется на деле, имели очень разный смысл...»². Поэтому очень трудно дать научное определение *рабства*, которое учитывало бы все разнообразие положения *рабов* в разное время.

Согласно мнению английского исследователя Дж.К. Ингрема, главная особенность *рабства* заключается в том, что «господин владеет личностью своего *раба*, хотя права, вытекающие из такого владения, могут подвергаться разнообразнейшим ограничениям»³.

Он же определил критерий различия *рабства* и крепостного права: «переход от *рабства* к крепостному праву... начинается с той минуты, когда господин ... лишается своей собственности, олицетворяемой личностью *раба*, и сохраняет право только на его труд и услуги, или на известную часть этих услуг»⁴.

В Дагестане сложилась многообразная социальная терминология, отражавшая имущественное и правовое положение различных слоев населения. Феодальный Дагестан имел довольно пеструю политическую структуру, а его общество – столь же пеструю социальную стратификацию. «Разница в темпах общественного развития разных частей Дагестана при их тесной локаль-

¹ Кареев Н.И. Рабство // Энциклопедический словарь русского библиографического института Грант. 7-е издание. Т. 35. М., б.г. С. 286; Козлов В.И. Рабство // Большая советская энциклопедия. 3-е издание. Т. 21. М., 1975. С. 947.

² Новосельцев А.П. Генезис феодализма в странах Закавказья. М.: Наука, 1980. С. 85.

³ Ингрем Дж. История рабства от древнейших до новых времен / Перевод с англ. З.Н. Журавской. Издание второе. М.: Книжный дом «Либроком», 2011. С. 270.

⁴ Там же.

¹ Рабство в странах Востока в средние века. М.: Наука. Главная редакция Восточной литературы, 1986. С. 5.

ной близости является одной из особенностей его истории. Это явление прослеживается и на всем протяжении феодальной эпохи¹, – замечал профессор Р.М. Магомедов. Народы Дагестана в течение многих столетий имели более или менее тесные контакты с населением сопредельных регионов Северного Кавказа, Закавказья, а также Передней Азии, Ближнего Востока. Эти контакты, естественно, нашли свое соответствующее отражение в лексике, в том числе и в социальной терминологии языков Дагестана.

Вопросы становления социальных терминов, их фонетико-семантических вариантов имеют большое значение не только для языковедческой, но и для исторической науки. Если лингвистов интересует происхождение термина, его лексический статус, то историка, прежде всего, занимает вопрос, как и при каких обстоятельствах данная лексема оказалась в данной социальной среде, как и почему она приобрела конкретный, присущий данной среде социальный смысл и при каких обстоятельствах ее значение изменилось².

Необходимо учитывать и тот факт, что почти все документы по истории Дагестана, за редким исключением, написаны на иностранных языках – арабском, персидском, армянском, грузинском, а также русском. И, как справедливо подчеркивает дагестанский ученый-языковед Н.С. Джидалаев, это «создает известные трудности в практике дагестанской историографии, в правильном и точном понимании тех или иных явлений, исторических категорий, в точной характеристике социальных институтов, должностей, вообще социально-политической структуры»³.

Дело в том, что как бы ни был составлен иностранный источник, он все же написан автором, смотрящим глазами человека другой среды. Иноязычный автор, как правило, пользуется понятиями и терминами своего общества и языка, которые лишь при-

близительно фиксируют и отражают чуждые ему явления¹. Поэтому-то «...историческая наука вступает на твердую почву с того момента, когда она начинает располагать документами, говорящими на языке данного народа»².

Таким образом, при историко-этимологическом анализе социальных терминов требуется комплексный подход с учетом требований методики лингвистического и историографического анализа, при котором было бы проявлено максимально бережное отношение к фактам языка и социальной истории, особенно в условиях дагестанской действительности, с ее своеобразием и специфичностью.

В условиях Дагестана, когда абсолютное большинство социально-политических терминов, принятых в научном обиходе и вошедших в литературные языки, являются иноязычными, на передний план выходит необходимость внимательного отношения к некоторым терминам, образованным на базе искаженных или заимствованных слов.

Как пишет дагестанский языковед Н.С. Джидалаев, следует иметь в виду, что одно и то же иноязычное слово не во всех дагестанских языках получило одинаковое терминологическое преломление. Например, следуя наблюдениям языковедов, тюркский по происхождению термин «казак» в различных регионах Дагестана употребляется в разных значениях. В лакском и даргинском языках «къазахъ» – «слуга», «батрак», «работник», в этом же значении употребляется и в табасаранском «гъазгъ». Но в аварском языке «хъазахъ» и «батрак», и «пленный раб». В этой связи любопытно и весьма характерно то, что в бежтинском языке «хъазахъ» – этноним «грузин», генезис которого нетрудно понять: все пленные, превращенные в рабов у бежтинцев, видимо, были из Грузии (Нам кажется небезинтересным здесь заметить, что, к примеру, английское слово «slave» (раб) употреблялось первоначально для обозначения славян, попавших в плен к германцам и обращенных в рабство. «От Эвксинского порта до Адриатики в качестве военнопленных или рабов они (т.е. славяне – Авт.) распространялись по всей стране; случай или злой умысел изменил

¹ Магомедов Р.М. О некоторых особенностях развития феодальных отношений у народов Дагестана // Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа: Тезисы докладов регион. научной конференции. Махачкала, 1980. С. 7.

² См.: Новосельцев А.П. Указ. соч. С. 54.

³ Джидалаев Н.С. Предисловие // Социальная терминология в языках Дагестана: Сб. статей. Махачкала: ИИЯЛ ДФАН СССР, 1989. С. 9.

¹ Новосельцев А.П., Пашуто В.М., Черепнин Л.В. Пути развития феодализма. М., 1972. С. 7.

² Там же. С. 12.

значение национального имени и слово *slave* стало обозначать – *раб*¹).

В кумыкском языке *къзахъ* – свободный человек, служивший за плату князю или узденю². Иногда в *къзахъ* попадали и потомки разорившихся первостепенных узденей. Но в XIX в. термин *къзахъ* получает новое содержание: «батрак»³, не имеющий своей земли и хозяйства, работающий на сельских богатеях. По данным профессора С.Ш. Гаджиевой, *казаки* делились на две группы: *къанлы къзахъ* и *тургъак къзахъ*. В то время как первые (кровники) находились в особенно тяжелых условиях, вторые могли выйти в нукеры, получить от владельца землю, имущество, стать сборщиком податей и т.п.⁴

Косаги в осетинском языке – *рабы*. По данным Г.А. Кокиева *косаги* находились на самой низкой ступени социальной лестницы.

Если следовать словарной статье «казак» «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера, то древнерусское «*козак*» – работник, батрак заимствовано из тур., крым. – тат., казах, кирг., тат., чагат. *kazak* «свободный независимый человек, искатель приключений, бродяга»⁵.

Даль предлагает иную семантику и, указывая возможную корневую основу термина, пишет: «*Казак* или *козак* (вероятно от среднеазиат.: *казмак*, скитаться, бродить)».

Термин «*кул*» (*къул*), получивший на Кавказе широкое распространение, несущий в себе социальное содержание понятия «*раб*», также заимствован из тюркского.

Производные от *къул* (*раб*, *рабский*) – *къул елевчу* (рабовладелец); *къул сатывчу*, *къул-сахиб* (работорговец); *къуллук* (рабство, кабала). *Къул къажар* – *раб-перс*. От *къараваш* (рабыня) – *къаравашлык* – положение рабыни⁶. С.Ш. Гаджиева, ссылаясь на

источник¹, писала следующее: «*раб* – *къул*», а *рабыня* – «*къара-баш*». На официальном языке они назывались *безобрядными, безадатными холопами*², т.е. не защищенными положениями адата – обычного права.

Т.Г. Таймасханова обращала внимание на следующее: «... в каждом кумыкском населенном пункте тухумное деление населения было обязательным... Как правило, все названия тухумов имеют аффикс множественного числа, т.е. это слово передает понятие множества людей, целого тухума: *бийлер* (*бий+лер*) – «князья»... *къуллар* (*къул+лар*) «*рабы*», «тухум рабов», у южных кумыков их еще называют «*асилсизлар*» (*асилсиз+лар*) – «неблагородные» ..., в селении Ишкарты их называют «*чочгъалар*» – «*свины*», а у северных кумыков – «*эшек тухум*» – «*тухум ишаков*». Здесь же этот автор приводит следующие микроононимы: «*Къуллараул*», т.е. *къуллар* – «*рабы*», «*слуги*»+«*аул*» – «*квартал*». *Ачаул* – т.е. «*ач*» – «*голодный*»+«*аул*» – «*квартал*» – «*квартал голодных*» – название квартала в сел. Бойнак. «*Къуллани гент*» – букв. «*рабов село*» – название пахотного участка в сел. Карабудахкент³.

Что касается соционима «*лаг*» (*лагъ*), отождествляемого в Дагестане обычно с *рабским* сословием, то, следуя рассуждениям профессора М.А. Агларова, который опирается на мнение В.И. Абаева, термин «*лаг*» – «*человек*», «*крестьянин*», «*раб*» – представляется исконно кавказским. М.А. Агларов поддерживает точку зрения В.И. Абаева о том, что «от понятия человек до названия сословия – дистанция небольшая», считая ее этимологически правдоподобной⁴. Эта точка зрения является на сегодняшний день общепринятой⁵.

¹ Освобождение зависимых сословий во всех горских округах Терской области // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. I. С. 38.

² Гаджиева С.Ш. Указ. соч. С. 202.

³ Таймасханова Т.Г. Сословные термины в кумыкской ономастике // Социальная терминология в языках Дагестана. Махачкала, 1989. С. 125–126.

⁴ Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. (Исследование взаимоотношения форм хозяйства, социальных структур и этноса). М.: Наука, 1988. С. 140.

⁵ См.: Абдуллаев И.Х., Микайлов К.Ш. К истории дагестанских этнонимов «лезг» и «лак» // Этнография имен. М., 1971.

¹ Цит.: Ингрэм Дж. История рабства... С. 7.

² Гаджиева С.Ш. Кумыки: Историческое прошлое, культура, быт. Кн. I. Махачкала, 2000. С. 210.

³ Там же. С. 211.

⁴ Джидалаев Н.С. Указ. соч. С. 9–10.

⁵ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. II. М.: Прогресс, 1967. С. 158.

⁶ См.: Русско-кумыкский словарь / Под ред. Б.Г. Бамматова. Махачкала, 1997.

Независимо от этой этимологии М.А. Агларов считает возможным предположить, что термин «лаг» вполне выводим (через чеченский «лай» – название той же зависимой категории населения) от «лаой» – термина, обозначавшего зависимое крестьянское население Малой Азии (II–III вв.) и Закавказья. «Понятия, как видим, – пишет он, – близкие и по звучанию и семантически, и наконец, по положению, которое эта категория населения занимала в Дагестане и Малой Азии. Этимологию В.И. Абаева, вероятно, можно распространить и на малоазийский термин «лаой», считая его источником чеченского «лай» и дагестанского «лаг»¹.

В чеченском языке для обозначения пленника, оставленного для работы в хозяйстве общинника, употреблялся термин «лай», который предположительно образовался от осетинского «лаэг» – «человек», что указывает на источники формирования зависимого сословия².

«Термин *лай*, обозначающий «зависимого», «неблагородного происхождения человека», чеченцам известен давно, – пишет А.И. Хасбулатов, – кроме вышеприведенной нами версии о происхождении «лай» от осетинского «лаэг»... есть и другая – от вайнахского «ла» – терпеть, «лай» – вытерпеть».

Интересно, что древнегреческий автор Страбон, описывая кавказские народы, в частности, кавказских иберов и их соседей, приводит их зависимое сословие «лаои»³. Исследователь А.Б. Ранович термин «лаои» переводит как «мужики», «люди»⁴. А.И. Хасбулатов допускает предположение, что между вайнахскими «лаями» и страбоновскими «лаоями» сходство имеется не только в созвучии, в произношении, но и в социально-правовом содержании⁵. У чеченцев назвать человека «лай» считалось (и считается до сих пор) оскорбительным.

Раб – пленный чужеземец и *раб* – соплеменник могли различаться терминологически. Если прав И.Я. Фроянов, то так бы-

ло, например, в Киевской Руси, где *рабы* терминологически различались по источнику их закабаления, а именно: *рабы* из числа пленников именовались *челядью*, а рабы из местного населения именовались *холопами*¹.

«Соборное уложение» 1597 г. несколькими статьями впервые в истории России детально регламентировало положение такой разновидности *холопства*, как *купленные люди*. Под этим термином имелись в виду только представители восточных народов, купленные либо у их родственников, либо у пленивших их на войне. По своему положению эта категория *рабов* была близка к *полному* или *старинному холопству*, но было и существенное отличие. Если *полное холопство* в XVII в. не пополнялось извне (*полными холопами* были лишь потомки *холопов XVI в.*; после Уложения от 1 февраля 1597 г. русские могли поступать только в *кабальные холопы*), то *купленные люди* были возобновляемой категорией лично зависимого населения. Если *полные холопы* являлись в основном русскими, то *купленные люди* иноплеменники. Как и *полные холопы*, *купленные люди* находились в *наследственном рабстве*: их можно было завещать, включать в духовные завещания, отдавать в приданое (гл. XX. ст. 1). Однако право их продажи было ограничено – владелец мог перепродать только некрещеного *купленного человека*. Если же господа вначале крестили *купленных людей*, а затем продавали их, то за это, согласно статье 97, следовала суровая санкция, а именно: освобождение *раба* со ссылкой на то, что «по государеву указу крещенных людей никому продавать не велено»².

Как отмечает А.И. Робакидзе, практически на всех языках народов Кавказа терминологически были четко разграничены понятия, обозначающие пленников вообще и пленника, оставленного для работы в хозяйстве общинника, в частности. Для обозначения пленника вообще в большинстве языков использовался, по данным А.И. Робакидзе, тюркский термин *ясыр*, *ессир* (*ийисар*);

¹ Агларов М.А. Указ. соч. С. 140

² Хасбулатов А.И. Установление российской администрации в Чечне (II пол. XIX – нач. XX в.). М.: Русь, 2001. С. 64.

³ Там же. С. 65.

⁴ Ранович А.Б. Эллинизм и его историческая роль. М., 1950. С. 155–156.

⁵ Хасбулатов А.И. Указ. соч. С. 66.

¹ Фроянов И.Я. О рабстве в Киевской Руси // Вестник ЛГУ. 1965. Т. 12. Вып. 1. С. 86.

² См.: Мальцев И.А. Рабство в Сибири и Оренбургском крае в XVIII – первой половине XIX в.: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2008. С. 45.

для пленника, оставленного для работы в хозяйстве общинника, употреблялся термин «лай»¹.

В документах XVIII в. прослеживается четкое разделение рабов у кумыков на две группы: *ясырей* и *кулов* (дворовых чагар русских источников). *Дворовые чагары* (*чагар-кул*, *чагар-караваши*) упоминаются в русских источниках еще и как *природные* или *домородные холопы*. *Дворовые чагары* были связаны со своими хозяевами тесными узами в течение ряда поколений. *Ясырями* же называли пленных, захваченных во время набегов, т.е. *ясыри* являлись *рабами* в первом поколении. У кумыков *пленник-есир* (*есир тюшген адам*), *пленница*, судя по данным «Русско-кумыкского словаря», также *есир* (*есирликге тюшген къатынгыши*). В аварском языке *пленник* – *ясир*, *асир*; в даргинском – *пленник* – *ясир* (*ясирдемлизивси*), *пленница* – *ясир хьунул адам*, *пленение* – *ясируци*, *пленить* – *ясируцес*. В каратинском языке – *пленник(ца)* – *асир*; в лакском – *ясир* (*ясир хьусса*, *ясирнуагьсса*); в табасаранском – *йисир* (*йисирвал ахьнайн*); в лезгинском – *есир* (*есирвиле гьат*)². Т.е. здесь наблюдаются различные вариации одного и того же термина, восходящего к арабскому *асирун*. *Ясыри* большей частью предполагались для продажи и лишь некоторые из них оставались хозяевами у себя в хозяйстве.

Для сравнения: *ясырями* в Чечне могли быть чеченцы и ингуши, захваченные враждовавшими между собой обществами. *Ясырей* можно было продать, подарить, но убийство их запрещалось общественным мнением. Если пленный верно отслужил своему хозяину, по истечении определенного времени последний мог наделить его землей с выплатой натуральной ренты. Тем самым *ясырь* приобретал право построить собственный дом и известись семьей. Потомство его именовалось *есар бераши*, т.е. *дети*

ясырей: оно всегда было в долгу перед семьей хозяина и вносило подать за пользование землей, отправляя и личные повинности¹.

Разные названия для *раба* мужчины и *рабыни* были характерны для многих народов. Так, например, у кумыков *къул* – *раб*, *къараваши* (*къарабаш*) – *рабыня*. В даргинском языке *раб* – *лагъ*, *рабыня* – от тюркск. *къараваши*, но и производный термин от «лагъ» – *лагъ хьунул*. В лакском языке *раб* – *лагъ*, *рабыня* – от тюркск. *караваши*, но и от местного – *ссурмухъхьу*, а также производное от термина *лагъ* – *лагъшареса*. В лезгинском языке *раб* – *лукI*, *рабыня* – *къаравуш* (*дишегъли лукI*); в табасаранском – *раб* – *лукI*, *рабыня* (*служанка*) – *гъараваш*²; у чеченцев *гларбаш* – *рабыня*, *ялхо* – *слуга*, *лай* – *раб*. У кабардинцев *унаут* – *раб* (безобразный холоп – русск.), *михифатц* – женщина-*рабыня*, которая входила в приданное дочери князя и т.д.³

Нельзя обойти вниманием и термины, существовавшие в дагестанском обществе, несущие в себе социальное содержание, характеризовавшее категорию зависимого крестьянства, получившего освобождение от рабской зависимости, а именно:

Азат (*азат* – *узденъ*) – *вольнотпущенник*, бывший *раб*, получивший свободу «за деньги или при каком-нибудь условии», т.е. отпущенный феодалом добровольно по «назру» за верную службу⁴. Причем, освободившиеся по доброй воле феодала или выкупившись за деньги, *азаты* не порывали со своим хозяином, сохраняя отношения подчиненности к его семье и в большинстве своем селились поблизости, в знак благодарности оказывая ему свои услуги. *Азаты* чаще всего выбивались в люди и дети их уже пытались породниться с узденями.

Лаз-тархан (*тархан гъарурал*, *тархъанта-ралал*, *тархъан гъарулал*, *тархъан*) – *вольнотпущенники* в Аварии. Данная кате-

¹ См.: Хасбулатов А.И. Указ. соч. С. 64.

² См.: Русско-кумыкский словарь...; Русско-даргинский словарь...; Русско-лакский словарь...; Русско-лезгинский словарь...; Русско-табасаранский словарь...

³ См.: Гаджиева С.Ш. Кумыки... С. 202; Хасбулатов А.И. Указ. соч. С. 65, 66; История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокова: Сб. статей и документов / Выявление, археография, составление, вступит. статья Г.Х. Мамбетова. Нальчик: «Эль-Фа», 2005. С. 212.

⁴ Гаджиева С.Ш. Указ. соч. С. 112.

гория населения сажалась на землю, которую они могли иметь в полной собственности, имели семью, выступали в походы наравне с узденями, т.е. становились полноправными членами сельской общины, хотя в некоторых обществах их лишали права совладательства территорией. Наблюдается немало примеров того, как наиболее предприимчивые из сословия *лагов* своим богатством, в силу особых заслуг перед общиной, доблести или религиозности становились влиятельной силой в общине. *Лагь-тархан* (*вольнотпущенники*) иногда сами становились владельцами *рабов*. В этом случае эта последняя категория, по свидетельству профессора М.А. Агларова была наиболее приниженной и называлась хусхул («куласул»+«кул») *раб раба*. Однако этот разряд *рабов* различался лишь при брачном выборе, будучи уравненными с *лагами* в экономической и правовой жизни¹.

По данным Х.-М. Хашаева, в четырех селениях Гидатлинского вольного общества (Тидиб, Хотода, Тлях и Гинта) бывшие рабы именовались «*нахателал*»², что буквально означает «*стоящие в последних рядах*»³.

Формы и методы закабаления были различны, что и предопределило существование следующих терминов:

кабальное (долговое) рабство; кабальный раб – должник или недоимщик;

уголовное рабство – канлы (кровники), а также воры.

В т.н. «вольных обществах» Дагестана долгового рабства не было и не могло быть, так как отдельное физическое лицо не являлось юридическим и находилось под опекой своего тухума, а через него и общины в целом. Общины и их союзы при этом бдительно следили за сохранением свободного статуса своих общинников, что нашло отражение в правовых нормах, как союзов сельских обществ, так и феодальных владений⁴.

Аварский социальный термин «*апараг*, мн. число *апараг-заби*» восходит к перс. *апарак* (абрек) – «бродяга, грабитель». Из персидского через тюркский еще в древности он попал в кавказские языки. В некоторых из них, как например в аварском оно сохранило свою изначальную форму. В нагорном Дагестане и Чечне XVI–XVIII веков *апарагами* называли свободных переселенцев, занимавших в сельской общине промежуточное положение между полноправными общинниками и *рабами*. Аварская поговорка гласит: «Дом пришельца на краю селения» (Апарагасул рукь росо рагиалда бугеб буго). Среди *апарагов* было немало кровников, бежавших из родных мест из-за совершенного ими убийства. Дагестанские *апараги* были надежно защищены от преследований кровников общиной и тухумом своих хозяев-кунаков, давших им кров на чужбине¹.

В русских архивных документах, а также в отечественной историографии как дореволюционной, так и современной, существует ряд терминов, определявших или связанных с историческими фактами пленения и торговли пленниками, исходившими от горцев Северного Кавказа, а именно:

1) *наездничество, набеговый промысел, хищничество, хищнические набеги;*

2) *набежчики, людокрады;*

3) *система северокавказского пленопродавства, пленопродавство.*

Со своей стороны, на Кавказе, в частности в Грузии, существовали термины, несущие в себе такие же понятия:

1) *Лекианоба* (от «*леки*», т.е. горцы Дагестана буквально: «*лезгинщина*») – набеги феодальных дружин горцев Дагестана на сопредельные территории Грузии с целью захвата пленных и трофеев

2) *Меконроба* – набеги горцев-тушин на земли Дагестана и сопредельные территории Грузии с теми же целями.

3) *Атарекоба* – такие же набеги горцев-хевсуров.

¹ Агларов М.А. Указ. соч. С. 143.

² Феодальные отношения в Дагестане. XIX – начало XX в.: Архивные материалы / Сост. предисл. и примеч. Х.-М. Хашаева. М., 1969. С. 30.

³ Агларов М.А. Указ. соч. С. 142.

⁴ См.: Гаджиев Т.В. Государство, общество и право в Дагестане (до второй четверти XIX в.): Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2001. С. 300.

¹ См.: Бобровников В. Абреки и государство. Культура насилия на Кавказе // Вестник Евразии (Acta Eurasica): Независимый ежеквартальный научный журнал / Под ред. С.А. Панарина. М., 2000. 1(8). С. 19–46.

Что же касается понятия «*работорговля*» (торговля *ясырями*, торговля людьми), употребляемого в отечественной и вообще в историографии *рабства*, то, следует заметить, что в дореволюционной литературе использовался не совсем благозвучный, но точно и ёмко отражающий суть этого явления термин «*пленопродавство*». Сегодня в кавказоведении вновь появляется этот термин. Так А.А. Цибульникова считает что «назревшим стало внедрение термина «*пленнопродавство*», куда более точно обозначающего глубинную суть такого явления, как торговля людьми на Кавказе, нежели слишком широкий и неточный для данного региона термин «*работорговля*». Действительно, преобладающая часть «*живого товара*», продаваемая горцами внутри региона или за его пределы, являлись пленниками, а не *потомственными* или *долговыми рабами*»¹.

Да, действительно, в большинстве своем «*живой товар*» на Кавказе был представлен *ясырями*, т.е. пленниками, в основном христианского вероисповедания, но, как будет показано нами в соответствующем разделе, не только. Это один из аргументов, позволивший нам использовать привычный в отечественной (и не только) историографии *рабства* термин «*работорговля*».

В этой же связи можно отметить, что в международном праве статья 7 Дополнительной конвенции ООН об упразднении *рабства, работорговли* и институтов и обычаев, сходных с *рабством*, от 7 сентября 1956 г., по существу повторяя определение понятия «*торговля невольниками*», которое содержалось в п.2 ст. 1 Конвенции ООН относительно *рабства* от 25 сентября 1926 г., относит к *работорговле* любые действия:

- 1) связанные с захватом, приобретением какого-либо лица или с распоряжением им с целью обращения его в *рабство*;
- 2) связанные с приобретением *раба* с целью его продажи или обмена;
- 3) по продаже или обмену лица, приобретенного с целью продажи или обмена;

¹ Цибульникова А.А. О терминах не спорят // Российский Северный Кавказ: перспективы исследования и исторические вызовы: Мат-лы Межрегион. научной конференции. Армавир, 2008. С. 78.

4) по торговле или перевозке *рабов* какими бы то ни было транспортными средствами¹.

Таким образом... под понятие «*работорговля*» попадают любые сделки, совершаемые в целях эксплуатации (обращение в *рабство*) или корысти (продажа или обмен). При этом четко различаются действия, связанные с обращением человека в *рабство*, которые совершаются в отношении свободного человека (не являющегося *рабом*), и действия, связанные с торговлей (продажей, обменом, приобретением), которые совершаются в отношении как свободного человека, так и *раба*, с целью продажи или обмена.

Понятия «*рабство*», «*работорговля*» появились в международном праве в то время, когда начался всемирный процесс борьбы за их запрещение (XIX в.), т.е. когда эти явления существовали в различных странах легально, в силу закона или обычая. *Работорговцу* не было необходимости скрывать свои действия. Законность являлась обязательным признаком *рабства* и *работорговли*, если предметом сделки являлся *раб*, т.е. человек, который априори, в силу своего социального статуса, предназначался для эксплуатации.

Рабство и *работорговля* в настоящее время юридически, т.е. легально, не существуют, они запрещены международным правом. Причем международно-правовые акты указывают на допустимость широкого понимания понятия *рабства*². Запрет одинаково распространяется на все виды как *рабства*, так и положений, сходных с *рабством* и институтов и обычаев, схожих с *рабством*. Однако фактически и *рабство*, и *работорговля* продолжают существовать, но уже в скрытых, преступных формах. Т.е. все еще остается актуальным и у всех на слуху и термин «*рабство*», и термин «*работорговля*».

Подводя итог вышеприведенного материала, следует заметить, что пестрая картина социальной структуры феодального Дагестана предопределяла и такую же сложную социальную тер-

¹ Мизулина Е.Б. Торговля людьми и рабство в России: Международно-правовой аспект. М.: Юрист, 2006. С. 92.

² См.: Мизулина Е.Б. Указ. соч. Гл. 2. О базовых понятиях в сфере борьбы с торговлей людьми и рабством. С. 85–97.

минологию даже одного, отдельно взятого социального института, каким является *институт рабства* в средневековом Дагестане, которая красноречиво отражает имущественное и правовое положение личнoзависимой категории крестьянства. Предпринятый нами выше поиск был задуман постольку, поскольку от того или иного социального термина зависят выводы как непосредственно исследователя, так и заинтересованного читателя.

С другой стороны, большое разнообразие терминов, характеризующих изучаемый нами социальный институт, не оставляет сомнений в том, что он существовал в феодальном обществе Дагестана, составляя характерное своеобразие социального развития региона, будучи в то же время одной из вариаций базовой модели *рабства* на Северном Кавказе, а также в целом в странах Востока и не только.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН

instituteofhistory.ru

3. ФОРМЫ ПОРАБОЩЕНИЯ И ИСТОЧНИКИ РАБСТВА

На протяжении всей истории человечества основным источником пополнения числа *рабов* были военнопленные. Плен оставался основным источником *рабства* и тогда, когда начали порабощать и соплеменников. Человек, взятый в плен на войне, рассматривался как захваченное имущество и на основании права силы захвата считался *рабом*. Взятый в плен иноплеменник был «не свой», «чужой» человек, что позволяло приравнять его захват к захвату скота и прочего имущества и обращать в *рабство*. Таким образом акт захвата, став нормой права, приобрел юридическую силу. По римскому праву захват в плен был юридическим основанием для возникновения рабского состояния¹.

Письменные источники I тыс. н.э. донесли до нас сведения о том, что *рабы* в Дагестане рекрутировались в основном из военнопленных. Так, описывая ассортимент экспортируемых из Дербента товаров, ал-Истахри выделял из них *рабов* «из разных стран кяфиров»². *Рабы* и красивые девушки-*рабыни* являлись основной статьей экспорта Дербента и в те времена, и позже. Через Дербент шел поток невольников из Поволжья³.

Народы Дагестана во время военных действий угоняли значительное количество военнопленных, которых затем продавали в *рабство*, так же как и сами становились объектом угона в *рабство*. Известно, что в процессе распространения ислама в Серире, Шандане и др. совершались набеги, сопровождавшиеся массовым угоном женщин и детей, скота и захватом имущества «неверных». В 739 г. Мерван, покорив Дагестан, обязал каждое владение поставлять ему определенное количество пшеницы и *рабов*: «от 1000 до 500 человек (Серир и Хамзин) до 100–50 человек»⁴. В хронике «Дербенд-наме», составленной на основе сведений раннесредневековой мусульманской историографии сообщается буквально следующее: «Когда наступил сто двадцатый

¹ См.: Рабство в странах Востока в средние века. М.: Наука, 1986. С. 7.

² Ал-Истахри. Книга путей и царств / Пер. Н. Караулова // СМОМПК. Тифлис, 1903. Т. XXIX. С. 11.

³ Соловьев П.С. Мухамеданская нумизматика в отношении к русской истории. СПб., 1847. С. IX.

⁴ См.: Рабство в странах Востока... С. 431.

(737/8) год Хиджры пророка, в Дербенд прибыл Мерван ибн Мухаммед...

С окружающих сторон он назначил харадж, который должен предоставляться жителям Дербенда: ежегодно Кумук должен был давать сто *рабов* (*кул*) и *рабынь* (*караваш*) и двадцать тысяч мер пшеницы. От Гюбечи назначил пятьдесят *рабов* (*эсир*). От Кайтака назначил пятьсот *рабов*, двадцать тысяч мер пшеницы...»¹. В.Ф. Минорский подчеркивал в своей работе, что дербентская аристократия поддерживала свое положение, торгуя военной добычей и военнопленными: «газии в менее благочестивые дни охотились за людьми». Дербентский эмир не только продавал, но и сам покупал *рабов*, из которых формировал личную гвардию².

Главным источником пополнения контингента *рабов* в средние века были не только войны, но и набеги феодалов в соседние области, что давало большое число пленных для продажи или обращения в домашнюю прислугу.

Документы «Кизлярского комендантского архива» пестрят сообщениями о бегстве *ясырей* в «российские пределы», т.е. в Кизлярскую крепость. Так, в письме аксаевских владельцев Каплан-Гирея и Магомед-Уцмия Солтанмамутовых (4 июня 1748 г.) сообщается о том, что от них «бежали в Кизляр три *холопа* персияне магометанского закона...»³; 13 июня 1788 г. те же владельцы сообщили кизлярскому коменданту о побеге уже пятерых *холопов*, четверо из которых «персияне»⁴.

По наблюдениям Е.Н. Кушевой, *ясыри-рабы* у кумыков были и русские, и мичикизские, и грузинские, и черкасские, были также и из Средней Азии – бухарские, юргенские⁵. Помимо этого захватывались люди, отставшие от купеческих караванов или иностранных посольств, о чем сообщал в XVII веке Я. Стрейс⁶ и

¹ «Дербенд-наме» на языках народов Дагестана: тексты и комментарии / [Под общей ред. Г.М.-Р. Оразаева; составитель Д.М. Маламагомедов]. Махачкала: Мавраевъ, 2012. С. 320.

² Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда. М., 1963. С. 48, 60, 65, 71.

³ ЦГА РД. Ф. 339. Оп. 1. Д. 5 Л. 57

⁴ Там же. Л. 74.

⁵ Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 97.

⁶ Стрейс Я. Три путешествия. М.: ОГИЗ, 1935. С. 219.

А.Олеарий. Последний во время проживания в Тарках видел там двух женщин русского происхождения, похищенных «татарами» (здесь: кумыками – Авт.), а также «старого человека по имени Матфия Махмара родом из Эттингера в Вюртембергской стране. По ремеслу он был ткач бархента, в венгерскую войну был захвачен турками, продан этим татарам и обрезан»¹. По словам Давида Бутлера, «тарковскими татарами» были захвачены пятнадцать немцев, бежавших из Астрахани от казаков Степана Разина². Согласно показаниям Матвея Андрианова, в Тарках в первой половине XVIII в. «на многих дворах имелось человек по восемь *рабов*»³.

Неизвестный художник. Возвращение с набега.

¹ Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 499, 504.

² Копия с письма Д. Бутлера // Русский Архив. 1880. № 1. С. 125.

³ См.: Акбиев А.С. Кумыки. Вторая половина XVII – первая половина XVIII века. Махачкала, 1998. С. 86.

Армянин Иван Христофоров, захваченный в плен шамхальским сыном Хасбулатом, показал, что «с ним было ... при доме шамхальском великороссийских всяких людей человек двадцать и несколько армян и грузинов. Да и в других домах по несколько человек российских людей было...»¹.

По допросной ясыря-грузина, принадлежавшего визирю шамхала Тарковского, «полоненников во владении шамхальском есть грузинцов, мелетинцов и армян человек с тысячу»².

М.Б. Лобанов-Ростовский писал по этому поводу следующее: «*Рабы*, происходят или от пленных, взятых на войне, или от бедных людей, обманом вывезенных из своих деревень и проданных потом какому-нибудь кумыку, князю или узденю. Промышленность эта до сих пор (середина XIX в.) очень деятельно производится между ними. Молодые удалцы их, рыская по соседям, чтобы выгладеть, из какого табуна будет угнать лошадь или буйвола, не пропустят удобного случая украсть мальчика или девочку и даже взрослого, когда на то есть возможность»³.

В XVIII – начале XIX в. в связи с все более расширявшимся товарно-денежными отношениями не прекращается торговля *рабами*, что стимулировало пленение и захват *ясырей*. Междоусобицы феодалов являлись благодатной почвой для пленения людей. Захватывали *ясырей*, нападая на проезжих из Закавказья в Терки и Астрахань, в Кабарду, Кубань, Крым. Нападали на причалившие к каспийскому берегу корабли, грабили, а людей уводили в плен. Практиковались набеги дагестанских феодалов на закавказские владения, уводя в «полон людей, продавали их в разных местах до Согратля, Дербента, Тарки...»⁴. И. Гербер сообщал, что «лезгины (здесь – горцы Дагестана – Авт.) совершают

грабительские набеги на мушкурцев, табасаранцев, кубинцев и шабранцев»¹.

«Первое место среди невольников Дагестана занимают, – утверждал Мочульский, – пленные тушинцы, потом следуют грузины, русские. Пленных тушинцев горцы никогда не соглашались отпустить за выкуп, русских же и грузин – почти всегда... В Сильди, Джамалале и Тиндале преимущественно содержатся тушинцы, в Акрахе – грузины, в Бактулале, Койсубу и Андалале – русские»².

Со второй половины XVI в., замечает профессор Р.М. Магомедов, два важных явления, коснувшиеся обоих народов (Грузии и Дагестана – Авт.), имели огромное значение: во-первых, волна ирано-турецкого военного соперничества и экспансии докатывается до Дагестана, во-вторых – начало «*лекианобы*», т.е. систематических набегов горских феодальных дружин на Грузию³. Разбои и набеги феодальных владетелей приводили к разорению селений и гибели людей; уводились в плен работоспособные мужчины и женщины, уничтожались посевы, сады, жилища. Набег был фактически одноактным действием. Возглавляемые феодалами, главами общин или предводителями групп, небольшие отряды неожиданно врываются в села и также молниеносно скрывались. Но угроза набега была постоянным явлением, сковывавшая развитие производительных сил⁴.

Конечно же прав Ю.Ю. Карпов, говоря, что будет неверным утверждать, что отношения горцев Дагестана с жителями Грузии и других народов Кавказа «сводились исключительно к войне. Связи были многогранными, включавшими экономический, политический, культурный, религиозный аспекты, о чем свидетельствуют материалы специальных исследований (см.

¹ РФ ИИАЭ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 60. Л. 287.

² РГАДА. Ф. КИД «Сношения России с Персией. 1722 г.» Д. 24. Л. 11.

³ Лобанов-Ростовский М.Б. Кумыки, их нравы, обычаи и законы // Кавказ, 1846 г. №37.

⁴ Цит.: Ахмедов Ш.М. Рабство в Дагестане // РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 287. С. 34.

¹ Гербер И.-Г. Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекою Курою народах и землях и об их состоянии в 1728 г. // Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. СПб., 1760. С. 115.

² Мочульский. Война на Кавказе и в Дагестане // Материалы по истории Дагестана и Чечни (первая половина XIX века). Махачкала, 1940. С. 26.

³ Магомедов Р.М. О дагестано-грузинских связях // Общественные науки. 1986. № 1. С. 39.

⁴ Фадеев А.В. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М., 1960. С. 91.

напр.: [Гасанов, 1991]). В них также имелась военная составляющая, которая подразумевала в одних случаях боевое сотрудничество, в других – наем заинтересованной стороной военной силы у соседей, в третьих – конфликты и военную экспансию...»¹.

Справедливости ради следует отметить, что если набеги дагестанцев получили название «лекианоба», то аналогичные действия грузин-горцев тушин назывались «меконроба», хевсуров – «аппарекоба». Такие набеги совершали представители и других горских народов Кавказа: кистины, осетины, сваны. Т.е. набеги на Дагестан также становятся частью политики феодалов Грузии с целью захвата добычи².

В своей статье, посвященной проблеме так называемого «лекианоба»³, Д.М. Магомедов приводит фактические данные, свидетельствующие о том, что во второй половине XVIII века на территории Грузии проживало 4000 дидойских семейств, взятых в плен на протяжении последних 100 лет, т.е. в XVII–XVIII вв.⁴ Д.М. Магомедов полагает, что в данном случае речь идет не только о дидойцах, а вообще о жителях Западного Дагестана, т.к. названа слишком большая цифра для одних только дидойцев. Тем не менее, она достаточно красноречива и свидетельствует о систематических набегах грузинских феодалов на территорию Дагестана, от которых страдало в основном население Западного Дагестана.

Не отрицая общеизвестных фактов систематических набегов на Грузию, советские историки установили характер набегов – феодальный, в основном провоцируемый феодальной верхушкой. Организация этих набегов, по мнению профессора Р.М. Магомедова, осуществлялась с целью отвлечь «наиболее активный и мобильный общественный элемент от его истинных врагов – фе-

¹ Карпов Ю.Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор: Мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана. СПб., Петербургское востоковедение, 2007. С. 316.

² См.: Грузинские крестьянские грамоты, крепостные и судебные акты, грамоты и письма грузинских царственных особ / Сост. Курцеладзе. Тифлис, 1882. С. 69.

³ Магомедов Д.М. Взаимоотношения горцев Дагестана с Грузией (проблема «лекианоба») // Вопросы истории Дагестана: Сб. статей. Махачкала, 2004.

⁴ Цагарели А.А. Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии с 1768–1774 гг. СПб., 1897. Т. 1. С. 10.

одальной верхушки, а попутно их руками обогатить эту верхушку»¹.

Однако в современном кавказоведении существует и другой акцент этого явления, а именно на специфику общественного устройства горских обществ как главную причину их экспансии на соседние территории (В.М. Гамрекели; М.М. Блиев и иже с ними). Построения этих авторов, мягко говоря, не разделяются большинством современных кавказоведов и дагестановедов и подвергаются вполне обоснованной критике.

Следует заметить, что расположенное на южном склоне Главного Кавказского хребта на стыке между Дагестаном, Грузией и Шекинским ханством Джарское общество оказывало заметное влияние и на Дагестан, и на Грузию, и на ханства Северного Азербайджана. «Леки превратили его в твердыню и прославили его в войне», – отмечал царевич Вахушти². Но военные предприятия джарцев с половины XVIII в. были прежде всего организованной охотой за людьми в целях *работоторговли* или выкупа. Это были в сущности коммерческие предприятия, организуемые феодализированной знатью, составлявшей для этой цели отряды из членов своих обществ и «гулдахаров»³ из Дагестана. «...В набегах джарцы почти всегда участвовали вместе с другими дагестанскими союзниками»³, – заключает И.П. Петрушевский. Как свидетельствует другой источник, «... округа Гидат, Кувал, Киль и Каранал (Гидатль, Кувал, Кель, Каралал – Авт.) служили подпорою и убежищем джарцам при набегах и хищнических предприятиях против Кахетии, из сих ... сильнейший Гидат, который лежит на дороге, ведущей из Аварии в Тифлис, соединяя все их военные силы, они могут от 30 до 40 тыс. вооруженных в поле выставить...»⁴.

¹ Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 86.

² Цит.: Дибирова А.И. Взаимоотношения Дагестана и Грузии в XVIII – начале XIX века. М., 2008. С. 94.

³ Гулдахары – жители Западного Дагестана.

⁴ Петрушевский И.П. Джаро-Белоканские вольные общества в первой половине XIX в. / Ред., вступ. статья, коммент. и примеч. В.Г. Гаджиева. Махачкала, 1993. С. 40.

⁵ Материалы по истории Дагестана и Чечни. Махачкала, 1940. Т. 3. Ч. 1. С. 191–192.

Во второй половине XVIII в. «грузин большая половина в полон лезгинами* побрана». «Лезгины» старались при своих неоднократных нападениях на Карталинию «женщин хороших ловить, ибо турки и персиане великую цену им за пригожую женщину дают, так что и до 500 руб. платят», – свидетельствуют документы¹.

«Всякий лезгин был вправе в Джаро-Белоканах владеть пленными, – говорится в документе, – взятыми на войне и иным способом приобретенными из христиан и мусульман. Наравне с крестьянами муганлинцы и энгилайцы были рабами лезгин»².

В рапорте телавского коменданта на имя главнокомандующего российскими войсками в Грузии Г. Вельяминова от 18 июля 1818 г.³ указываются населенные пункты дагестанских обществ: Акнада, Цумада, Хуштада, Саситль, Хушет, Большие Хваршини, Китури, Малые Хваршини и др., откуда и совершались набеги на Грузию.

По справедливому замечанию дагестанского историка Д.М. Магомедова, одной из причин, способствовавших засилью военных набегов дагестанцев, было стремление некоторых феодальных владетелей Грузии освободиться от гнета Ирана и Турции. Как замечает Ю. Карпов, «XVIII столетие – это период чрезвычайных смут и междоусобиц внутри Грузии, которые усугубляли Персия и Турция. Это время ломки старых границ и сфер влияния, когда, несмотря на очевидные проблемы и сложности, те или иные грузинские царства, терпя многие беды от одних политических субъектов, тем не менее пытались сохранять собственную политическую роль в регионе и навязывали свою силу и волю третьим и т.д.»⁴. Так Соломон, правитель Имеретии, в 1771 г. использовал «лезгин», а через некоторое время уже его политические конкуренты обратились к «лезгинам» для борьбы с ним самим. «Лезгины», как «неглупые» люди, внутренние распри

* Здесь и далее под «лезгинами» русских источников подразумеваются вообще горцы Дагестана.

¹ Цагарели А.А. Грамоты и другие исторические документы. ... Т. 1. С. 189.

² Агаян Ц.П. Крестьянская реформа в Азербайджане в 1870 году. Баку, 1956. С. 91.

³ ЦГИА РФ. Ф. 2. Канцелярия главного управляющего Закавказским краем (1801–1845 гг.). Оп. 1. Д. 398. Ед. хр. 768. С. 14.

⁴ Карпов Ю.Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор. С. 322.

властителей провинций Грузии старались использовать в своих интересах, т.е. совершали нападения и грабежи¹.

«...Соседи (грузины – Авт.) были вынуждены их нанимать для защиты границ от покушений их же соотечественников, а прочие владетели, ханы персидские и турецкие паши, для защиты своей независимости и безопасности. Так, ханы Ширванский и Ганджинский, владетель Мингрелии, цари Имеретинский и Грузинский, содержали, смотря по своим средствам, более или менее лезгинов, которые охотно предлагали свои услуги тому, кто щедрее им платил»².

Практика наема феодальными правителями Закавказья горцев в качестве военной силы для решения внутренних и внешнеполитических задач существовала издавна и сохранялась до начала XIX в. Нельзя сбрасывать со счетов и тот факт, что «наклонности лезгин» к грабежу провоцировали турки, «которые через своего пашу в Ахалцихе в Верхней Картели побуждают их к этому, обращая им добычу в деньги, также частью еще за это платя жалованье»³.

«Сильный феодал в борьбе со своим царем (ставленником Ирана), – пишет З. Авалов, – легко мог найти поддержку извне... Его поддержит кто-либо из соседних ханов... к услугам его «полудикие кланы Дагестана», охотно занимающиеся набегами, добычей *рабов*, службой деньгами»⁴. «Кроме природных имеретинцев доставать можно всегда за деньги, – сообщал А.А. Цагарели, – военных людей лезгинцев и осетинцев до 40000 и более»⁵.

В 40–50-х гг. XVIII в. в Грузии усилилась междоусобная борьба феодальных владетелей. В этот период по приглашению противоборствующих сторон на территорию Восточной Грузии вторгались ополчения горцев Дагестана, «состав коих исчислялся в 3000, 7000, 8000, 12000 человек»⁶. По сведениям А.И. Коцебу число ополченцев в «партиях», выходящих «на грабежи» в Грузию, могло простираться до 30 тысяч человек вооруженных⁷.

¹ Карпов Ю.Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор. С. 322.

² Неверовский А. Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье. СПб., 1847. С. 8.

³ Цит.: Там же. С. 321.

⁴ Цит.: Магомедов Д.М. Указ. соч. С. 51.

⁵ Цагарели А.А. Указ. соч. С. 30.

⁶ Цит.: Магомедов Д.М. Указ. соч. С. 51.

⁷ Коцебу А.И. Сведения о джарских владениях. 1826 г. // ИГЭД. С. 253.

П. Соколов. Возвращение с набега.

Набеги, организованные аварскими ханами и беками, практиковались вплоть до XIX в. Верхушка «вольных» обществ, стремясь умножить свои богатства, присоединялась к набегам. «Основными источниками возникновения зависимых людей в Карате были войны и набеги, участниками которых часто выступали каратинцы, – свидетельствует Д.М. Магомедов. Это были, прежде всего, военнопленные, которые, начиная с конца XV века, особенно в XVI–XVIII вв., появились в горном Дагестане». Большинство военнопленных поставлялись из Грузии. Лагами становились также русские военнопленные, захваченные в ходе

Кавказской войны¹. Как полагает Д.М. Магомедов, и с ним следует согласиться, сложившиеся взаимоотношения между народами Дагестана и Закавказья в XVI–XVIII вв. сыграли важную роль в имущественном и социальном расслоении обществ Западного Дагестана. «В Анди некоторые жители... богатели от торга людьми-пленниками», – свидетельствует документ².

По рассказам старожилов Аварии, писал Ш.М. Ахмедов, для захвата *ясырей* организовывались отряды, которые в набеге захватывали мужчин, женщин, маленьких детей, а также стада баранов и лошадей. Возвращение из набеге в селениях отмечали особым празднеством. Так, участвовавших в подобных предприятиях гидатлинцев называли героями (*бахарзал*) и устраивали для них пиры и танцы³. Со временем даже выработался определенный обычай встречи возвращавшихся из набеге (*шадлых*). Население встречало «удальцов» у въезда в селение с песнями, пальбой и криками поощрения. Тут же закалывалась жертва – бык или баран. Это празднество красочно описано и у П. Пржецлавского⁴.

Жажда славы, заслуженной в набеге, была для горцев предпочтительнее экономической выгоды. Желание прославиться своей удачей представляло для них лучшую награду. Поэтому в фольклоре народов Северо-Восточного Кавказа сюжет набеге и добычи фигурирует довольно часто⁵.

Участники набеге делили добычу между собой, включая и пленных, которых превращали в *лагов*. Они могли их продать, подарить, держать в доме и на хуторе. Большинство пленных оседало у ханов и беков, у общинной верхушки и богатых узденей. Духовенство тоже участвовало в дележе добычи⁶. Некоторые

¹ Магомедов Д.М. Некоторые особенности социального развития союзов сельских общин Западного Дагестана в XV–XVIII вв. // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – нач. XX в. Махачкала, 1981. С. 40.

² Цит.: Рамазанов Х.Х. К вопросу о рабстве в Дагестане... С. 25.

³ Ахмедов Ш.М. Указ. соч. С. 35.

⁴ Дагестан, его нравы и обычаи // Вестник Европы. 1867. Кн. III. С. 187.

⁵ См.: Ахлаков А.А. Героико-исторические песни аварцев. Махачкала, 1968. С. 69; Далгат У.Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. Исследование и тексты. М., 1972. С. 116–117; Антология чечено-ингушской поэзии. Грозный, 1981. С. 10.

⁶ Ахмедов Ш.М. Указ. соч. С. 35.

его представители были богатейшими землевладельцами и в значительном количестве имели *рабов*¹.

При всех этих свидетельствах, важнее отметить, что не следует чрезмерно преувеличивать значение «профессионального разбоя» на Кавказе. Ведь даже имевшиеся в распоряжении ученых конца XIX века весьма неполные источники с высокой долей вероятности отчетливо свидетельствуют о том, что «хищнические набеги» отнюдь не являлись основным источником существования местных жителей. На это обстоятельство указывали еще дореволюционные кавказоведы. В частности, И. Пантюхов отмечал: «Не будучи знакомы с внутренней жизнью лезгин (горцы Дагестана – Е.И.), но зная их только как смелых грабителей, летописцы и историки... считали лезгин дикарями и разбойниками. Правильная внутренняя организация лезгинских общин, честность взаимных отношений и оседлая земледельческая культура не дают, однако, основания считать лезгин дикарями. Главные средства к существованию лезгинам всегда давали не разбои, а земледелие и скотоводство»².

Несостоятельность оценки горцев Кавказа как профессиональных разбойников окончательно показали исследования историков и этнографов, в частности Дагестана, советского времени. В ходе интенсивных полевых и архивных изысканий доказано, что основой существования горского общества являлось многоотраслевое земледельческо-скотоводческое хозяйство. Набеги же носили скорее спорадический характер.

К сожалению, тенденция преувеличивать значения разбоя в традиционном горском обществе процветала в кавказоведении советского периода в форме господствовавшей марксистской парадигмы особенностей «горского феодализма», основанного на «экономике набега». В 80-е годы XX в. возродить это толкование попытался осетинский историк М.М. Блиев, который видит в абречестве и в набегах горцев «экспансию отсталых скотоводческих племен», стоящих на первобытной стадии «военной демо-

¹ Даниялов Г.Д. Классовая борьба в Дагестане во второй половине XIX – начале XX вв. Махачкала, 1970. С. 44.

² Цит.: Бобровников В. Абреки и государство. Культура насилия на Кавказе // Вестник Евразии (Acta Eurasica): Независимый ежеквартальный научный журнал / Под ред. С.А. Панарина. М., 2000. 1(8). С. 19–46.

кратии» против более цивилизованных земледельческих жителей равнины¹.

Нельзя не заметить и появившиеся «перепевки» этих «построений» в новейшей дагестанской историографии². Причем, базируясь в основном на дореволюционных трудах отечественной и советской грузинской историографии, в этих работах абсолютно игнорируются фундаментальные исследования известных дагестановедов (Б.Г. Алиев, М.А. Агларов и др.)³.

Для сравнения приведем некоторые данные по сопредельным северокавказским народам: по наблюдениям Г.А. Кокиева на Северном Кавказе хищением людей с определенной целью занимались кабардинцы, чеченцы, ингуши, осетины. Похищение не только не осуждалось общественным мнением, но наоборот, считалось удальством. Так, в одной кабардинской легенде говорилось: «Тот не джигит, кто после ночного похода не пригонит в горы пленного гяура с петлей на шее, или не приведет в свой гарем круглолицей калмычки или большеглазой высокогрудой урусски. Таких презирал не только родной аул, от них всюду отворачивались и горные красавицы»⁴. Собирались группы молодых «удальцов», которые отправлялись «воровать людей у соседнего народа или рода своего же племени». По древнему обычаю похищенному пленнику вкладывали в рот кусок дерева в виде катушки, сквозь который продевался шнур, концы которого завязывались на затылке. Таким образом, пленник был лишен возможности говорить и «поручить себя кому-нибудь». Существовал у горцев региона священный обычай, следуя которому, если плен-

¹ См.: Бобровников В. Указ. соч. С. 20–22.

² См.: Абдуллаев М.А. Вольные общества Дагестана и их набеги // Наука и образование в Чеченской республике: состояние и перспективы развития. Грозный, 2011. С. 501–505.

³ Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. (исследование взаимоотношений форм хозяйства, социальных структур и этноса). М., 1988; Алиев Б.Г. Союзы сельских общин Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. (экономика, земельные и социальные отношения, структура власти. Махачкала, 1999.

⁴ Цит.: Клычников Ю.Ю., Цыбулькинова А.А. «Так буйную вольность законы теснят...»: Борьба российской государственности с хищничеством на Северном Кавказе (исторические очерки). Пятигорск–Армавир–Славянск на Кубани, 2011. С. 48.

ник поручал себя даже первому встречному, он «должен был или освободить пленника, или умереть»¹.

По словам С. Броневского, захватив добычу, стремились ее побыстрее увезти в глубь своих земель. Пленнику «завязывают глаза и, посадив на лошадь, возят взад и вперед по горам и лесам, но не вдруг привозят до назначенного места, дабы рассеявши таким образом внимание пленника, отнять у него все способы к побегу. Ежели пленник, значащий или зажиточный человек, офицер, купец, словом такой, за которого они могут получить большой выкуп, то приковывают его за шею, за ногу и за руку к стене, худо кормят, не дают спать и потом через несколько дней приносят перо и чернила и приказывают ему писать ... письма с объявлением назначенной выкупной цены». Если поступал ответ, подтверждающий готовность внести требуемую сумму за освобождение, отношение к невольнику кардинально менялось, его начинали лучше кормить и заботиться о его здоровье². Показательны в этом плане воспоминания российского разведчика Ф.Ф. Торнау, попавшего в 1836 г. в плен, который впоследствии писал, что захвативший его черкес «не имея иногда чем кормить жену и детей, он в моем выкупе видел последнее средство поправить свое бедственное положение. Моя смерть или бегство угрожало ему окончательным разорением. Поэтому он ухаживал за мною, как мать за своим ребенком, когда надежды его на выкуп начинали возрастать, и подвергал меня нестерпимым мучениям, когда они исчезали»³.

Горцы держали своих пленников в каменных мешках под боевыми башнями до определенного срока, в продолжении которого родственники могли их выкупить. Если пленник, по несостоятельности родственников или по какой-либо другой причине не выкупался к сроку, его продавали желающим. Для похитителя

было выгоднее, если пленника выкупали родственники, потому что выкупная цена была значительно выше продажной.

В «Докладной записке начальника Дагестанской области Главнокомандующему Кавказской армией кн. Барятинскому» от 30 марта 1861 г. сообщается буквально следующее: класс *рабов* «образовался большею частью из пленных христиан, захваченных в хищнических набегах и находится в самом унижительном состоянии, какое только можно создать для человека. Рабы и рабыни считаются принадлежностью владельцев своих как и всякое другое домашнее животное, с которым хозяин вправе поступить как он хочет. Их личность ограждается одним только интересом владельцев и они берегут невольников своих ...потому, что, лишившись раба, понесут материальный ущерб...»¹.

Судя по архивным источникам, подавляющее большинство рабов было немусульманского происхождения или из мусульман-шиитов (*кьул-кьажар*, т.е. «раб-перс») ². Причина этого обстоятельства, видимо, скрывалась в том, что, согласно предписаниям Ислама, единоверец-мусульманин не мог быть обращен в рабство. Однако не всегда это предписание бралось в расчет, в некоторых случаях им пренебрегали.

«Грузины, армяне, мингрелы, – свидетельствовал С. Броневский, – составляют большее число сих пленников. Однако бывают между ними магометане и горские жители, захватываемые по случаю междоусобных распрей в барамту (обычай захвата скота или имущества обидчика до возмещения убытка – Авт.) или продаваемые родителями от бедности»³.

В мемуарах одного из кавказских офицеров был описан гарем тарковского шамхала, у которого «... находилось 12 жен и до 100 наложниц: грузинок, черкешенок, армянок, жидовок и персиянок. Жены... были не слишком привлекательны, а некоторые даже в летах. Одалиски, – это другое дело! ... Азиатцы, считая этих дев товаром, не слишком с ними церемонятся»⁴.

¹ Кокиев Г.А. К истории работорговли на Северном Кавказе (исторический набросок) // История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева: Сб. статей и документов / Выявление, археография, составление, вступительная статья Г.Х. Мамбетова. Нальчик: Эль-Фа, 2005. С. 45.

² Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. II. С. 179–181.

³ Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. Нальчик, 1999. С. 295.

¹ ЦГА РД. Ф.120. Оп. 2. Д. 71а. Л.1.

² Там же. Ф. 379. Оп. 1. Д. 3. Л. 83; Д. 436. Л. 24.

³ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. С. 286.

⁴ Цит.: Клычников Ю.Ю., Цыбульникова А.А. «Так буйную вольность законы теснят...» С. 48.

Лезгины в походе (Т. Горшельт)

Приведем также один из архивных документов – письмо эндирейских владельцев Темира Хамзина и Баммата Айдемирова кизлярскому коменданту Н.А. Потапову (декабря 1764 г.), переведенное сотрудником Центра востоковедения ИИАЭ ДНЦ РАН Г. Оразаевым, в котором сообщается, что аксаевские беки украли у них скот и умыкнули их *холопов*, а также эндирейских узденей,

которых продали в *рабство*¹. Этот документ красноречиво сообщает нам о многом. Во-первых о характерной для феодального общества междоусобице. Во-вторых, тот факт, что аксаевские беки, украв узденей – людей вольных, имеющих достаточно высокий для дагестанского общества статус, и продав их, попрали непререкаемый запрет – не превращать единовеца-мусульманина в *раба*².

С.Ш. Гаджиева в своем труде, посвященном историческому прошлому кумыков, говоря о подобных нарушениях предписаний Корана, утверждает, что нередко в *рабы* попадали представители свободного происхождения и даже переходили от одного владельца к другому. При этом она приводит архивные данные, свидетельствующие, что в 1850 г. сын Абдул-Муслима шамхала продал жителю сел. Аксай беременную женщину Рукият свободного происхождения, обвинив ее в плохом поведении, за две лошади стоимостью 100 руб. сер. Ее хозяин, оставив себе «приплод», отдал *рабыню* своей сестре, муж которой обратил ее в наложницы. После этого она была продана в Малую Кабарду Ахеминову. Последний так же продал ее другому кабардинцу Афунову Айсе, который освободил ее в 1867 г. за 200 руб. сер.³

Вторым равноправным по значимости источником пополнения числа *рабов* в странах средневекового Востока было их естественное воспроизводство. Рабское состояние было наследственным. Потомок *раба* мог стать только *рабом*. Хозяева заботились о воспроизводстве *рабов* так же, как заботились о размножении скота. «Приравнивание положения рабов, в особенности *рабынь*, к положению скота – характерная черта *рабовладения* и его оформления в праве в странах средневекового Востока», – утверждают авторы сборника статей «Рабство в странах Востока в средние века»⁴. Правило, гласящее, что приплод принадлежит то-

¹ Оразаев Г.М.-Р. Памятники тюркоязычной деловой переписки в Дагестане XVIII в. (Опыт историко-филологического исследования документов фонда «Кизлярский комендант»). Махачкала, 2002. С. 286; ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 565. Л. 52 об.

² См.: Гаджиева С.Ш. Кумыки. Историческое прошлое. Культура. Быт. Махачкала, 2000. Кн. 1. С. 206.

³ Там же.

⁴ Рабство в странах Востока в средние века. М.: Наука, 1986. С. 7.

му, кому принадлежит мать, равно распространялось как на скот, так и на *рабов*. Собственно это был общий для средневековья порядок. «Плод от *челяди (рабыни)* подобно тому, как и плод от скота, является собственностью господина, передаваемой по наследству»¹. В Киевской Руси ребенок от *рабыни* приравнивался к плоду от скота: *челядь* тем только и отличалась от скота, что могла лишь говорить, – пишет И.Я. Фроянов². На Ближнем Востоке дети от брака *раба* со свободной рассматривались как *рабы*. А женщина, вышедшая замуж за *раба*, сама становилась *рабыней*, если не внимала троекратным предостережениям хозяина этого *раба*³.

Набег черкесов на линию (по [Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. 3. Ч. 2. С. 228])

¹ Новосельцев А.П., Пашуто В.П., Черепнин В.Г. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Прибалтика). М., 1972. С. 171.

² Фроянов И.Я. О рабстве в Киевской Руси // Вестник ЛГУ. Т. 12. Вып. 1. 1965. С. 91.

³ Рабство в странах Востока... С. 8.

В Дагестане за *рабами* официально не признавалось право иметь семью. Однако на практике владельцы, заинтересованные в увеличении «живого товара», поощряли внебрачные связи *рабов*. Иногда владельцы сами определяли, какая *рабыня* с каким *рабом* должна вступить в связь. Родившиеся в результате дети, так как и их родители, принадлежали владельцам, – пишет Х.Х. Рамазанов.¹

В Дагестане по адату дети *невольницы*, даже рожденные от брака со свободным, также обращались в *рабство* того же владельца, кому принадлежала мать. В опубликованных С.Ш. Гаджиевой архивных данных 1861 г. сообщается о злключениях такой семьи из сел. Кумторкала, человека свободного сословия по имени Янгкурчу, его жены *рабыни* Манна и семи их детей. После смерти мужа ее хозяйка Меседи-бийке, собираясь вернуться в родной аул, потребовала, чтобы принадлежавшие ей *рабы* последовали за ней. Янгкурчу стал просить, чтобы его семью оставили бы в Кумторкала. Однако, хозяйка его жену-*рабыню* и семерых детей отправила насильно в Эндирей. Сколько не обращался несчастный отец к российским властям за помощью, дело было решено в пользу владелицы². Таких *рабов* называли в русских документах «домородными» или «природными» холопами.

Домашние *рабыни* «*унаутки*» в Кабарде не имели семейных прав и не могли без согласия феодалов вступать в брак. Они могли взять себе временного мужа из *унаутов* и других категорий зависимых крестьян. Дети, рожденные от этих браков воспитывались и находились при матерях, причислялись к *унаутам* и распоряжался ими только феодал, – писал Г.А. Кокиев³. Они обычно служили предметом торговли⁴.

Следует заметить, что в документах чаще всего как основная добыча набегов и военных акций в средневековье упомянуты женщины и девушки. Стремление захватить в неволю прежде всего женщин явно указывает на домашний характер *рабства* или, во всяком случае, на преобладание *домашнего рабства*, ко-

¹ См.: Рамазанов Х.Х. Указ. соч. С. 159.

² См.: Гаджиева С.Ш. Кумыки. Историческое прошлое. Культура. Быт. Махачкала, 2000. Кн. 1. С. 207–208.

³ История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева... С. 139.

⁴ Кумыков Т.Х. Социально-экономические отношения и отмена крепостного права в Кабарде и Балкарии (1800–1869). Нальчик, 1959. С. 77.

торое представляло собой разновидность *патриархального рабства*. Попав в неволю, женщины тем самым оказывались в системе семейных отношений своего владельца и в системе хозяйственной деятельности его семьи.

Дагестанские историки, основываясь на письменных источниках, четко прослеживают со второй половины I тыс. н.э. еще один источник *рабства* – обращение свободных общинников в *рабов*. Согласно Масуди, например, правители Сарира могли любого свободного общинника превратить в *раба*¹. Здесь речь уже идет не о *рабах*, приобретенных различными путями извне, а о появлении в результате внутреннего развития общества института зависимых лиц, продажа которых стала привилегией феодальной верхушки².

Некоторые нормы обычного права дагестанских народов позволяют реконструировать формы обращения свободных в *рабов*. Так, в адатах дагестанских народов сказано, что «при несостоятельности должника последний отдается сельским судом на работы и заработанные деньги поступают его кредиторам»³. При удачном стечении обстоятельств должник попадал во временную кабалу. В противном случае превращался в *кабального раба*, попадая в так называемое *долговое рабство*. *Кабальный раб* мог выкупиться, заплатив долг, что случалось не часто. В *уголовное рабство* попадали воры, кровники и другие преступники и нарушители. На некоторых налагались высокие судебные штрафы, или они должны были возместить ущерб пострадавшему. Как писал М.М. Ковалевский «эти два источника *рабства* известны были издревле и дагестанским горцам»⁴. Так, например, у засулакских кумыков за воровство имущества князя виновный платил в десять раз больше стоимости краденного; в случае же, если виновный «оказывался не в состоянии выплатить в десять раз больше, то поступал к князю в *рабство*»⁵.

¹ См.: Ахмедов Ш.М. Указ. соч. С. 23. Масуди. Муриджд ад-Дзехаб / Пер. В.Ф. Минорского. С. 204;

² Атаев Д.М. Основные итоги историко-археологического изучения средневековой Аварии // УЗ ИИЯЛ. Махачкала, 1963. Т. XI. С. 245.

³ Адаты Дагестанской области и Закатальского округа. Тифлис, 1899. С. 428.

⁴ Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. 1. С. 226.

⁵ Дело по поводу определения сословных прав туземного населения Терской и Кубанской областей // РФ ИИАЭ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1300. Л. 153.

Как пишут Б.Г. Алиев и А.О. Муртазаев, «характерны они были и даргинцам. Так, в Мугинском обществе находился ряд *рабских* тухумов, образовавшихся как из пленных, так и из обедневших членов джамаата. Среди них тухум «Арутихъали» находился в подчинении тухума «Галг/ялабулкьадархъали», который с первого получал оброк»¹.

В Цудахарском обществе, согласно данным полевых исследований, были известны *рабские* тухумы: Саркихъали, Даржахъали, Курех/хъали, Маликахъали, Гургихъали; в Акушинском обществе – Кабачайхъали, Г/яммайхъали и т.д.² Как видно, названия этих тухумов связаны не только с закавказскими христианскими именами, как армянское Саркис, грузинское Георгий, но и с местными. Располагались эти тухумы на краю селения Цудахар, в местности под названием «Цилиддар»³.

Другим источником *уголовного рабства* в Дагестане был обычай превращения кровников (*канлы*) в *рабов*. В архивных документах конца XVIII в. фиксируется множество сведений, сообщающих о том, как кровники из Дагестана, чтобы избежать мести или продажи в *рабство*, назывались христианами, прося защиты у кизлярского коменданта. В Присулакском наибстве за убийство бека узденем вместе с убийцей выходили в *канлы* шесть ближайших родственников его и при примирении убийца должен был служить родственникам убитого как *кул* (раб)⁴.

О том, что неплатежеспособных должников и кровников превращали в Дагестане в *рабов* свидетельствуют и другие документы⁵. Нам кажутся небезынтересными данные архива, сообщающие о том, что «френк» по имени Афраам задолжал эндирейскому жителю Джанакаю 40 туманов. Он в свое время подписал долговое обязательство, что вернет деньги через 101 день, в

¹ Алиев Б.Г., Муртазаев А.О. Федерация союзов сельских общин Акушадарго в XVII – первой половине XIX в. Вопросы и политической истории. Махачкала, 2008. С. 155.

² Полевой материал, собранный Б.Г. Алиевым в 1963 г. в даргинских и аварских селах // РФ ИИАЭ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 375.

³ Там же.

⁴ Управление жителей Присулакского наибства по их местным адатам // РФ ИИАЭ. Д. 1321. Л. 42; Рамазанов Х.Х. Указ. соч. С. 157.

⁵ ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 2. Д. 71 «а», 72 «г».

противном случае Афраам должен был стать *ясырем* Джанакая, что в конце концов и случилось¹.

В нашем распоряжении имеются данные из Государственного исторического архива Республики Азербайджан из фонда «Кубинский комендант», в котором речь идет о погашении денежного долга в 1220 руб. сер. жителем сел. Эндирей Мурадом Сулейманом Аджиевым по решению суда жителю г. Дербент Наги Нури-оглы четырем своими *рабами*².

В Северном Табасаране при похищении девушки ее родственники преследовали похитителя вместе с похищенной. Если при преследовании похищенная «вбежала в дом бека, то она поступала в вечные *рабыни* бека, который распоряжался ею по своему усмотрению»³.

Приобретались *рабы* и путем покупки. В 1633 г. в челобитной посла шамхала Тарковского Томулдука царю Михаилу Федоровичу говорится о разрешении купить для шамхала в Астрахани *рабов*. «И государь де жаловал, позволил ему в Астрахани купить на Ильдар-шамхала татарского *ясырю* 15 человек»⁴.

В том же 1633 г. в грамоте Посольского приказа в Терский город говорится о том, что Томулдук купил двух *рабов* черкесского происхождения (мужа и жену), дав «за них 30 руб. и свез с собою в Кумыки»⁵.

В одном из архивных документов сообщается о покупке в 1864 г. узденем из Эндирея Кандауровым Мутасем в Кубанской области 9 чел. *рабов* и *рабынь*. При себе он решил оставить трех, а остальных собирался выгодно перепродать⁶. В другом документе сообщается о том, что эндиреевские *работорговцы* вывезли оттуда же 50 чел. *рабов*, приобретенных по разным ценам: 35, 50, 90, 100 руб., предполагая их перепродать за 100–200 руб. каждого⁷.

¹ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 357. Л. 51.

² См.: Агасян Ц.П. Крестьянская реформа в Азербайджане в 1870 году. Баку, 1956. С. 90.

³ Адагы Дагестанской области и Закатальского округа. Тифлис, 1899. С. 550.

⁴ Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в.: Сб. док-ов / Сост. Р.Г. Маршаев. Махачкала, 1958. С. 103.

⁵ Там же. С. 110.

⁶ См.: Гаджиева С.Ш. Указ. соч. С. 206.

⁷ Там же. С. 207.

А. Акбиев выделяет еще один источник или способ приобретения *рабов*, ссылаясь на данные Кизлярского комендантского архива¹. Как уже указывалось выше, *ясырям* удавалось иногда убежать от своего хозяина в Кизляр. По существовавшим правилам, если бежавший был христианин, то кизлярские власти выплачивали хозяину, если он заявлял о его побеге, компенсацию, для чего в распоряжении кизлярского коменданта имелась определенная денежная сумма. *Ясыря*-мусульманина полагалось возвращать хозяину как его собственность. Как пишет А. Акбиев, во второй половине XVIII в. такие побеги особенно участились. Возможно у кизлярской администрации не хватало на эти расходы имевшихся в их распоряжении «казенных» денег и это обстоятельство способствовало появлению новой формы приобретения *ясырей* для кумыкских владельцев и узденей, которые на определенных договорных условиях могли выкупить на определенное время того или иного *ясыря* у его бывших хозяев. Эта форма договора подробно освещается в приведенном А. Акбиевым архивном документе – письме эндирейского бека Муртазали Аджи Чопанова кизлярскому коменданту Н.А. Потапову от 30 апреля 1764 г. В нем сообщается, что уздень Джанакай выкупил одного *ясыря* по имени Али на том условии, что последний будет работать на него в течение 10 лет. «И дал оной *ясырь* оному Джанакаю от себя при свидетелях письмо на татарском диалекте, и обещал оной *ясырь*, ежели де я паче чаяния от хозяина буду бежать, то должен я без всяких отговорок оные деньги заплатить»². К письму была приложена расписка *ясыря* Али «родом кажарнина (т.е. азербайджанца – Авт.), которую подписал и «печать свою приложил» эндирейский кадий Кебек. Здесь же имелись отпечатки пальцев семи свидетелей данного договора»³.

Однако, тот факт, что в условиях этого договора значилось, что по окончании 10 лет *ясырь* должен быть отпущен на волю убеждает нас, что в данном случае мы имеем дело, скорее с одной из форм полного освобождения *ясырей*, что и будет нами освещено далее в соответствующем очерке.

¹ Акбиев А. Общественный строй кумыков: в XVII–XVIII вв. Махачкала, 2000. С. 113.

² ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 567. Л. 41; Акбиев А. Указ. соч. С. 118.

³ Там же.

С.Ш. Гаджиева в своем труде упоминает еще один источник поступления *домашних рабов «кул-чагар»* в распоряжение кумыкских владельцев – шамхалов, князей и беков, а именно: в качестве приданного кабардинских княгинь, вышедших замуж в Дагестан¹. Категория домашних рабов в Кабарде под названием *«михифатц»* пополнялась женщинами и девушками, которых князь отдавал в приданное своей дочери или сестре, когда те выходили замуж. *«михифатц»* неотлучно находились при своей госпоже, всюду сопровождая и прислуживая ей. Госпожа обязана была выдать свою *рабыню* замуж за *раба*. Дети «михифатц» пополняли ряды *домашних рабов* княгини². Так, вдова одного из кумторкалинских беков Меседибике, выходя замуж в 1861 г. получила от своих племянников в приданое 9 *рабов*³. Дарение *рабов* и передача их в приданном и по завещанию так же имели место в Дагестане и являлись, своего рода, источниками пополнения этой категории лично зависимого населения у того или иного собственника⁴.

В Дагестане существовала еще одна отдельная категория или сословная группа под названием *казаки (къзакълар)*. По определению Н.Ф. Дубровина это свободные люди, служившие за плату князю или узденю: «Слово это выражает понятие о человеке, хотя и живущем в своем доме, но одиноком, свободном, безземельном»⁵. С.Ш. Гаджиева указывала, что история образования этой категории очень сложна и пока еще не изучена. Вместе с тем она, основываясь на анализе письменных источников, памятников фольклора и, особенно, так называемых *«къзакъ йырлар»* (песен о *казаках*), полагает, что образование этой социальной прослойки неразрывно связано с историей классовой борьбы и расслоением кумыкского общества⁶.

Казаками у кумыков назывались прежде всего лица, не имевшие никакого имущества, совершившие какой-нибудь акт

против социальной несправедливости (убийство, поджог имения, оскорбление феодалов или членов их семьи), вынуждены были покидать землю своего владельца и скрываться от преследования, либо переходили к другому владельцу, прося у него покровительства. Феодалные междоусобицы способствовали тому, что владельцы были заинтересованы принять на службу беглых крестьян, особенно отличившихся своей храбростью, надеясь использовать их пассионарность в своих интересах. По свидетельству фольклора, *казаки* жили в тяжелых условиях, как и *рабы*, они выполняли любую работу безотказно. Взяв к себе *казака*, новый владелец должен был охранять его от преследования со стороны бывшего хозяина. «Недаром у кумыков, – писала С.Ш. Гаджиева, – существовали пословицы *«къзакъ ятыв къанлы оьлюм»* (жизнь *казака* подобна смерти в изгнании) или *«къзакъ ятыв къавургъ-амны къатдыргъан»* (от казацкой постели отлежали бока)»¹.

Казаки не имели семьи, жили одиноко. Феодалы использовали их в походах, в набегах, посылали по различным поручениям, помимо обычной работы при домах хозяина.

Следует заметить, что по своему экономическому и юридическому положению казаки делились на две группы: *къанлы къзакъ* и *тургъак къзак*. В то время как первые (кровники) находились в особенно тяжелых условиях, вторые могли выйти в нукеры, получить от владельца землю, имущество, стать сборщиком податей и т.п.²

С начала XIX века, когда постепенно с развитием капиталистических отношений усиливается процесс расслоения в кумыкской деревне, *казаки* становятся *батраками*, которые, не имея своей земли и своего хозяйства, работают на богатых, на сельскую буржуазию, нередко ведя нищенский образ жизни³.

Казаки имелись и у других народов Дагестана, в феодальных владениях Нагорного Дагестана и союзах сельских общин. Это те же самые безземельные, что и в Кумыкии. Однако у других народов Дагестана в отличии от кумыков под термином *казак (къзакъ)* была известна не только безземельная группа крестьянства. Согласно собранным Б.Г. Алиевым материалам, любезно

¹ Гаджиева С.Ш. Указ. соч. С. 198.

² См.: История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева... С. 212.

³ См.: Гаджиева С.Ш. Указ. соч. С. 207–208.

⁴ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 569. Л. 155.

⁵ Дубровин Н. Указ. соч. Т. 1. Кн. 1. С. 630.

⁶ Гаджиева С.Ш. Указ. соч. С. 210; См.: Алиев Б.Г. Крестьянство Дагестана. С. 187.

¹ Цит.: Гаджиева С.Ш. Указ. соч. С. 211.

² Там же; см. также: Алиев Б.Г. Указ. соч. С. 187.

³ Там же.

предоставленным в наше распоряжение¹, часто *казакъами* называли и *рабов*, и вообще людей, работающих на других. Безусловно, *казаки* и в горах находились в самом приниженном положении и с ними не вступали в родственные связи. Сам термин *казак* в горах применялся к людям неравного положения в обществе. Но, к сожалению, ни сам термин, ни юридическое положение *казачков* не нашли отражения в адатах горцев. Это, по мнению Б.Г. Алиева, еще раз наталкивает на мысль, что в основном под *казакъами* в изучаемое время имелись в виду *рабы* и приравненные к ним другие социальные прослойки, вынужденные в силу своей экономической беспомощности находиться в услужении у других, работать на владельцев средств производства.

По данным Д.М. Магомедова² в Западном Дагестане, за исключением Дидо и Антль-Ратль, зависимое сословие было известно под термином «*хазакх*». До сих пор не удалось установить этимологию этого термина. Как отмечает Д.М. Магомедов, не всегда «*лаг-хазакх*» оставался в зависимом положении. Полевые исследования показали, что в некоторых обществах представители этой социальной прослойки, в силу своих личных качеств, выбивались, так сказать, «в люди», сосредотачивая в своих руках большое количество скота, а также земли. По имеющимся сведениям этим же термином, только в несколько иной транскрипции или в ином звучании, обозначались рабы в Осетии. «*Косаги* или *рабы*, находились на самой низкой ступени социальной лестницы Осетии», – писал Г.А. Кокиев³. Люди этой категории со всем своим потомством находились в полной зависимости от феодала, имевшего над ними неограниченную власть. Никаких прав на землю они не имели. У осетин не было обычая освобождать *холопов-косагов*. Пути пополнения этой категории зависимого сословия были те же, что и у других народов: пленение, покупка, передача по наследству и т.п.

Если провести некоторые аналогии, то *рабство* у вайнахов возникло в общих чертах так же, как и у других горских народов

¹ Полевой материал, собранный Б.Г. Алиевым в 1962–1988 гг. в даргинских и аварских селах // РФ ИИАЭ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 375.

² Данные полевых материалов были нам любезно предоставлены Д.М. Магомедовым.

³ История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева... С. 129.

Северного Кавказа. Основным источником *рабства* так же, как и у других народов региона, здесь был захват *военнопленных*, похищение людей, закабаление должника, купля-продажа бедных соплеменников. Торговля *рабами* здесь со временем также становится своеобразным доходным промыслом¹. По мнению М. Мамакаева: «сначала *рабовладение* в Чечне ограничивается *военнопленными*, но постепенно, принимая довольно широкий характер, распространяется на местное население... пленение и продажа людей здесь было довольно развитым ремеслом. Чаще всего дарили и продавали сирот, детей и вообще слабых и беззащитных людей»².

У. Лаудаев в 70-е гг. XIX в. писал, что чеченцы «тайно похищали или силой уводили слабых людей соседних племен и своих соотечественников и продавали их за деньги... Частые неурожаи... заставляли некоторых во избежание голодной смерти целого семейства продавать или менять на хлеб одного сочлена, дабы этой мерой спасти остальных от смерти...»³.

Другой автор 60-х гг. XIX в. пишет, что в горной Чечне класс *рабов* «возник тем особым путем, каким обыкновенно возникает *рабство* у всех нецивилизованных народов, т.е. путем войны и права сильного. *Рабы*, весьма впрочем немногочисленные, были здесь исключительно одни лишь пленные грузины из Кахетии, тушины и отчасти русские». Относительно плоскостных чеченцев он писал, что «у чеченцев класс *рабов* однако ж был, хотя и в меньшем объеме, нежели у кумыков и кабардинцев»⁴.

По свидетельству Э. Спенсера: «Черкес мудро предпочитает более выгодную форму обращения в *рабство*: *рабы* обычно работают в сельском хозяйстве или ухаживают за мелким и крупным рогатым скотом... Когда число *рабов* или *плешых* превышает необходимое для дома, их продают туркам или персам и т.к. черкесы постоянно обращаются [с пленниками] по доброму, будучи заинтересованными, нельзя не радоваться этой корыстной гуманности, которая вынуждала их сохранить жизни тех плен-

¹ Хасбулатов А.И. Установление российской администрации в Чечне (II пол. XIX – нач. XX в.). М.: Русь, 2001. С. 67.

² Цит.: Там же.

³ Лаудаев У. Чеченское племя // ССКГ. Вып. VI. Тифлис, 1871. С. 14.

⁴ Цит.: Хасбулатов А.И. Указ. соч. С. 68.

4. СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЕ И ИМУЩЕСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РАБОВ В ФЕОДАЛЬНОМ ДАГЕСТАНЕ

В связи с существованием многочисленных исторических, региональных и национальных особенностей социальная структура феодального Дагестана представляла собой весьма пеструю куртину, а социальные отношения отличались большой сложностью и разнообразием. Что касается изучаемого нами *института рабства*, то учитывая все имеющиеся в нашем распоряжении различные свидетельства и наблюдения, считаем необходимым согласиться с мнением З.Т. Гаджиева, что *институт рабства* в Дагестане следует рассматривать через призму мусульманской системы права. Ведь, как известно, положения мусульманского права о *рабах*, сложившиеся еще в раннем халифате, пережили Средневековье, не претерпев особых изменений, лишь обрастая комментариями. Все источники дагестанского происхождения, говорящие о *рабстве*, свидетельствуют о строгой регламентации этого института нормами шариата¹.

Само по себе *рабство* во все времена и у всех народов было величайшим несчастьем, а *раб* не считался полноценным человеком. Юридически *рабы* представляли собой самую бесправную, зависимую группу общества. Само состояние неволи лишало *раба* значения юридического лица, приравнивая его к вещи, к скоту. Что же касается *рабов* в феодальном Дагестане, то их жизнь протекала в сфере правового регулирования и его правовой статус, как и статус различных категорий населения, относящихся к числу лично-несвободных, был определен еще и обычным правом – адатом.

По мнению большинства историков-дагестановедов социально-правовое положение *рабов* в Дагестане было исключительно тяжелым. *Раб* был для владельца всего лишь *материальной ценностью, живым товаром, говорящим инструментом*, с которым хозяин вправе поступить как ему угодно. Труд *раба* не регламентировался: он был обязан исполнить все, что от него потребует хозяин, получая за это лишь скудное пропитание и одежду,

¹ Гаджиев З.Т. Основные черты и особенности общественно-политического развития Восточного Кавказа в период османо-персидского противостояния (XVI–XVIII вв.). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2011. С. 149–161.

ных, которые могут попасть в их руки, вместо того, чтобы хладнокровно принести их в жертву, как это иногда делается даже цивилизованными народами¹. Этот промысел приносил большие барыши и лишних *ясырей* естественно не могло быть, т.к. большой спрос диктовал предложения. Зачем же убивать *«живой товар»*, когда его можно выгодно обменять или продать?

Подводя итог вышеприведенному материалу, следует подчеркнуть что в феодальном Дагестане, как и у других народов, внешний источник *рабства* был основным и главным. Феодальными владельцами организовывались, в сущности, коммерческие мероприятия – охота за людьми с целью *работоторговли* или выкупа. Множество литературных и архивных источников XVII – первой половины XIX в. предоставляют многочисленные факты, свидетельствующие о процветании на Северо-Восточном Кавказе этого жестокого, но прибыльного «промысла».

¹ Спенсер Э. Путешествия в Черкессию / Предисловие, перевод и коммент. Н. Нефлягиной. Майкоп: РИПО Адыгея, 1993; Виноградов В.Б., Клычников Ю.Ю. К проблеме контрабанды и «пленопродавства» на Кавказе в XIX в. // Вопросы северокавказской истории: Сб. научн. статей. Армавир, 2001. Вып. 6. Ч. 1. С. 48.

необходимые для физического существования¹. Бесправное и приниженное общественное положение *рабов* в Дагестане нашло отражение в адатно-правовых нормах. *Рабы*, согласно адатам горцев, были лишены каких-либо политических прав, не допускались к разбирательству дел в качестве свидетелей или к участию в сходах джамаата². К присяге по «Кодексу» аварского Умму-хана *лаг* не допускался, даже если он был *вольнотпущенным*³, т.е. здесь проявилось юридическое обезличивание *раба*. Таким образом, *лаги* рассматривались юридически недееспособными: на основе свидетельства *лага* суд не принимал никаких серьезных решений, так как это свидетельство не могло быть подтверждено клятвой⁴.

Рабы и *рабыни* считались «принадлежностью владельцев своих как всякое домашнее животное», с которым хозяин вправе поступить как он хочет. Убийство *раба* или нанесение ему увечья третьим лицом феодальный обычай рассматривал как материальный ущерб, нанесенный владельцу, и требовал компенсации. С другой стороны, согласно нормам обычного права, например, селения Ингердах, «если *раб* убьет свободного и если он живет со своим господином и участвует с ним в военных действиях и т.п., то за убийство отвечает господин, все имение его разоряется, поля остаются необработанными, сенокосы и луга также, они обрабатываются в общественные земли»⁵.

В опубликованных Х.-М. Хашаевым адатах шамальства Тарковского и ханства Мехтулинского значится, что за убийство свободного *рабом* родственники помещика обязаны уплатить наследникам убитого пенью, а сам владелец убийцы удаляется из се-

¹ Османов Г.Г. О социальном статусе Дагестана в конце XVIII– начале XIX вв. // УЗ ИИЯЛ. Махачкала, 1960. Т. VII. С. 151–154; Гаджиева С.Ш. Кумыки. Историческое прошлое, культура и быт. Махачкала, 2000. Кн. 1. С. 202–203; Акбиев А. Общественный строй кумыков XVII–XVIII вв. Махачкала, 2000. С. 115.

² Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Одесса, 1883. Вып. 2.

³ Кодекс законов Умму-хана Аварского (Справедливого) // Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв. М., 1965. С. 268.

⁴ Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. М.: Наука, 1988. С. 141.

⁵ Из истории права народов Дагестана / Сост. А.С. Омаров. Махачкала, 1968. С. 26–27.

ления под именем кровного врага (канлы – Авт.) и считается таковым до тех пор, пока наследники убитого простят его, если же кто-либо из последних убьет его, кровь считается возмездием за кровь убитого их родственника. Что же касается до самого убийцы, то он не подвергается никаким наказаниям ни со стороны наследников убитого, ни со стороны общества и спокойно живет в доме своего хозяина¹.

По даргинским адатам, если владелец убийцы не согласится быть канлы родственников убитого, то должен освободить *кула* и тогда *кул*, сделавшись свободным, признается сам канлы². Если же хозяин *раба* оспаривал убийство его *рабом* свободного человека, то он в доказательство невинности *раба* приносил присягу с тремя присягателями.

Согласно адатам Кайтага, «за убийство... *кула* убийца не наказывался, ибо за собственность свою бек никому ответственность не мог»³. Т.е. в делах кровомщения *раб* не являлся субъектом права, а рассматривался как объект собственности и за проступки *раба* отвечал не сам *раб*, а его хозяин. Об этом же свидетельствуют адаты и других народов Дагестана, показывающие, что за проступки *раба* отвечал не он сам, а его хозяин. Даже при воровстве *рабом* чего-либо обвинялся не он, а его подстрекатель⁴.

Невозможно не заметить «зеркального» совпадения этой статьи адата с положением русских *холопов*, которые не могли быть субъектами правонарушения. «Ответственность за вред и убытки, причиненные правонарушением *холопа*, падает на его господина, и притом... в двойном размере»⁵. На Руси вплоть до XVII в. *холоп* не мог быть «послухом», т.е. не мог быть свидетелем на суде.

Сравним вышеприведенное нами положение адата сел. Ингердах, по которому, «если *раб* убьет свободного и если этот жи-

¹ Памятники обычного права... С. 192.

² Адаты даргинских обществ // ССКГ. Тифлис, 1873. Вып. VII. С. 15–16

³ Сборник адатов Кайтага и Табасарана // Памятники обычного права... С. 151.

⁴ Сборник адатов селений Аварского округа // Памятники обычного права... С. 27.

⁵ Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1903. С. 531.

вет со своим господином и участвует с ним в войне и т.п., то за убийство отвечает господин, все имение его разоряется, поля остаются необработанными, сенокосы и луга также, они обращаются в общественные земли»¹, с другим положением, которое формулирует требование общества наказания за убийство свободного: «За те же деяния все имение его (убийцы – Авт) разоряется, поля оставляются необработанными, сенокосы и луга также, они обращаются в общественные земли до тех пор, пока родственники убитого простят убийцу или убьют его. Если убийца живет еще в доме родителей, то делается то же самое с имением, без малейшего исключения, если же убийца живет отдельно от родителей, то имение их не подвергается никакому вреду»². В данном случае не наблюдается разницы в применении наказания в отношении узденя и *раба*. Кроме того, что за преступление, совершенное *рабом*, ответственность несет его хозяин, а сам *раб* остается без наказания.

В другом случае, если *раб-убийца* живет отдельно от своего господина и если не убежит, то господин платит родственникам убитого только пеню на убийство, имение же его не подвергается вреду, если *раб* и убежит, то же самое платит господин³. Как сказано в Кодексе законов аварского Умму-хана, если «уздень убьет *раба*, то с него взыскивается дият в пользу владельца *раба*»⁴.

В этой статье, по мнению профессора М.А. Агларова, отразилось не только юридическое обезличивание, но и отсутствие прав *лага* на имущество и, возможно, на семью. Между тем, — замечает М.А. Агларов, — несмотря на закон, не все уздени прощали убийство их *лага*. Ущерб считался не только материальным, но и моральным⁵.

Рабы не имели никакой собственности, за ними не признавалось никаких имущественных прав, у них не было собственно-

¹ Из истории права народов Дагестана / Сост. А.С. Омаров. Махачкала, 1968. С. 26–27.

² Там же С. 26.

³ Там же. С. 27.

⁴ Памятники обычного права... С. 268.

⁵ Агларов М.А. Указ.соч. С. 141–142.

го жилища, они не имели права жениться, т.е. лишались личных прав. Это утверждение, кочующее в дагестанской историографии из одной работы в другую, как увидим ниже, не всегда соответствовало действительности. На различных этапах истории положение *рабов* в Дагестане подвергалось различным изменениям и, в зависимости от географии бытования *института рабства* в регионе, имело различные специфические черты. Судя по официальным данным, в частности по упоминаемой выше «Докладной записке начальника Дагестанской области Главнокомандующему Кавказской армией кн. Барятинскому» от 30 марта 1861 г. «класс *рабов* образовался большею частью из пленных христиан, захваченных в хищнических набегах и находится в самом унижительном состоянии, какое только можно создать для человека...»¹.

Н. Дубровин писал, что «кул или *раб* – совершенно во власти своего господина, который имеет полную волю казнить его, продать с семьею или отдельно, разлучить мужа с женою, мать от детей»². На наш взгляд, в этом высказывании автор несколько преувеличивает действительное положение *раба* на мусульманском Кавказе. Это наше впечатление вытекает из той же самой упомянутой выше «Докладной записки», в которой говорится, что личность *раба* «ограждается... интересом владельцев», которые «берегут невольников своих», чтобы в их лице не понести «материальный ущерб»³. Этот же автор, по приведенным нами ниже данным, сам утверждал, что смертной казни *раба* за преступки никто и не помнит⁴.

Даже брак со свободным не мог спасти детей невольницы от *рабства*. Этого преимущества были удостоены лишь дети, прижитые с представителями высшего сословия. Рабское состояние было наследственным. Потомок *раба* мог стать только *рабом*. Хозяева заботились о воспроизводстве *рабов* так же, как заботились о размножении скота. Впрочем, приравнение положения *рабов*, в особенности *рабынь*, к положению скота – характерная

¹ ЦГА РД. Ф. 120. Оп. 2. Д. 71а. Л. 1.

² Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. 1. Кн. 1. С. 625.

³ ЦГА РД. Ф. 120. Оп. 2. Д. 71а. Л. 1.

⁴ Дубровин Н. Указ. соч. С. 623.

черта рабовладения и его оформления в праве не только в странах средневекового Востока. В Киевской Руси ребенок от рабыни приравнивался к приплоду от скота: *челядь* тем только и отличалась от скота, что могла лишь говорить¹. Почти во всех спорных случаях «приплод» считался собственностью хозяина *рабыни*. Дети от смешанных браков чаще всего также рассматривались как «приплод».

Для сравнения: на Ближнем Востоке дети от брака *раба* со свободной рассматривались как *рабы*. А женщина, вышедшая замуж за *раба*, сама становилась *рабыней*, если не внимала троекратным предостережениям хозяина этого *раба*².

А.С. Акбиев, поддерживая выводы С.Ш. Гаджиевой, пишет, что, согласно документам, *рабы* и *рабыни* (кулы и каравашки) – это *дворовые люди, невольники*, не имеющие никаких прав в отношении к своим владельцам³. Владелец их одевал и кормил или отдавал в их распоряжение на каждое хозяйство по паре быков с арбою, позволяя им по окончании господских работ промышлять на себя, в таком случае господин не одевал, а только кормил. Кумыкские *кулы* не были «обременены излишними работами, как можно было это предположить, но вместе со своими господами составляли одно семейство, работают для них как на себя. За это владельцы обращаются с ними довольно ласково, извиняют их недостатки и редко прибегают к строгим наказаниям», – писал в газете «Кавказ» автор под псевдонимом «Кумык»⁴.

То же самое отмечал и Н.Д. Дубровин. По его сведениям относительно *кулов*, их положение у кумыков было менее тягостно, чем у русских, что легко объясняется «характером и нравом народа». Он свидетельствовал, что в кумыке не было нестерпимого презрения к себе подобному и поэтому владелец «не отчуж-

дал своего *раба* от человечества вообще, обходился с ним ласково и снисходительно. Телесные наказания были редки и не жестоки, а смертной казни никто и не помнит»¹.

Для сравнения: на Ближнем Востоке *рабы* входили в обычные перечни собственности наряду со скотом, землей, движимым и недвижимым имуществом. В арабском языке торговец скотом и *работоторговец* назывались одинаково – *наххас*².

Рабы на Востоке в ряде правовых норм приравнивались (здесь и далее подчеркнуто нами – Авт.) к младшим членам семьи хозяина, лишь приравнивались, но не считались таковыми, так как не привлекались к ответственности на основании принципа «общесемейной ответственности», а наоборот, как имущество преступника они подлежали конфискации. Право средневековых стран Востока несомненно видело в *рабе* человеческое существо и тогда, когда не признавало за хозяином его прав над жизнью и смертью *раба*, т.е. не наделяло его правом уничтожения своей собственности по своему волеизъявлению и в своем интересе. Мусульманское право не только не признавало за хозяином права на жизнь *раба*, но и предусматривало обязанность хозяина не изнурять *раба* непосильной работой и хорошо кормить. «На обязанности хозяина лежит содержание его *раба* или *рабыни*, а если он отказывается и у них есть возможность добывать пропитание, то должны зарабатывать и содержать себя сами, а если нет у них возможности добывать пропитание, то хозяина следует принудить продать их»³. «Не мучайте тварей Аллаха, – писал Аби Хамид Мухаммад ал-Газали, – потому, что Аллах дал их вам в собственность, а если бы захотел, то отдал бы вас в их собственность»⁴. Однако, следует помнить, что все эти предписания не имели силы закона и за их нарушение не предусматривалось никакого наказания.

В Коране забота о *рабах* приравнивается к заботе о других подопечных: «Родителям делайте добро и близким, и сиротам, и

¹ Фроянов И.Я. О рабстве в Киевской Руси // Вестник ЛГУ. Т. 12. Вып. 1. 1965 г. С. 91.

² См.: Рабство в странах Востока в средние века: Сб. статей. М.: Наука. Главная ред. Восточная лит-ра, 1986. С. 7.

³ Акбиев А. Общественный строй кумыков в XVII–XVIII вв. Махачкала, 2000. С. 115.

⁴ Кавказ. 25 октября 1848. № 43, Шихалиев Д.-М. Рассказ кумыка о кумыках / Сост., предисл. и коммент. д-ра ист. н. С.Ш. Гаджиевой. Махачкала, 1993. С. 66.

¹ Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. 1. Кн. 1. С. 623.

² Рабство в странах Востока в средние века... С. 10.

³ Цит.: Там же. С. 438–439.

⁴ Цит.: Там же. С. 439.

беднякам, и соседу-родственнику, и соседу-чужаку, и близкому другу, и путнику, и тем, кем владеют десницы ваши»¹.

В странах Ближнего Востока хозяин не мог убить *раба*. Но и *раб* не имел права поднять руку на хозяина. Наказанием всегда за это была смертная казнь. Строго карались они за любое покушение словом и делом на любого лично свободного².

Везде на Ближнем Востоке рабы имели семьи и имущество. Общественной моралью не одобрялись те случаи, когда хозяин силой разлучал своих *рабов* – мужа и жену или родителей и детей³. Так, *рабы* в Сирии могли владеть определенным имуществом и активно участвовать в деловой жизни общества: *рабы* могли получать свободное время для работы на себя⁴.

Объективная действительность и практика эксплуатации *раба рабовладельцем* были таковыми, что хозяину *раба* часто было выгоднее и удобнее, когда *раб* имел свое имущество. Но **признавать** во всех случаях и **безоговорочно собственность раба исключительно его собственностью вряд ли возможно**. О собственности *рабов*, видимо, следует говорить как о разделенной собственности.

В Дагестане, происходило то же самое. Во многих обществах труд *лагов* эксплуатировался на дальних хуторах, которые иногда превращались в самостоятельные отселки *лагского* типа⁵, но **без полноты права обладания** окрестной территорией на **правах собственности**. По данным М.А. Агларова в отдельных обществах (Карата и др.) *лагов* лишали права участия в доле на дальних покосах, откуда следует, что они **не рассматривались как совладельцы собственных земель**, хотя никто их не лишал права выпаса своего скота на общественных пастбищах⁶.

Полевые исследования показали, что в обществах Западного Дагестана *военнопленный* до определенного времени (в каж-

дом обществе по разному) жил у хозяина¹. Он считался членом семьи. *Ляг* выполнял различные подсобные работы по указанию хозяина. Д.М. Магомедов считает, что поскольку *ляг* считался членом семьи, производство и потребление были совместными, то надо полагать, что он (*ляг*) фактически выступает как собственник наравне с членами семьи, хотя юридически эти права не были закреплены за ним. Он, как и любой член семьи, был заинтересован в поднятии экономики хозяйства. Зависимость его выражалась в том, что он выполнял волю своего хозяина. Информаторы сообщают, что *ляг* считался членом семьи; они совместно грудились и питались, а с течением времени *ляг* обзаводился семьей. Свадьбу устраивал хозяин. Из пригодной джамаатской земли ему выдавали пахотный участок. Бывали случаи, когда наиболее зажиточные хозяева предоставляли ему скот и даже землю². В основном *лагов* селили недалеко от основного поселения. Здесь им выделяли землю, они имели право разводить скот и т.д. В результате этого на территории Западного Дагестана возникали новые поселения зависимого сословия. В отдельных сельских обществах *лаги* жили компактно в одном из кварталов, обычно, на краю аула. В настоящее время во всех почти аулах сохранились названия тухумов зависимого происхождения³.

Но потомки и таких освобожденных *рабов* не считались равными с остальной частью населения, на них еще долго оставалось клеймо происхождения. Слова М.Б. Лобанова-Ростовского, сказанные в отношении *рабов* кумыкских владений, о том, что «рабское происхождение, пятно, не вдруг изглаживающееся...»⁴, в полной мере можно отнести к зависимому населению всего Дагестана, о чем сохранился ряд интересных сведений. Н. Дубровин писал, что «в сел. Корода Гунибского округа, каждую пятницу после службы (в мечети – Авт.) чауши обходят всех потомков *рабов*. Помни, говорят они при этом каждому, что ты происходишь не от узденя. Освобожденный раб и его потомство, как бы богаты ни были, не имели права резать более трех баранов в год

¹ Цит.: Там же. С. 426.

² Там же. С. 11.

³ Там же. С. 12.

⁴ Там же.

⁵ Асиятилов С.Х. Историко-этнографические очерки хозяйства аварцев (XIX – первая половина XX в.). Махачкала, 1967. С. 95

⁶ Агларов М.А. Указ.соч. С. 142.

¹ Полевой материал, собранный в 1978 г. Д.М. Магомедовым. Рук. фонд ИИЯЛ. Ф.1. Оп 1.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Лобанов-Ростовский М.Д. Указ. соч. // Кавказ. 1846. № 37.

на все семейство, чтобы в этом не сравниваться с кровными узденями»¹.

В сел. Чох потомки *рабов* до четвертого колена включительно обязаны были в год один раз угощать всех узденей, живущих на одной улице с ними, и через каждые десять лет при разделе общественных пашен давать с каждого семейства в пользу общества по одному медному котлу ценой 8–10 руб. Обычно один из этих котлов разбивали на мелкие куски, а остальные продавались и на вырученные деньги устраивалось угощение для членов сельского управления. В сел. Мехельта освобожденные *рабы* и их потомки раз в год должны были на целую ночь уходить из дому. В их отсутствие приходили группы молодых узденей, которые съедали и выпивали все, что находилось в доме и во дворе². В некоторых обществах потомки *рабов* ежедневно чистили источники воды и убирали улицы³.

Неравноправие рабов выражалось и в других формах. Даже после освобождения за бывших *рабов* и их потомков не выдавали замуж девушек из других сословий, они часто не допускались на джамаат, их не выбирали на административные должности, они не имели права находиться на годекане, когда там были уздени⁴. В сел. Муги во время молитвы в мечети потомки вольноотпущенников не имели права стоять впереди узденей, если даже они становились учеными-арабистами. А в Цудахарском обществе даже лошадь владельца *лагского* происхождения не приравнивалась к лошади свободного узденя. Хотя во время скачек она приходила первой, хозяину ее не давали ничего, в то время как победившая лошадь узденя украшалась дорогими тканями и коврами, а хозяин ее получал от джамаата определенный сенокосный участок из общинных земель⁵. В сел. Унчукатль во время праздников *рабы* должны были обслуживать пирующих узденей⁶. По полевым исследованиям А.М. Агларова, в Гидатле не допускалась

(осуждалась) продажа земли лицам *лагского* происхождения. *Лаги*, не являлись полноправными членами общины и в юридическом смысле.

Анализ норм обычного права дагестанских народов показывает различное экономическое и правовое положение *рабов* в Дагестане. *Рабы* были подвижной прослойкой дагестанского феодалного общества. Их продавали, они могли себя выкупить, их иногда отпускали во имя Аллаха. «На ранних порах появления рабства, – писал Ш.М. Ахмедов, – они адаптировались в коренной род, племя. А в позднее время они пополняли бесправный, зависимый слой дагестанского общества»¹.

Рабы могли жить в доме своего хозяина и могли жить отдельно. Так, в приведенных нами выше нормах аварских адатов значится: «Если *раб* убьет свободного и если этот живет со своим господином и участвует с ним в войне и т.п., то за убийство отвечает господин... если же *раб-убийца* живет отдельно от своего господина, то господин платит родственникам убитого только пеню...»². Т.е. здесь мы наблюдаем положение как бы двух типов *рабов*: *раб*, лишенный всего, низведенный до положения бесправного члена семьи и *раб*, имеющий свое подворье, возможно и участок земли, т.е. это – член общины, хотя и в рабской зависимости.

Рабы в Лакии, по данным А.Г. Булатовой, подразделялись на ханские и узденские. «Ханские *лаги* были доверенными лицами, обязанность которых заключалась... в исполнении полицейских функций, составляя, по всей видимости, ханский аппарат принуждения»³.

В более стесненном положении находились *лаги*, принадлежавшие узденям. В сел. Щара зафиксировано три рабских ту-хума: *Чиргас лагъарт*, *Мугъалтар* и *Щанги лагъарт*. Здесь наряду с *лагами* из числа пленных, захваченных во время набегов, фигурируют выходцы из аварского селения Щангада. В сел. Убра

¹ Дубровин Н. Указ. соч. С. 626.

² Там же; Османов Г.Г. Указ. соч. С.30.

³ Полевой материал 1983–1984 гг., собранный Б.Г. Алиевым.

⁴ Там же.

⁵ Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Из истории средневекового Дагестана. Махачкала, 1970. С. 181.

⁶ Магомедов Р.М. По аулам Дагестана. Махачкала, 1979. Вып. 2. С. 139.

¹ Ахмедов Ш.М. Указ. соч. С. 25.

² Из истории права народов Дагестана. С. 27.

³ Булатова А.Г. Лакцы. Историко-этнографическое исследование (XIX – начало XX вв.). Махачкала, 2000. С. 92.

рабскими считались тухумы, переселившиеся сюда из Кая, Хойми и др. лакских сел.¹

Рабов в союзах сельских общин было много, о чем свидетельствует образование из бывших рабов целых рабских по происхождению тухумов. Таковыми по опубликованным полевым данным были тухумы в сел. Муги, в Цудахаре, в Акушинском обществе.²

По наблюдениям Д.М. Магомедова, держать лагов могли только экономически мощные хозяйства, т.е. феодализирующаяся общинная верхушка. Для сравнения предлагаем провести аналогии с положением соответствующих категорий зависимого сословия на социальной лестнице сопредельных Дагестану народов.

Как указывалось нами выше, *рабство* у вайнахов возникло в общих чертах так же, как и у других горских народов Северного Кавказа. Основными источниками *рабства* у чеченцев и ингушей были те же самые, что и у большинства горских народов, в частности народов Дагестана. *Рабство* у вайнахов, в частности, имело и свои особенности.

Ш.Б. Ахмадов со ссылкой на труд Р.Л. Харадзе и А.И. Робакидзе пишет, что по истечении определенного времени, если *ясырь* отслужил своему хозяину, то последний мог наделить его землей с выплатой натуральной ренты. Тем самым *ясырь* приобретал право «поставить свой собственный дом» и обзавестись семьей. Потомство его именовалось «*есар бераиш*», что означает «дети *ясырей*»; оно всегда было в долгу перед семьей хозяина и вносило подать за пользование землей, отправляя и личные повинности³. В этом, по мнению А.И. Хасбулатова, проявлялась одна из особенностей *рабства* у горских народов. Бывший *раб* у горских народов был близок по своему положению к крепостно-

му крестьянину, наделенному землей и обязанному отбывать феодальные повинности¹.

Еще в 60-е гг. XIX в. А.П. Ипполитов в своем исследовании «Этнографические очерки Аргунского округа» писал, что в горной Чечне «*раб*, если только разумеется он был мусульманин, считался скорее одним из младших членов семейства, нежели бесправным *рабом*; он служил старшим членам точно также, как служат и теперь дети отцу, младшие братья старшим и т.д.»². Ф.И. Леонтович замечал, что «*ясырь* может быть выкуплен и возвратиться на родину, тогда, как *лай*, забывший свое происхождение, без связей с отечеством своих предков, составляет неотъемлемую собственность своего господина. Положение *лаев* в Чечне, утверждал Ф.И. Леонтович (утверждение, на наш взгляд, небесспорное – Авт.), – есть то безусловное рабство, которое существовало в древнем мире»³.

Раб (лай) у чеченцев, – пишет А.И. Хасбулатов, – в классическом понимании этого слова не считался членом общества, а являлся собственностью своего господина, который имел над ним неограниченную власть. *Лай* мог быть продан, наказан, результаты его труда принадлежали его хозяину (владельцу). Как правило, они не имели своих семей. Их можно было продать, подарить, но убийство их запрещалось общественным мнением⁴. *Лай* не имел своего жилища, ему разрешалось, согласно преданиям, лишь возводить пристройку к дому своего хозяина. Он не имел права жениться, не имел земли, права голоса и т.д. По преданиям *лай* вовсе не должен был носить оружие. Он не имел права покинуть своего хозяина и переселиться к другому хозяину, хотя и случалось, что *лай* бежал от жестокого обращения своего хозяина к известному и уважаемому в обществе свободному человеку и искал у него защиты. Однако, последний, взявшись защитить бежавшего к нему *лая*, мог только вести переговоры с хозяином, чтобы смягчить его гнев и добиться обещания не притеснять бо-

Хасбулатов А.И. Указ. соч. С. 66.

Цит.: Хасбулатов А.И. Указ. соч. С. 67.

Леонтович Ф.И. Адагы кавказских горцев. Одесса, 1883. Вып. 2. С. 81.

Тотоев Ф.В. Развитие рабства и работорговли в Чечне (вторая половина XVIII – 40-е гг. XIX в.) // Известия ЧИНИ ИИЯЛ. Т. 8. Вып. 1. История. Грозный, 1969. С. 188.

¹ Булатова А.Г. Указ. соч. С. 93.

² См.: Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Из истории средневекового Дагестана. Махачкала, 1970. С. 179–180.

³ Харадзе Р.Л., Робакидзе А.И. Характер сословных отношений в горной Ингушетии. КЭС. Тбилиси, 1968. Ч. 2. С. 138; Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX века (Очерки истории социально-экономического развития и общественно-политического устройства Чечни и Ингушетии в XVIII – начале XIX века). Грозный, 2002. С. 197.

лее *лая*, но ни в коем случае не удерживать его у себя, рискуя быть обвиненным в воровстве¹. Этому свидетельство – следующие данные: в том случае, когда родственники не желали или не имели возможности выкупить *ясыря*, он превращался в *лая* и оставался в доме своего хозяина в качестве работника, а через некоторое время получал в аренду участок земли и обзаводился своим собственным хозяйством. Такой *ясырь* теперь уже именовался *лаем*. *Лаем* он именовался и после того, как получал право владения на средства производства². Несмотря на бесправие и униженное положение в обществе, быть *лаем* у чеченцев не считалось постыдным, его самого в этом не обвиняли, – свидетельствовал Ф.И. Леонтович³.

В XVIII в. среди чеченцев и ингушей «сословие *лаев*» было немногочисленным, – утверждает Ш.Б. Ахмадов. К концу XVIII столетия оно фиксируется лишь в горной Чечне, в частности в Чеберлое⁴. Но и здесь к этому времени «традиционное сословное деление общества в имущественном отношении резко не совпадает с классовым; среди бывших *лаев* встречались богатые, а среди «*оьзда нах*» (свободные люди – Авт.) – бедные⁵. Были случаи, когда *лай*, например, чеберлоевского селения Цикарой жили богаче, чем «*оьзда нах*» этого селения. Наблюдались и такие случаи, когда *лай* селения Цикарой хотели породниться со «свободными людьми» из селения Макажой, то последние, хотя и были беднее цикароевцев, неохотно соглашались породниться с ними из-за их «низкого происхождения»⁶.

Приведенный выше материал позволяет нам заключить, что социально-правовое положение категории зависимого населения – *лай* в Чечне не отличалось от положения *лагов* Дагестана и *унаутов* Кабарды. Последние также не имели никаких прав – ни имущественных, ни семейных. Владельцы могли продавать их порознь, отделяя детей от матери, братьев от сестер, могли убить.

¹ Хасбулатов А.И. Указ. соч. С. 66.

² Харадзе Р.Л., Робакидзе А.И. Указ. соч. С. 138–139.

³ Леонтович Ф.В. Указ. соч. С. 81.

⁴ Ахмадов Ш.Б. Указ. соч. С. 196.

⁵ Саидов И.М. Земледелие и землепользование у чеченцев и ингушей в XVIII–XIX вв. // Известия ЧИНИИИЯЛ. Грозный, 1964. Т. 4. Вып. I. История. С. 269–270.

⁶ Там же.

По заключению кабардинских историков, в условиях средневековой Кабарды *рабство* являлось патриархально-родовым пережитком и носило форму *домашнего рабства*, представляя собой один из укладов в социально-экономической жизни кабардинского общества¹.

Унауты и *унаутки* не имели семейных прав и не могли без согласия владельца вступать в брак, т.е. лишались личных прав. Дети, рожденные от *унаутки*, тоже считались *унаутами* и поступали в собственность ее владельца. *Унауткам*, по свидетельству архивных источников, дозволялось с согласия владельца иметь временного мужа из *унаутов*, *логанутов* (феодално-зависимые крестьяне – Авт.) и даже *уорков* (служилое сословие, дружинники – Авт.), но дети, рожденные от такой связи, становились обязательно *унаутами*. Последние служили предметом торговли².

На самой низкой ступени сословной лестницы осетин находились *косаги* или *рабы*. Ими являлись преимущественно крестьяне, приобретенные феодалами путем покупки на территории Осетии или у соседних народов. *Косагами* или *рабами* становились также пленные, захваченные во время войны; они или эксплуатировались в хозяйстве феодала, или продавались ими в другие страны. Люди этой категории со всем своим потомством находились в полной зависимости от баделята (феодала – Авт.), имевшего над ними неограниченную власть. Баделят имел право продать своего *косага* или просто подарить его кому-либо. *Косаги* находились в личной зависимости от баделята и никаких прав на землю не имели³.

В позднефеодальном Дагестане численность *рабов*, надо полагать, не была такой уж значительной. На наш взгляд тут абсолютно справедлива мысль, высказанная в докторской диссертации Т.В. Гаджиева⁴, что несмотря на преобладающую роль свободных общинников и их труда во всех отраслях хозяйства и

¹ Тхамоков Н.Х. Социально-экономический и политический строй кабардинцев в XVIII веке. Нальчик, 1961. С. 157.

² См.: Кумыков Т.Х. Указ. соч. С. 77.

³ См.: История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева: Сб. статей и документов / Выявление, археология, составление, вступительная статья Г.Х. Мамбетова. Нальчик: «Эль-фа», 2005. С. 129.

⁴ Гаджиев Т.В. Государство, общество и право в Дагестане (до второй четверти XIX в.): Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2001. С. 299–300.

ограниченном, как правило, использовании рабов и их труда в сфере домашних услуг, само присутствие *рабства* в дагестанском обществе оказывало определенное воздействие на социальную психологию и правосознание всех его членов. Скучность земельных площадей, пригодных для сельскохозяйственного использования, неизбежно приводила к тому, что *рабов*, не проданных за пределы Дагестана или не выкупленных сородичами, приходилось освобождать за выкуп или даже без него. Потомки *рабов*, получивших таким образом волю, продолжали жить в тех же общинах, где когда-то осели их предки. Через одно-два поколения они ассимилировались в этнической среде своего обитания. Со временем они образовывали тухумы *рабов*, которые имелись чуть ли ни в каждом селении. И несмотря на формальную личную свободу лиц, принадлежащих к таким тухумам, они и их тухумы продолжали носить *рабское* клеймо, что в глазах стороннего наблюдателя порой и создавало преувеличенное впечатление о количестве *рабов* и о их значении в Дагестане. Так, кроме имущественного положения, в брачных делах серьезную роль играла и сословная принадлежность жениха: если его родители или один из его родителей даже в 7–10-ом поколении являлись *рабами*, то с ним не обручали свою дочь родители из свободных сословий.

Приведем современные данные, ярко иллюстрирующие это обстоятельство. В монографии З.М. Гаджимурадовой, посвященной особенностям этнического самосознания современных дагестанцев: «По исторически сложившимся причинам *«Лаги»* и *«Козаки»*», как их называют в народе, – бывшие *пленники-рабы* (русские, грузины, адыги и т.д.), постепенно ассимилировавшие с местным населением, но в общественном сознании сохранившие свой статус *«рабов»* или *«ишаков»* («гъама», авар.), – пишет она. Представители таких родов уже с подросткового возраста чувствуют свою ущемленность, неполноценность, психологическую нестабильность, так как о них говорят, что «он (она) из «плохого рода».

«Я бы дал снять с себя три слоя кожи, лишь бы снять это клеймо с себя и со своего рода», – с горечью выразил свое напряжение по поводу своей «сословной принадлежности» член такого рода, житель аула Верхнее Инхо Гумбетовского района М.Г. (69 лет). У членов «низших» родов обычно появляются проблемы

при женитьбе, так как они не могут выбрать себе супругу или супруга из более «высших» родов. «Я не смог жениться на девушке, которую люблю до сих пор, так как она из рода высокого, а я из *«козаков»*! Она для меня недосыгаема. И сейчас я чувствую себя ничтожным, хотя купил машину, дом в Махачкале, заработал кучу денег, открыл фирму. И детей моих ждет та же участь», – свидетельствовал уроженец Гумбетовского района М.М., 30 лет (г. Махачкала, 20 мая, 2000 г.)¹.

Житель аула М.М. из «узденского» рода (аул Чиркей Буйнакского р-на, 1991 г.) вступил в отношения с девушкой этого же аула А.П. «лагского происхождения». Представителей этого рода в народе называют *«рабами»* или *«х/ама»* (ишаками). Брат девушки, узнав об этом, стал выслеживать М.М. Жители села уговаривали М.М. и его родителей узаконить их отношения, на что мать парня возмущенно ответила: «Не хватало нам еще в доме двуногого ишака», – тем самым открыто оскорбив весь род этой девушки. Брат девушки выследил М.М. и застрелил его, потом добровольно сдался властям. Девушка А.П. тоже бесследно исчезла. Предполагается, что ее убили ее же братья за позор и бесчестие, которое она принесла семье и роду».

После этого аул разделился на две противоборствующие стороны, поджигая и взрывая дома друг друга. Джамааты близлежащих сел вмешались в это безумие, стараясь примирить стороны. «Окончательное примирение не состоялось, между обоими родами продолжается стойкое противостояние, за которым стоит возможно акт новой кровной мести, который обязанностью ложится на плечи родных братьев и ближайших родственников по отцовской линии (Записано в ауле Чиркей Буйнакского р-на, 25 июня 1995. Инф. Гаджиев Али, 40 лет)»².

С другой стороны, существует немало примеров того, как наиболее предприимчивые из сословия *лагов* своим богатством в силу особых заслуг перед общиной, доблести или религиозности становились влиятельной силой в общине³.

¹ Гаджимурадова З.М. Этническое самосознание дагестанцев на пороге XXI века (на материале сравнительного наследования этностереотипов старшего и молодого поколения аварцев и кумыков). Махачкала, 2002. С. 85, 168.

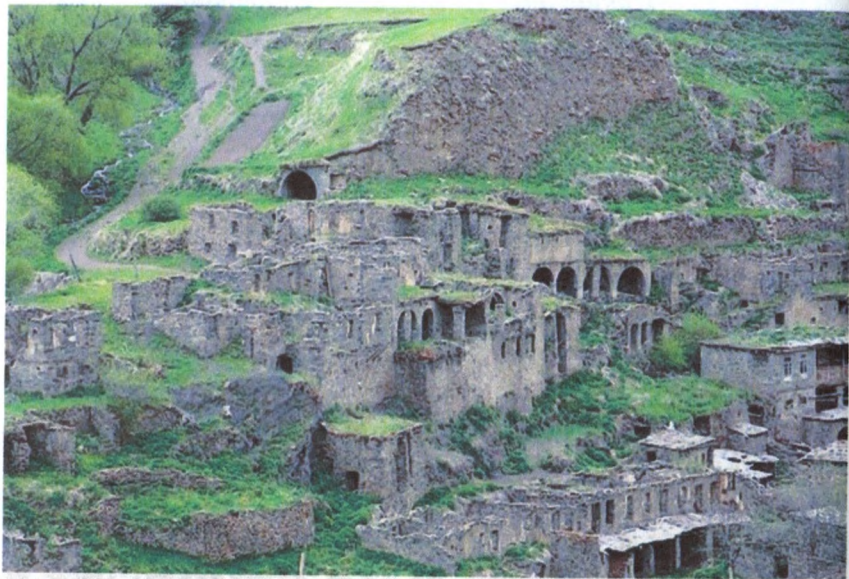
² Там же.

³ См.: Агларов М.А. Указ. соч. С. 143.

Предпринятая нами попытка осветить некоторые аспекты социально-правового статуса *рабов* в феодальных владениях Дагестана не претендует на исчерпывающее решение этого достаточно дискуссионного вопроса. Тем не менее, приведенный выше материал позволяет показать ряд форм бесправного состояния, морального унижения и материального притеснения, характеризующих социально-правовое положение этой категории зависимого населения на сословной лестнице народов Северо-Восточного Кавказа.

Покинутые аулы в горах Дагестана.

Террасные поля в горах Дагестана

Освещенный солнцем аул и террасные участки

Аксакалы

5. МЕСТО И ЗНАЧЕНИЕ ИНСТИТУТА РАБСТВА В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Место, удельный вес, роль и значение рабства в экономической жизни феодального Дагестана определить достаточно сложно. По данным Г.Д. Даниялова «... в давние времена в Дагестане было 1416 аулов, местечек, хуторов или отселков, где было 12700 тухумов, из которых более 2570 считались в политическом и экономическом отношении неравноправными, подневольными, т.е. *лагскими*...», заключал, что «*рабство* в этом крае было развито очень сильно»¹.

В исторических источниках мы находим свидетельства о том, что число *рабов* еще в XVIII в. в Дагестане было значительным. Они имелись у шамхала и его приближенных беков, салаузденей, должностных лиц, просто узденей и даже у чагар», – утверждал Р.М. Магомедов. Далее, ссылаясь на архивные данные, он привел сведения «рописи *ясырей*» из Тарки и Дербента, в которых перечисляются фамилии 16 *рабовладельцев*².

Наличие *рабов* в феодальном Дагестане подтверждается и в более позднее время. Так, А. Руновский указывал на чрезвычайное распространение *кулов* особенно среди «мелких владельцев», каждый из которых имел одного, двух и более *кулов*³.

Источники свидетельствуют, отмечает Х.Х. Рамазанов, что до 30-х гг. XIX в. число *рабов* в Дагестане было гораздо значительнее. В десятках аварских, лакских, даргинских селений имелись *рабские* кварталы и *рабские* тухумы⁴. Х.О. Хашаев писал, что в еще в XIX в. в Аварии «почти в каждом селении имелись тухумы «*лагзал*», что значит «тухумы *рабов*»⁵.

Однако, не всех *кулов* можно рассматривать как *рабов*, полагал Г.Д. Даниялов. Дело в том, что, по свидетельству ряда ав-

¹ Даниялов Г.Д. Классовая борьба в Дагестане во второй половине XIX – начале XX вв. Махачкала, 1970. С. 5.

² Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX вв. Махачкала, 1957. С. 181.

³ Руновский А. Взгляд на сословные права и на взаимные отношения сословий в Дагестане // Военный сборник. 1862. № 8. Т. 26. С. 48.

⁴ Рамазанов Х.Х. Указ. соч. С. 161.

⁵ Хашаев Х.О. К вопросам о тухумах, сельских общинах и «вольных» обществах в Дагестане в XIX в. // УЗ ИИЯЛ. Махачкала, 1956. Т. 1. С. 85.

торов, в Аварии и Казикумухе было несколько аулов, населенных исключительно *кулами*, которые имели постоянную оседлость, обрабатывали ханские земли и отдавали владельцам только часть урожая. «Кулы эти имели и собственные земли»¹, – подчеркивал Г.Д. Даниялов, ссылаясь на С. Эсадзе. Г.Д. Даниялов в данном случае полагал, что под общим термином «кул» скрывались различные группы зависимого населения – от *рабов* до типичных *крепостных*. На наш взгляд, ближе к истине положение, высказанное М.А. Агларовым о том, что в Дагестане повсеместно и различными путями в XVII – нач. XIX в. шел процесс изменения социального положения *лагов*. «Во многих обществах их труд, как и труд зависимых крестьян, эксплуатировался на дальних хуторах, которые иногда превращались в самостоятельные поселки *лагского* (или уже *райятского*) типа, но еще без полноты права обладания окрестной территорией на правах собственности»² (подчеркнуто нами – Авт.). А в Каратинском обществе *лагов* лишали права участия в доле на дальних покосах, т.е. они не рассматривались как владельцы общественных земель³.

«Общепризнано, – писал И.П. Петрушевский, – широкое развитие рабства в странах Передней и Средней Азии в средние века. Источники свидетельствуют, что *рабы* использовались не только в качестве домашних слуг, но и в земледелии, скотоводстве, ремесле...»⁴, в роли пастухов, садовников, которые по существу, представляли собой модификацию *домашних рабов*.

Основной формой эксплуатации *рабов* в Дагестане было использование их главным образом как работников и прислуги в домашнем хозяйстве. *Рабы*-мужчины обычно пахали, сеяли, косили, заготавливали сено и дрова, в зимнее и летнее время ухаживали за скотом. В этот перечень также входило прядение, ткачество, обработка зерна, строительство жилых и хозяйственных

¹ Даниялов Г.Д. Классовая борьба в Дагестане ... С. 5.

² Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. (Исследование взаимоотношения форм хозяйства, социальных структур и этноса). М.: Наука, 1988. С. 142.

³ Там же.

⁴ Петрушевский И.П. Применение рабского труда в Иране и сопредельных странах в позднее средневековье (к проблеме рабовладельческого уклада в феодальных обществах Передней и Средней Азии). XXV Международный конгресс востоковедов. М., 1960. С. 11.

построек, занятия различным ремеслом, т.е. их деятельность находилась в зависимости от хозяйственной направленности той среды, где они проживали. «Все их жены и сыновья, и дочери и *рабы*, и *рабыни* занимаются всеми этими ремеслами», – сообщал Абу Хамид ал-Гарнати¹ о зирихгеранцах, имея в виду жителей селений Кубачи и Амузги и их производство снаряжения, а также всевозможных изделий из меди.

Большую часть *домашних рабов* составляли женщины. Основной сферой применения их труда было домашнее хозяйство – служанки, няньки, уборщицы. В их обязанности входило прядение, ткачество и т.п. То есть они использовались в так называемой полупроизводственной сфере, в сфере личного услужения, обслуживания семьи своего владельца, его близких и приживал.

Таким образом, рабский труд в Дагестане бытовал лишь на уровне *домашнего рабства*, а сами *рабы* прямо или косвенно всегда входили во владевшую ими семью как бесправные ее члены. Наличие подобных признаков, как известно, является характерной чертой *патриархального рабства*.

Объективная действительность и практика эксплуатации *раба рабовладельцем* были таковыми, что хозяину *раба* часто было выгоднее и удобнее, когда его *раб* имел свое имущество. «Но, признавать во всех случаях и безоговорочно собственность *раба* исключительно его собственностью вряд ли возможно... О собственности *рабов*, видимо, следует говорить как о разделенной собственности», – полагают авторы сборника статей «Рабство в странах Востока в средние века»². Следует заметить, что с зарождением феодальных отношений практика освобождения *рабов* на Ближнем Востоке, по наблюдениям авторов указанного труда, становится все более распространенной. Труд *рабов* с течением времени становился все менее производительным. Фраза из Вавилонского Талмуда «*Раб* хлеба утробы своей не стоит» красноречиво определяет отношение крупного землевладельца к проблеме *рабства* в раннем средневековье. Правящие круги ощуща-

¹ Цит.: Шихсаидов А.Р. Средневековый город Дагестана и его связь с сельским хозяйством // Ближний и Средний Восток. Товарно-денежные отношения при феодализме. М.: Наука, 1980. С. 235.

² Рабство в странах Востока в средние века. М.: Наука. Главная редакция Восточной литературы, 1986. С. 11.

ли острую необходимость в работнике нового типа, более заинтересованного в результатах своего труда.

Идеальная схема новых форм эксплуатации, которые хотя и не устраняли рабского статуса, но делали раба более заинтересованным в результате своего труда, выглядела следующим образом: а) земледельцы сажали *рабов* на земельные участки для индивидуальной их обработки; б) за работу *рабам* выдавалось довольствие на определенный промежуток времени; в) *рабу*, посаженному на землю, выдавалось вместо довольствия часть урожая с обрабатываемого им участка; некоторые излишки продукции давали возможность рабу улучшить свое хозяйственное и материальное положение; г) *рабу* предоставлялось право пользоваться урожаем возделываемого им участка полностью, но за это он какое-то время должен был работать на поле господина.

Применение *рабского* труда в сельском хозяйстве, в частности, Дагестана в изучаемое нами время не могло быть экономически оправдано. С.Ш. Гаджиева в своем фундаментальном труде, посвященном изучению истории кумыков, подмечала, что даже здесь, где существовали более благоприятные условия для ведения земледельческого хозяйства, чем в горах, *рабы* «представляли собой дворовую прислугу (патриархальное рабство)» и лишь «частично были заняты в сельском хозяйстве»¹.

Что касается положения *домашних рабов* в хозяйстве владельца Засулакской Кумыкии, то Д.-М. Шихалиев свидетельствовал: «*Холопы*, в настоящее время у кумыков находящиеся, исправляют все домашние и полевые работы своих господ, по мере возможности. Владелец их одевает и кормит или, отдав в собственное распоряжение на каждое хозяйство по паре быков с арбою, позволял им по окончании господских работ промышлять на себя, в таком случае господин их не одевает, а только кормит. Вообще *рабы* кумыков не обременены излишними работами, как можно было это предполагать; но вместе со своим господином составляли одно семейство, работают для них, как для себя...»².

¹ Гаджиева С.Ш. Указ. соч. С. 116.

² Шихалиев Д.М. Рассказ кумыка о кумыках / Сост. предисл. и коммент. д.ист.н. С.Ш. Гаджиевой. Махачкала, 1993. С. 66.

Конечно, это, весьма идеализированное описание, несколько разнится со многими другими свидетельствами¹.

В Нагорном же Дагестане, где в виду ограниченности возможностей иметь крупные земледельческие хозяйства из-за малочисленности пахотноудобных угодий, труд *лагов* был нерентабелен. «Так, – писала А.Г. Булатова, – самый крупный феодал в Лакии в середине XIX в. – хан Агалар владел пашней всего на 178 саб (8–9 десятин)»². Держать их в своем распоряжении могли только экономически мощные хозяйства, т.е. феодализирующаяся общинная верхушка. Основная же масса узденства, за неимением крупных земельных владений или большого поголовья скота, не пользовались их трудом.

По справедливому выводу М.А. Агларова, «положение *лагского сословия* в общине в XVIII и особенно XIX в. резко изменилось»³. Процесс же этот берет свое начало задолго до указанного времени. Как пишет А.Р. Шихсаидов, в XIV–XV вв. наблюдается характерное явление – отсутствие сведений о продаже *рабов* в Дагестане, что было связано, по его мнению, с начавшимся процессом наделения *рабов* землей и переводом их в сферу сельскохозяйственного труда⁴. Анализируя хронику Махмуда Хиналутского XV века, он приводит ценные факты, подтверждающие этот тезис: Байджукум-бек, получив во владение крепость Ахир в Южном Дагестане, возле нее «основал деревню для своих *невольников*»⁵. Это – достаточно красноречивый пример происхождения многих таких сел в различных регионах Дагестана.

В арабоязычном документе, опубликованном Т.М. Айтбековым, сообщается о том, что во второй половине XV в. 20 семей рабов, принадлежавших нуцалу, поссорившись со своим хозяином, перебежали к кутишинскому князю Чупану, который вскоре умер. Его наследник Чупанилав, разгневавшись как-то на перебежчиков, решил поговорить с нуцалом об их дальнейшей судь-

¹ Лобанов-Ростовский М.Б. Указ. соч. С. 59; Дубровин Н. Указ. соч. Т. I. Кн. I. С. 626 и др.

² Булатова А.Г. Лакцы. Историко-этнографическое исследование (XIX – начало XX в.). Махачкала, 2000. С. 93.

³ Агларов М.А. Указ. соч. С. 143.

⁴ Шихсаидов А.Р. Дагестан в X–XIV вв. Опыт социально-экономической характеристики. Махачкала, 1975. С. 148.

⁵ Там же.

бе. Чупанилав пригласил его встретиться в сел. Кикуну. При встрече нуцал предложил Чупанилаву: «Я продам тебе этих рабов за золотой лук». Чупанилав согласился. После того как они стали его собственностью, он перебил всех взрослых мужчин-рабов, а женщин выдал замуж за своих рабов и слуг. Новобрачные по их просьбе основали отдельное селение, которое Т.М. Айтберов отождествляет с сел. Хахита¹.

По свидетельству А. Руновского: «...жители четырех деревень: Кахх, Кинниб, Къуаниб и Тхлянлюб, расположенных недалеко от Хунзаха и с незапамятных времен составлявших собственность аварских ханов», являлись бывшими рабами, посаженными на ханские земли. Аналогично это происходило и в Казикумухском ханстве в сел. Тулизма, Хулисма, Хосрех и др.² «Кулы этих селений обрабатывали ханские земли и выручаемый с этих земель хлеб отдавали своим владельцам. Ханы имели полное право брать в прислугу как мужской, так и женский пол...»³.

Е.Н. Кушева, ссылаясь на местные предания, писала, что в XVI–XVII вв. существовала тенденция сажать рабов на землю; таково было происхождение некоторых раятских селений. Это были рабские поселения, жители которых были и лично, и экономически (поземельно) зависимы от феодальных правителей Аварии и Казикумуха⁴.

Б.Г. Алиев в своей монографии, посвященной крестьянству Дагестана, опираясь на сведения предшественников, в числе таких сел перечисляет следующие: Тлайлух, Амишта, Тукита, Чандатль, Учла, Мошул, Хик – в Аварском ханстве; Тулисма, Хулисма, Тухчар, Бурши, Хосрех, Сухи, Сумбатль, Цыйша, Хури, Хурхи, Шара – в Казикумухском ханстве⁵. Примечательно, что лаги этих селений имели и собственные земли.

«Рабы в Лакии, – писала А.Г. Булатова, – не были однородны, среди них различались ханские и узденские. Ханские лаги

были доверенными лицами, обязанность которых заключалась в усмирении непокорных...»¹. Так, например, хорошо известно, что «Сурхай-хан I Гази-Кумухский» доверял в свое отсутствие управление Шемахой и командование войсками своему рабу Карату².

Т.М. Айтберов, основываясь на сведениях дагестанских источников XVI–XVII вв., введенных им в научный оборот, приходит к заключению о существовании в Дагестане нескольких категорий рабов, среди них он называет рабов-гвардейцев, которые входили в дружины феодалов. Правители, набирая себе личную гвардию и доверенных слуг именно из числа рабов, видели в них людей, не связанных с местным населением и могли рассчитывать на их личную преданность. Т.М. Айтберов также полагает, что феодалы Дагестана в этот период владели десятками и сотнями рабов³, а также не исключает возможность наличия рабов в небольших количествах у свободных общинников.

Вероятно на каком-то этапе рабство, не будучи в Дагестане основой производственных отношений, тем не менее все же играло определенную роль в хозяйстве и в процессе дальнейшего роста богатств феодализирующейся знати. Рабский труд в феодальном Дагестане широко использовался при строительстве оборонительных сооружений. Награбленных пленных и скупленных рабов богатые тухумы использовали на захваченных у общинников землях, на строительстве каналов для орошения ханских земель и др. По преданиям, дорога, ведущая в сел. Гапшима, под названием «мегъала къячIикIуни» длиной в 7 км. и пещера по дороге в сел. Дубримахи построены лагами из сел. Акуша⁴. И, тем не менее, как справедливо подмечает Х.Х. Рамазанов, в хозяйстве феодалов наряду с трудом зависимых крестьян использовался и труд рабов, но основным источником обогащения феодалов была все-таки эксплуатация зависимых крестьян. «Мы не можем привести ни одного случая, чтобы тот или иной владелец жил только за счет рабского труда», – пишет далее он⁵. Но в фео-

¹ Айтберов Т.М. К вопросу о рабстве в Дагестане в XVI–XVII вв. // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XII годичная сессия ЛО ИВАН СССР. М., 1977. С. 52.

² ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 1. Д. 116.

³ Цит.: Даниялов Г.Д. Классовая борьба в Дагестане... С. 49.

⁴ Кушева Е.Н. Указ. соч. С. 51.

⁵ Алиев Б.Г. Указ. соч. С. 134.

¹ Булатова А.Г. Лакцы. ... С. 92.

² Бакиханов А.-К. Гюлистан и Ирам. Баку, 1991. С. 138.

³ Айтберов Т.М. К вопросу о рабстве в Дагестане в XVI–XVII вв. С. 56.

⁴ РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 364. Л. 52.

⁵ Рамазанов Х.Х. Указ. соч. С. 160.

дальних владениях *рабов* было относительно больше, и *рабский* труд в хозяйстве ханов, князей, беков имел сравнительно большее применение, чем в так называемых «вольных» обществах¹.

По мере усиления процесса закабаления обедневших узденей феодальной верхушкой, уменьшалась и потребность в труде *рабов*. Некоторые владельцы, предпочитая малопроизводительному труду *рабов* труд зависимых узденей, считая их содержание для себя убыточным, а труд нерентабельным, либо продавали их, либо сажали на своей земле отдельными селениями.

«Семейство *холопов*, выселяемых из дворовой прислуги» на Кумыкской плоскости, т.е. *кулы* и *караваши*, которым предоставлялось, на известных условиях, право пользоваться некоторыми участками господской земли, со временем и составили многочисленную категорию лично и поземельно зависимых крестьян, обязанных на кабальных условиях сеять, косить, убирать хлеб, свозить его к дому владельца. В эту категорию, получившую название *чагары*, попадали и те *домашние рабы*, которые были даны в приданое кабардинским князьям, выходящим замуж за кумыкских князей и биев. Их обычно поселяли отдельными кварталами недалеко от владельцев². «Имеются у нас чагары в *холопстве*, а их природы бывают грузина и армяна и черкеса...», – свидетельствовал в своем письме кизлярскому коменданту аксайский владелец Магомед Уцмий Солтанмахмудов³. Отсюда явствует, что эти чагары из *ясырей*-грузин и армян.

Если проследить наблюдения, приведенные М.Б. Лобановым-Ростовским, то невозможно не заметить почти зеркальное сходство крепостных – *чагаров* у кумыков на начальном этапе с *домашними рабами* – *кулами* и *каравашиами*. Они, писал он, «живут обыкновенно в самом доме господина и занимаются всеми домашними и полевыми работами; женщины исполняют почти ту же самую службу, что мужчины, рубят дрова, ходят на жатву хлеба, молотят и в свободное время помогают господам своим в женской работе. Сверх этих обыкновенных занятий, молодые и

пригожие почти всегда обязаны увеселять господ своих»¹. Таким образом, они, на наш взгляд, как раз и являются теми самыми «*чагар-каравашиами*» и «*чагар-кулами*» или «*домашними чагарами*» архивных документов, написанных на «северокавказском тюрки», в переводе на русский «*холопками*» и «*холопами*»² – категорией, которая пока еще либо балансировала на грани *рабского* состояния, либо все-таки являлась *рабской* лишь фактически.

Посаженные на землю *рабы-чагары* поначалу почти ничем не отличались от обыкновенных рабов. Положение их профессор С.В. Юшков сравнивал с положением *страдных людей, холопов* на пашне феодальной Руси или *сервов*, посаженных на землю (во Франции и Италии), которые «затем получили некоторую хозяйственную самостоятельность и стали переходить в разряд крестьянства. Это был своего рода *серваж* на дагестанской почве»³.

М. Ковалевский считал, что «отличием чагаров или крепостных от собственно *рабов*, известных в Дагестане под названием *кулов* и *каравашей*, служило то обстоятельство, что крепостные поселяне были на землях владельцев самостоятельными хозяевами. Это обстоятельство, впрочем, не давало им никаких прав на землю...»⁴.

Считаем необходимым здесь обратиться к небезынтересным размышлениям и наблюдениям молодого исследователя З.Т. Гаджиева, который пишет: «Что касается термина *чагар*, то он находит прозрачную этимологию в лакском языке, на котором звучит как *чагъар* и переводится как «письмо /документ/ записка/ бумага». При этом он, что очевидно, является калькой с арабского *китаба*, производным от которого стал социальный термин *мукашиб*, т.е. «имеющий документ». Этим словом определялся *раб*, заключивший с хозяином письменный договор (*китаба*) о

¹ Рамазанов Х.Х. Указ. соч. С. 160.

² См.: Гаджиева С.Ш. Указ. соч. С. 196–198; Подробно о чагарах см. также: Алиев Б.Г. Крестьянство Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. Махачкала, 2009. С. 148–165.

³ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 337. Л. 23.

¹ Лобанов-Ростовский М.Б. Указ. соч. С. 28–29.

² См.: Оразаев Г.М.-Р. Памятники тюркоязычной деловой переписки в Дагестане XVIII в. (Опыт историко-филологического исследования документов фонда «Кизлярский комендант»)

³ Юшков С.В. К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане (до русского завоевания) // УЗ Свердловского госпединститута. Свердловск, 1938. Вып. 1 (Исторический). С. 81.

⁴ Ковалевский М. Закон и обычай на Кавказе. Т. 1. М., 1890. С. 227.

самовыкупе в установленный срок и за определенную сумму¹. По свидетельству А. Неверовского, процедура самовыкупа и заключения договора происходили в присутствии кади и двух свидетелей, которые заверяли передачу *рабо́м* через кади условленной суммы хозяину и, в свою очередь, передачу хозяином *рабу* отпускной грамоты, составленной кади².

Далее, говоря об этимологии соционима *чагар*, автор считает, что определение его посредством слова «бумага / письмо» более чем оправдано и в других дагестанских языках звучит схожим образом (в лезгинском – *чар*; в аварском – *кагъар*). «Напротив, удивление может вызвать то, что хотя термину *чагар* более двух веков, никто не уделил должного внимания его этимологии. Вместо этого исследователи пытались найти ему аналогии в совершенно не схожей социальной среде, вплоть до «крепостных», забывая, что еще В.В. Бартольд подчеркивал, что в «мусульманском мире нет крепостного права...»³. Конечно, можно соотносить дагестанскую историю с западноевропейской... Но все же, для лучшего понимания истории средневекового Дагестана необходимо, прежде всего, использовать востоковедческий инструментарий»⁴.

Обычно такие *чагары* селились возле двора своего владельца, занимая специальный квартал, о чем свидетельствуют: в Эндирее: Тюмен-чагар; Адиль-Гирей-чагар; Айдемир-чагар и Темир-чагар, а в Аксае – Адиль-чагар и Каплан-чагар.

Необходимо отметить, что вопреки укоренившемуся в историографии мнению, *чагары* были представлены не только в равнинных или кумыкских поселениях. К примеру, «Чагъар-авал» известен в Чиркее и даже в высокогорном Саситли, где они занимали «Чагъар гьолиль бак!»⁵.

¹ Гаджиев З.Т. Основные черты и особенности общественно-политического развития Восточного Кавказа в период османо-персидского противостояния (XVI–XVIII вв.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2012. С. 150–161.

² Неверовский А. Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан в топографическом и статистическом отношениях. СПб., 1847. С. 27.

³ Бартольд В.В. К вопросу о феодализме в Иране // Новый Восток. 1930. № 28. С. 229.

⁴ Гаджиев З.Т. Указ. соч. С. 160–161.

⁵ Там же. С. 150–161.

Для сравнения: в условиях средневековой Кабарды, по заключению кабардинских историографов, *рабство* являлось патриархально-родовым пережитком и носило форму *домашнего рабства*, представляя собой один из укладов социально-экономической жизни кабардинского общества¹. Поэтому и в Кабарде, как и вообще на Северном Кавказе, в Дагестане – в частности, оно не составляло основы производства.

Домашнее рабство, имевшее место у многих народов Северного Кавказа, является специфической особенностью восточного феодализма вообще. «Иное дело *домашнее рабство* на Востоке, – писал Ф. Энгельс, – здесь оно не образует прямым образом основы производства, а является косвенным образом составной частью семьи, переходя в нее незаметным образом»².

Унау́ты-рабы жили при доме владельца и исполняли все работы во дворе и в поле. «*Рабы* исполняют в полной мере все приказания господина своего и безоговорочно работают всё, что будет им приказано», – говорится в обычном праве кабардинцев³.

В экономической жизни кабардинских феодалов *унау́ты* все-таки играли определенную роль, хотя и не являлись главной производительной силой в хозяйстве. Они исполняли все работы, относящиеся к домашнему хозяйству их владельцев. Мужчины-*унау́ты* занимались полевыми работами, скотоводством, пчеловодством и др.

Уровень развития феодальных отношений в Кабарде в XVII–XVIII в. вынуждал владельца идти на то, чтобы превратить *унаута-раба* в *лагунапыта* (*логанапыта*) – дворового крестьянина (Сравни: *чагар-кул* у кумыков – Авт.), стоящего по положению ниже крепостного крестьянина, ибо труд этой категории зависимого сословия являлся более выгодным, чем труд *раба*.

Рабство в ингушском обществе, замечал Е.И. Крупнов, «не имело большого социально-экономического значения. *Рабы* здесь не являлись основной рабочей силой, да и применялась оно ограничено. Это было подлинно *патриархальное рабство*. *Рабский*

¹ Тхамоков Н.Х. Социально-экономический и политический строй кабардинцев в XVIII веке. Нальчик, 1961. С. 157.

² Энгельс Ф. Диалектика и естествознание // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 35. С. 451.

³ Тхамоков Н.Х. Указ. соч. С. 157.

труд как таковой не выступал здесь в качестве двигателя производства этого общества. Тем не менее пленные *рабы*, становясь добычей в грабительских войнах, наравне со скотом и прочим имуществом также увеличивали экономическую мощь своих владельцев»¹.

Ясырями в Чечне, как правило, являлись пленные горцы-иноплеменники, а также представители царских властей на Кавказе. Если *пленный* верно служил своему хозяину, по истечении определенного времени последний мог наделить его землей с выплатой натуральной ренты. Тем самым *ясырь* приобретал право поставить свой дом и обзавестись семьей. Потомство его именовалось *есар бераш*, т.е. *дети ясырей*; оно всегда было в долгу перед семьей похитителя и вносило подать за пользование землей, отправляя и личные повинности².

«Эта особенность *«рабства»* у горцев Кавказа имеет существенное значение, – подчеркивает чеченский историк А.И. Хасбулатов³. «При формационном определении социальной категории того или иного общественно-экономического строя необходимо принимать во внимание не только ее настоящее состояние, но и тенденцию развития, в которой более четко проявляются черты, детерминирующие то или иное явление, до сих пор представленные в зародышевой, неопределенной, зачастую в дуалистической форме, – продолжает А.И. Хасбулатов. – Следовательно, в этом случае речь может идти лишь об обществе, где свободные слои населения сосуществуют со **специфической категорией зависимых, часть которых составляют пленники, поставленные в положение раба с перспективой их последующего закрепления на земле**»⁴ (подчеркнуто нами – Авт.).

Причины неформирования в свое время в чеченском обществе «рабовладельческой общественно-экономической формации» А.И. Хасбулатов видит, прежде всего, в отсутствии здесь

¹ Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. М., 1971. С. 175.

² См.: Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX века (Очерки истории социально-экономического развития и общественно-политического устройства Чечни и Ингушетии в XVII – начале XIX века). Грозный, 2002. С. 195–205.

³ Хасбулатов А.И. Установление российской администрации в Чечне (II пол. XIX – нач. XX в.). М.: Русь, 2001. С. 65.

⁴ Там же.

соответствующих экономических и производственных условий, широкой сферы для применения труда внеэкономически зависимой категории людей. Это обуславливалось относительно слабым развитием производительных сил, малоземельем в местах их обитания, недостаточной развитостью ремесленного производства и товарного обмена. Такое положение, по справедливому заключению этого автора и обусловило ограниченное применение в Чечне и Ингушетии невольничьего труда и продажу или отпуск рабов за выкуп или без¹.

Обычно женщина-*ясырь*, будучи купленной или похищенной, превращалась в домашнюю рабыню, или прислугу, в лучшем случае – в наложницу. Нам кажется небезинтересным привести здесь материалы Г.А. Кокиева, который в своей работе, опубликованной еще в 1929 г. в журнале «Революция и горец» № 6, приводит наблюдения, заключающиеся в следующем: «Потомство освобожденного... в Осетии присваивало себе фамилию от имени своего предка-пленника или пленницы...». Так известные дигорские феодалы Тугановы в давние времена похитили чеченку по имени Гоха, потомки которой и составили фамилию Гохаявых. От другой пленницы-чеченки Хадзиказ пошла фамилия Хадзиказовых. «Основную массу *невольников* дигорских феодалов фамилий Абисаловых, Тугановых, Кубатиевых, Кануковых, Кабановых и других, – по мнению Г.А. Кокиева, – составляли чеченцы и грузины». «Как и те, так и другие славились большой выносливостью и трудолюбием, поэтому на них всегда был большой спрос на невольничьих рынках, которые снабжались *живым товаром* лезгинами»², – заключает автор.

В географическом сочинении X в. «Худуд-ал-алем» имеются сведения о неких четырех деревнях, принадлежавших ширван-шахам, где жили и занимались земледелием мужчины и женщины, которые, как можно заключить из текста, были посаженными на землю рабами. Эти данные и дали основание А.А. Али-заде заключить, что в Азербайджане «институт прикрепле-

¹ Хасбулатов А.И. Установление российской администрации в Чечне (II пол. XIX – нач. XX в.). М.: Русь, 2001. С. 67–68.

² Кокиев Г.А. Указ. соч. С. 48.

ния к земле, в частности *рабов*, фактически имел распространение еще в X в.»¹.

В Азербайджане позднего средневековья, вплоть до крестьянской реформы XIX в., наряду с феодально-крепостническими отношениями наблюдались пережитки *рабства*. В азербайджанских ханствах землю беков обрабатывали крестьяне, находившиеся в крепостной зависимости от них. При этом часть их составляли так называемые «покупные люди», т.е. не что иное, «как невольники, захваченные в плен, каковых могут покупать не только беки, но и каждый. Покупные мужики называются «*кул*», а женщины «*караваши*» обыкновенно составляющие домашнюю прислугу»². У скотоводов *кулы* работали в качестве нукеров в особо тяжелых условиях.

Для сравнения: в раннесредневековом Иране землевладельцы сажали *рабов* на земельные участки для индивидуальной их обработки. За работу *рабам* выдавалось вместо довольствия часть урожая с этого участка; некоторые излишки продукции давали возможность *рабу* улучшить свое материальное положение. Ему предоставлялось право пользоваться урожаем возделываемого участка полностью, но за это он какое-то время должен был работать на поле господина³.

В Пешаварской области Афганистана в 40-х гг. XIX в. существовали целые деревни *рабов*, «... единственным признаком *рабского* состояния которых является то, что они не могут уйти в другую местность; они обрабатывают ханскую землю, имеют свой собственный скот, живут в домах, предоставленных ханом»⁴.

Рабы африканского происхождения в колониях западноевропейских государств в основном работали только на своего господина, получая за это лишь минимум пищи и одежды. Во французских колониях *рабу*-африканцу даже законодательно запрещался всякий личный труд, всякий *resilium* (пекулий – в рим-

ском праве – имущество, находящееся в пользовании *раба*)¹. В то же время на Ямайке (британская колония) *рабы* в XVII–XIX вв. обычно получали небольшие клочки земли, которые они обрабатывали для себя и платили с них оброк своим владельцам.

Невольник-ясырь в Дагестане являлся формой собственности, имуществом, наличие которого у того или иного феодала или узденя служило своего рода внешним показателем его состоятельности, своеобразным предметом роскоши, средством обеспечения комфорта богатой семье. Будучи одним из слагаемых или одним из видов имущества, *рабы* могли выступать как объект купли–продажи и заклада. Наличие же в регионе оживленных невольничьих рынков способствовало предпочтению сбыта лишних «*ртов*» и «*рук*», тем более, что цены на *живой товар* были стабильно высоки. Предпочтительный вывоз *пленников* на внешние рынки был обусловлен тем, что торговля ими была экономически более выгодна, чем внутрихозяйственное использование *ясырей* как рабочей силы. Цена же *раба* или *пленника* составляла иногда весомую долю стоимости всего имущества среднего достатка, так что торговля «*живым товаром*» была не только весьма выгодным предприятием, но и играла определенную роль в экономической жизни горцев.

Другой формой реализации *ясырей* было получение выкупа с оставшихся на свободе родственников.

Таким образом, на невольничьих рынках, а также за выкуп реализовывалась основная масса *ясырей*. На местах их оставалось весьма незначительная часть и то у богатых феодалов.

Подводя итог, следует обратить внимание читателя на следующие обстоятельства:

Эксплуатация *рабского* труда не играла сколько-нибудь существенной роли в процессе производства в горском обществе Дагестана. Да и сами возможности использования *рабского* труда и, следовательно, потребности в нем дагестанского общества были сравнительно невелики. Особенности хозяйственной жизни горцев, а именно: экстенсивное животноводство, скудность пахотных земель требовали небольшого числа рабочих рук, то и потребности горского общества в труде *рабов* была невелика, что, в свою очередь, и обуславливало малочисленность к XVIII в. этой

¹ Али-заде А.А. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII–XIV вв. Баку, 1956. С. 77.

² Цит.: Агаян Ц.П. Крестьянская реформа в Азербайджане в 1870 году. Баку, 1956. С. 89–90.

³ Рабство в странах Востока в средние века... С. 411.

⁴ Там же. С. 452–453.

¹ История рабства... С. 187.

категории зависимого сословия и специфичность их положения в Дагестане. В хозяйстве Дагестана не существовало специфической *рабской сферы труда*: труд невольников сочетался с трудом свободных общинников и не составлял основы производства ни в одной из отраслей хозяйства горцев.

Будучи наиболее бесправной группой населения, они в то же время в массе своей были не производителями, а потребителями прибавочного продукта, создаваемого в основном трудом свободных крестьян.

Место *рабов* и удельный вес их труда в общей системе эксплуатации были в целом весьма незначительны. Численность *рабов*, их удельный вес в обществе, место в производстве были ничтожно малы по сравнению с численностью, удельным весом и местом в общественном производстве различных категорий феодально-зависимых крестьян вместе взятых. Применение труда рабов в основном в непроизводительной сфере как бы сопутствовало становлению и развитию феодализма и продолжало существовать в течение столетий так и не сложившись в уклад. Эксплуатация *рабов*, первоначально носившая ярко выраженные патриархальные черты, со временем стала частью феодальных форм отношений.

6. ТОРГОВЛЯ «ЖИВЫМ ТОВАРОМ» В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКИ РОССИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Работорговля – неотъемлемая часть человеческой цивилизации. В Римской империи, в античной Греции, в Византии, в странах Ближнего и Дальнего Востока и практически всюду на протяжении всех исторических эпох мы сталкиваемся с этим явлением. Источники свидетельствуют, что, будучи одним из видов имущества, *рабы*, в особенности пленники – *ясыри*, на Северном Кавказе выступали объектами купли-продажи, заклада, выкупа или обмена, что было намного выгоднее, чем использование их в качестве рабочей силы.

Работорговля была одной из важнейших статей доходов феодальной верхушки Дагестана. В XI–XIII вв. в связи с ростом *работорговли* в странах Ближнего Востока, оживилась она и в Дагестане. Дербент, будучи традиционно одним из транзитных центров *работорговли* на Восточном Кавказе, приобрел в тот период статус наиболее известного и оживленного рынка «живого товара»¹. Город лежал на пути в мусульманские страны, куда доставлялись *рабы* греческие, печенежские, хазарские². Дербентская аристократия поддерживала свое положение торговлей военной добычей и военнопленными.

В эту торговлю, естественно, были втянуты и внутренние районы Дагестана. Наличие Дербента – одного из основных центров *работорговли* на Кавказе – не могло не отразиться на возрастании в Серире роли *работорговли* и втягивании горской знати в этот способ обогащения. Так, «Худуд ал Аллам» сообщал о многочисленных пленниках, которые попадали в мусульманские страны из областей Серир и Алан³. В первой половине XIII в. наблюдалось усиление участия Дагестана в *работорговле*, пишет Ш.А. Магарамов, Серир экспортировал «рабов и очень красивых

¹ См.: Гусейнов Р. Сирийские источники XII–XIII вв. об Азербайджане. Баку, 1960. С. 118.

² См.: Бартольд В.В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира // Сочинения. М., 1963. Т. II. Ч. 1. С. 681.

³ См.: Атаев М.М. Авария в X–XV вв. Махачкала, 1995. С. 89.

девушек-рабынь»¹. Известно, что еще раньше в XII в., женой Низами Гянджеви была молодая кипчакская *рабыня* Афак. «Величая облик, прекрасная, разумная, прислал ее мне владетель Дербента, писал о ней великий азербайджанский поэт»².

О значительной роли *работорговли* в Дагестане в XIII в. свидетельствуют сведения арабского автора Ибн ал-Асира. Кипчаки после их разгрома в 1223 г. монголами в северокавказских степях, писал он, продвинулись на юг, в том числе часть их в Южный Дагестан, где они были взяты в плен объединенными силами ширванцев, лакзов и грузин и проданы в *рабство* на дербентском невольничьем рынке. Количество пленных было так велико, что «кипчакский *раб* продавался в Дербенд–Ширване по самой низкой цене»³.

В Дагестане *работорговля* получила довольно широкое развитие, контингент *рабов* был текучим вследствие стремления владельцев сбывать лишних из них. В этом Х.Х. Рамазанов видит одну из специфических особенностей *рабства* в Дагестане⁴.

Те или иные походы иноземных завоевателей традиционно влекли за собой не только гибель и разорение, но и увод населения в *рабство*. Так, когда в 1736 г. Надир короновался шахом на Мугани, туда было пригнано огромное количество *невольников* и *невольниц*, захваченных в Дагестане, Азербайджане, Армении, Грузии. Среди них были девочки и мальчики и даже младенцы, девушки и юноши, женщины. Часть их по случаю коронации шах подарил знатным феодалам и своим военачальникам. Другая же часть была продана оптом и в розницу *работорговцам*, которые поставляли их на все рынки *рабов* Востока⁵.

Г.А. Кокиев подчеркивал, что «одной из наиболее мрачных страниц истории горцев Кавказа является широко распространенное в свое время хищение людей и связанная с ним *работор-*

говля, дошедшая почти до половины XIX в. включительно»¹. По его же словам хищением людей занимались решительно все горцы Северного Кавказа, т.к. это было весьма выгодным делом. По словам И. Гербера, автора XVIII в., «сим товаром в тамошних странах великий торг отправлялся»².

Как известно, на Северном Кавказе, в Дагестане в частности, внешний источник *рабства* был основным³. Феодалными владетелями организовывались, в сущности, коммерческие предприятия – охота за людьми с целью *работорговли* или выкупа⁴.

В 1670 г. голландский путешественник Ян Стрейс, сам познавший в Дагестане «сладость» рабского состояния, свидетельствовал: «Главная торговля... жителей (Дербента – Авт.) состоит в купле и продаже *невольников*, которых доставляют сюда... людокрады для перепродажи через персов в другие места... сюда прибывают дагестанские ... татары, которые торгуют лошадьми, людьми, мужчинами, женщинами и детьми, краденными друг у друга, а большей частью у русских...»⁵. По свидетельству Я.Я. Стрейса, в городе Шемахе был специальный рынок «Лезги караван-сарай», где *работорговцы* Дагестана продавали купленных или захваченных у своих соплеменников мальчиков, юношей, девушек и девочек. «... на базар вывели 500 человек, мужчин и женщин, детей, христиан и язычников, поляков, русских, грузин и черкесов, – сообщал он. – Поляки и русские были похищены дагестанскими татарами...»⁶.

¹ Кокиев Г.А. К истории работорговли на Северном Кавказе (исторический набросок) // История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева: Сб. статей и документов / Выявление, археография, составление, вступительная статья Г.Х. Мамбетова. Нальчик: Эль-Фа, 2005. С. 44.

² Гербер И.-Г. Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря и между Астраханью и рекою Курой народах и землях, и о их состоянии в 1728 г. СПб., 1860. Т. 1. Гл. 2. С. 27, 28.

³ Рамазанов Х.Х. Указ. соч. С. 57.

⁴ Петрушевский И.П. Джаро-Белоканские вольные общества в первой половине XIX столетия: Внутренний строй и борьба с российским колониальным наступлением. Тифлис, 1934. С. 19–20

⁵ Стрейс Я. Три путешествия / Перевод Э. Бородиной. М.: Соцэкиз, 1035. С. 274–275.

⁶ Там же.

¹ Цит.: Магарамов Ш.А. Дагестан и Ширван в VI–XVI вв. (Экономические, политические и культурные взаимоотношения). Махачкала, 2007. С. 68.

² Цит.: Там же.

³ Ибн ал-Асир. Тарих ал-Камиль / Пер. с араб. П.К. Жузе. Баку, 1940. С. 146–148.

⁴ Рамазанов Х.Х. К вопросу о рабстве в Дагестане // УЗ ИИЯЛ. Махачкала, 1961. Т. IX. С. 160.

⁵ См.: Абдуллаев Г. Азербайджан в XVIII в. и взаимоотношения с Россией. Баку, 1965. С. 166.

В «Докладной записке начальника Дагестанской области Главнокомандующему Кавказской армией кн. Барятинскому» от 30 марта 1861 г. сообщается, что здесь «класс рабов образовался большею частью из пленных христиан, захваченных в хищнических набегах...»¹.

Таким образом, контингент рабов, поставляемых на невольничьи рынки Кавказа, пополнялся в основном за счет пленников-христиан «мужска и женска полу, природы из Грузии, ясырей»². Основными покупателями последних выступали турецкие и крымские купцы, связанные узами куначества с феодальными владетелями Большой и Малой Кабарды, Чечни и Дагестана, через которых они и приобретали ценный «живой товар»³. Захват пленников-ясырей для продажи не считался делом позорным, скорее наоборот.

Одним из значительных и исторически сложившихся центров работорговли на Северо-Восточном Кавказе являлось древнее селение Эндирей. В народной памяти и донныне бытуют легенды об эндирейском торжище невольниками:

«...В аул Эндери на невольничий торг,
Печальные шли караваны,
Богатый невольничий рынок его
Соперничал с рынком Стамбула,
Съезжались купцы из далеких сторон
За редким товаром аула...»⁴.

Кизлярский комендант А.И. Ахвердов сообщал: «Деревня сия есть всему кавказскому народу воротами, ведущими на плоскость, в которую из всех мест лезгины*, в Кавказе внутри живущие, чеченцы и прочие народы достатых ими в плен разных родов людей приводят на продажу, которых большею частью покупают у горцев и чеченцев сами андреевские жители... Сим ремеслом, перекупкою и продажею пленных, андреевцы довольно обогатели. Часть же пленных, самых лучших, обоюга пола дают анд-

¹ ЦГА РД. Ф. 120. Оп. 2. Д. 71а. Л. 1.

² Там же. Ф. 379. Оп. 1. Д. 2689. Л. 93.

³ Там же. Д. 1204; Ф. 330. Оп. 1. Д. 28. Л. 93, 95.

⁴ Ибрагимов М. Стихи и поэмы. М., 1999. С. 189.

* Здесь и далее под «лезгинами» русских источников подразумеваются вообще горцы Дагестана.

реевцы приезжающим из Константинополя и Анапы туркам и жидам, а иногда и сами доставляют в Константинополь и продают там за великие деньги»¹.

А.М. Буцковский писал, что Эндирей являясь «воротами между горами и долинами, соделалось сборным местом и главною ярмонкою для торга пленными, откуда оные уже перепродаются в турецкие пристани на Черном море»².

С. Броневский также называл Эндирей «главным центром работорговли». Эндирейцы скупали пленников у горцев в обмен на порох, хлеб, соль, а иногда и за деньги. Отсюда, сообщал он, «скованных пленников ... проводят большими конвоями через земли чеченские, ингушские и черкесские скрытными дорогами мимо российских караулов до Анапы. Прежде таковые караваны отправлялись также через Куманскую и Кубанскую степь в Крым и оттуда в Константинополь, откуда часть отправлялась в Египет и в Левантские порты»³. «...Весьма жадно они (эндирейцы – Авт.) по всем местам в горах их (невольников – Авт.) закупают и отправляют на продажу в Анапу и в другие турецкие города»⁴. Д.-М. Шихалиев свидетельствовал, что «кулы, или холопы, или же дворовые люди, происходят большею частью от невольников, купленных у лезгин или других наездников, которые в прежние времена захватывали их в Грузии и свозили в Андреев для продажи кумыкам и приезжающим из Турции и Крыма купцам. Андреев и Джар славились в свое время торговлею невольниками»⁵. Базары в Ахалцыхе, Эндирее и Анапе были переполнены невольниками – грузинами. «Продавали их хищники (лица, совершавшие

¹ Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804 // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв.: Архивные материалы / Под ред. М.О. Косвена и Х.-М. Хашаева. М., 1958 (Далее – ИГЭД). С. 213.

² Буцковский А.М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей. 1812 г. // ИГЭД. С. 242.

³ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. II. С. 199.

⁴ Акты, собранные Кавказскою Археографическою комиссиею (Далее – АКАК). Тифлис, 1868. Т. I. С. 756.

⁵ Шихалиев Д.-М. Рассказ кумыка о кумыках / Составление, предисл. и коммент. д-ра ист. наук С.Ш. Гаджиевой. Махачкала, 1993. С. 65.

набеги. – Авт.), продавали грузинские князья, продавали и мирные грузины, похищая детей у соседей»¹.

Дагестанские горцы различных владений торговали захваченными во время набегов на Грузию *ясырями* (пленниками – Авт.) или перекупленными у других *кулами* (рабами – Авт.), о чем имеются документальные свидетельства. Так, житель сел. Цудахар Мусса в 1759 г. продал грузина-*ясыря* Кацо Георгия в Эндирее за 6 лошадей. Другой цудахарец там же продал черкесу из Большой Кабарды *ясыря* по имени Георгий за 4 лошади².

Освещая вопросы социально-экономической истории Салатавии XVIII – первой половины XIX в., Ш.М. Мансуров приводит архивные данные о торговле *рабами*, не называя их происхождения. Однако, близость Салатавии к Эндирее, дает нам основание предполагать, что судьба описываемых фигурантов аналогична судьбам многих *ясырей* на Эндирейском торжище *рабами*. Так, в 1703 г. житель сел. Гертма Джабраил купил земельные участки «Белешген» и «Инчха» у Магомеда Айдемирова за двух *рабов* и 600 руб. денег. Житель сел. Чиркей Магомед-Аджи Шейх купил пастбищную гору у кумыкского князя Муртузали Хаджи-оглы за 3 тыс. руб. и трех *рабов* мужского и трех женского пола³.

Ф.В. Тогоев приводит следующие данные середины XVIII в. по сопредельной Дагестану Чечне: так в октябре 1758 г. чеченец Тувадак Зумаутов по фамилии Цонторлы сел. Чечен-аул продал в Кабарду, Тамбиев Кабак, двух *рабов* за 240 баранов. Там же, в это же время, Солтан Марашев, по фамилии Ширдиев сел. Герменчук продал одного *ясыря* за 114 овец и одну лошадь⁴.

В архивном документе XVIII в. сообщается о продаже в Эндирее *ясыря*, привезенного из Тарков в «Чеченскую деревню». Другой документ свидетельствует о грузине, взятом «из Тифлиса в полон тавлинцами», который был «продан кумыкам, а от них черкесам в Большую Кабарду»⁵. В показаниях «беглых» в Кизляр

¹ Ковалевский П.И. Кавказ. СПб., 1915. Т. II.

² ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 450. Л. 84; 439. Л. 8.

³ См.: Мансуров Ш.М. Салатавия (социально-экономическая история в конце XVIII – первой половине XIX вв.). Махачката, 1995. С. 94.

⁴ Тогоев Ф.В. Развитие рабства и работорговли в Чечне (вторая половина XVIII – 40-е годы XIX в.) // Известия ЧИНИИЯЛ. Т. 8. Вып. 1. Грозный, 1969. С. 192.

⁵ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 125. Л. 27, 29.

ясырей фиксируются различные села Дагестана, откуда они бежали: Хунзах, Мехельта, Гимры, Унцукуль, Цада, Балхар и др.¹

Среди архивных данных за 1763–1765 г. мы обнаруживаем следующие подробности: «... грузинская баба Тамара Тамазова с двумя ее сыновьями, прижитыми будучи в плене и состоящая в магометанском законе, один Бичо, другой Курбан-Али» вышла «из Аксайской деревни от тамошнего татарина Чуры Абакарова. Баба Тамара через Духовное правление молитвами исправлена и живет при Кизляре у грузин, а дети ее, магометанцы, по нежеланию их причаститься, отданы по их требованию хозяину их, аксайскому татарину* Чуре Абакарову»; «...Беро Нанов из лезгинской деревни Цыхор, от лезгинца Чоба, по прошению ево отпущен в Грузию сентября 17 дня 1763 г.»; «... грузинец Тамаза Датуннов вышел из лезгинской деревни Цоботы от лезгина Курмамата, живет в Кизляре на поруках грузинского старосты»; «... Георгий Зурабов вышел из Казаньшевской деревни от крымца Алия, по прошению ево отпущен в Грузию»; «... грузинец Дмитрий Несеев из тавлинской деревни Чирхата...»; «... Гоги Богорулиев и Гогия Тамазин из Андреевской деревни от крымца Умара...»; «...Автандил Иванов из Андийской деревни...»; «... Казар Тавакелов из тавлинской деревни Ансукул...»; «Безина Георгиев из тавлинской деревни Судахар...»; «Георгий Беров из Карабудацкой деревни...»; «... Георгий Кацоев... из лезгинской деревни Черкей...» и т.д.²

Архивные документы фонда 379 «Кизлярский комендант» Государственного архива Республики Дагестан указывают на этническую принадлежность, иногда вероисповедание того или иного *ясыря*. Так, например, уже упоминаемый выше эндирейский владелец Темир Хамзин сообщал кизлярскому коменданту, что несколько *кулов* «родом из Черкеса», принадлежавших эндирейцам, бежали в Кизляр. В другом документе упоминается «*кул-къажар*», т.е. «*раб-перс*»³. В 1759 г. *ясырь*, по происхождению

¹ ЦГА РД. Ф. 339. Оп. 1. Д. 451. Л. 3, 4, 8, 22, 28, 44, 45.

* Здесь и далее под «*татарами*» русских источников подразумеваются кумыки, ногайцы.

² АВПРИ. Ф. 118. Кизлярские и Моздокские дела. Оп. 1. 1762–1768 гг. Д. б/н. Л. 18–24; 25–30.

³ Оразаев Г.М.-Р. Указ. соч. С. 286.

грузин, был продан жителем сел. Цудахар в Эндирей за 6 лошадей, другой – армянин – за 2 лошади и 8 бурметей (дорогая ткань – Авт.)¹. В 1760 г. *ясырь*-грузин был продан в Эндирей «черкесу из Большой Кабарды» за четыре лошади².

Судя по архивным источникам, подавляющее большинство «живого товара» было немусульманского происхождения или из мусульман-шиитов. «Грузины, армяне, мингрелы, – свидетельствовал С. Броневский, – составляют большее число сих пленников. Однако бывают между ними магометане и горские жители, захватываемые по случаю междоусобных распрей в барамту или продаваемые родителями от бедности»³.

Как свидетельствуют источники, крупный *ясырь-базар* существовал и в Аксае. Так, в июне 1753 г. шамхал Хасбулат уведомлял письмом кизлярского коменданта фон Фрауендорфа о том, что прибывшего к нему посланца от крымского хана для покупки *ясырей* он направил в Аксай, «понеже в оной деревне продажа *ясырям* бывает»⁴.

Живой товар можно было приобрести в Тарках, Дербенте и др. селениях, где велась бойкая торговля *невольниками*, являвшаяся одной из статей доходов дагестанских феодалов. Вплоть до XIX в. селение Джар на границе Дагестана с Грузией также было одним из значительных невольничьих рынков региона⁵. Известно, что в Анди некоторые из состоятельных жителей владели большим числом пленных и «богатели от торга людьми»⁶.

Ясырей из Дагестана поставляли и в Кабарду, где имелся крупный *ясырь-базар* в Татартупе. Согласно архивным данным, через Чечню в Кабарду в апреле 1748 г. последовал достаточно внушительный караван, в котором было «буйнацких, карабудацких, тарковских, андреевских и аксайских до пятидесяти телег, а на них было грузинского и армянского мужска и женска полу до двухсот душ»⁷.

¹ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 3; Д. 436. Л. 84–86.

² Там же. Д. 439. Л. 8.

³ Броневский С. Указ. соч. С. 311.

⁴ ЦГА РД. Ф. 90. Оп. 1. Д. 6. Л. 44.

⁵ Петрушевский И.П. Указ. соч. С. 19, 20.

⁶ Рамазанов Х.Х. Указ. соч. С. 158.

⁷ Цит.: Тотоев Ф.В. Развитие рабства и работорговли в Чечне // Социальные отношения у народов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1978. С. 79.

Рынком сбыта *рабов* для чеченцев служили близлежащие кумыкские Эндирей, Аксай, а также кабардинское село – Тамбиев Кабак. Так же как и другие кавказские народы, чеченцы и ингуши продавали *пленных* в Эндирее или обменивали их на порох, соль, хлеб¹. В одном из донесений ген.-л. Дугласа кизлярскому коменданту ген. Левашову указывалось, что азовские купцы по паспортам, выданным русскими властями, беспошлинно ездят со своими товарами в кумыцкие селения, а после продажи тех товаров с большим количеством (до 200 и более человек) купленных *ясырей* обратно².

В архивном документе от 1755 года сообщается, что костюковские, чеченские, андреевские и брагунские владельцы, испытывая недостаток в холсте, кумаче, выбойках, бумажных материях, саблях, свинце, порохе, кремнях, огнестрельном оружии, а также в лошадях, охотно меняли *пленников* «на выше означенные товары почти за самую малую цену, а те татары оных пленников, связанных и скованных, отвозят в Крым и Кубань»³.

Практиковавшаяся в регионе в течение столетий *работорговля* вызвала появление посредников в лице купцов, у которых торговля *рабами* превратилась в специальный промысел. Р.М. Магомедов писал: «в Аварии часть *рабов* продавали восточным купцам через скупщиков в Дербенте, Тарках, Аксае...»⁴. По свидетельству дореволюционных авторов, «...Этого рода торговлю усиленно занимались армяне, которые не оставляли этого промысла и с появлением русских на Кавказе. Пользуясь своим положением, они помогали горцам воровать людей в наших пределах, получая за это соответствующее вознаграждение от горцев, а потом помогали Русскому Правительству в переговорах с горцами о выкупе тех же *пленных* – также не без вознаграждения, или же сами выкупали, чтобы перепродавать их русским...»⁵.

¹ Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII века (Очерки истории социально-экономического развития и общественно-политического устройства Чечни и Ингушетии XVIII – начале XIX века). Грозный, 2002. С. 167–168.

² См. там же. С. 168.

³ Цит.: Там же.

⁴ Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 182.

⁵ Шамрай В.С. Историческая справка к вопросу о *ясырях* на Северном Кавказе и в Кубанской области и документы, относящиеся к этому вопросу. Б.м. Б.г. С. 7.

Российское правительство, озабоченное размахом деятельности подобных «бизнесменов», вынуждено было предпринимать решительные меры по ее пересечению. Так, в 1804 г. Александр I подписал закон «О запрещении армянам торговать невольниками». Закон этот касался нахичеванских армян, вывозивших *невольников* из Закавказья. В нем особо подчеркивалось, что правительство Российской империи считает «нужным сей постыдный торг строго запретить»¹.

Русский ученый, действительный член Российской академии наук, профессор С.Г. Гмелин, возглавлявший экспедицию по изучению географических условий, экономики и политического строя народов Восточного Кавказа, в 1774 г. плененный уцмием Кайтага и погибший в ожидании выкупа в сел. Ахмедкент, свидетельствовал, что дагестанцы похищают людей, «как весьма приятную себе добычу с собой увозят и как *невольников* продают»².

Кизлярский комендантский архив дает нам сведения о высоких ценах на *ясырей*, что, вероятно, можно объяснить большим спросом со стороны кабардинских феодалов, имевших крупные прибыли от перепродажи *невольников* крымским и турецким купцам, да и самих этих купцов, которые через Большую и Малую Кабарду беспрепятственно добирались до *невольничьих рынков Дагестана*³. Цена зависела и «...от ряда внешнеполитических и внутренних обстоятельств. В зависимости от физических особенностей, знания ремесла, а также в зависимости от красоты и возраста, цена *раба* в XIX в. колебалась от 100 до 600 рублей»⁴. Можно предположить, что примерно так же дело обстояло и в XVIII в. Так, в архивном документе – письме эндирейского владельца Темира Хамзина (1758 г.) на имя кизлярского коменданта, который до этого просил его содействовать выкупу *невольницы*, грузинской попадьи, сообщается буквально следующее: «... Та ... *невольница* ... находится здесь [в Эндирее] у крымчанина по имени Солтан-Мурад-Хаджи. Когда мы вызвали упомянутого Хад-

жи», он сказал, что купил ее за 20 туманов (т.е. 200 руб. – Авт.), а «когда мы много раз просили, требовали и умоляли, он, уважив нас, простил нам 3 тумана и уступил [*невольницу*] за 17 туманов наличными. ...Необходимо в течение этого месяца, приложив все усилия и старания, стремиться отправить [в Эндирей] ту ... сумму, чтобы мы [успели] вручить ее хозяину (т.е., крымчанину – Авт.) и отправить ее к вашему высокоблагородию [в Кизляр]. Если ... деньги в течение этого месяца не дойдут [до нас], то мы не можем задерживать этого торговца...»¹. В другом документе, датированном 1800 г., фиксируется покупка жителями Эндирея и Аксая у «... персиян и других горских народов» 53 *ясырей* – грузин и армян общей ценою 14.236 руб. серебром. Это означает, что каждый *ясырь* обошелся им в среднем по 270 руб.² Можно только догадываться, какую сумму они предполагали выручить за них от перепродажи.

В первой половине XIX в., по некоторым данным, цены на «живой товар» возросли. Так, в «Отношении» кн. Цицианова к кн. Чарторыйскому от 26 сентября 1805 г. сообщается, что «прежде пленный грузинец в Андреевской деревне дагестанцами продаваем был за 120 руб., ныне же до 400 и более восходит цена оных»³. Следует заметить, что принадлежность к мужскому или женскому полу служила важным критерием цены. Особенностью *работорговли* на внешних рынках Северного Кавказа являлся тот факт, что, если, например, в Японии взрослый раб мужского пола как правило стоил больше, то здесь наоборот. Это вероятно объясняется тем, что основными «поглотителями» огромной массы «*живого товара*» были крымские и турецкие *работорговцы*, которые, в зависимости от их внешних данных, предназначали рабынь в танцовщицы, горничные, банные прислужницы или одалиски в турецких сералях⁴. В исследуемый нами период *рабства* на Кавказе нередко служила эквивалентом денег или обмена на

¹ Оразаев Г.М.-Р. Памятники тюркоязычной деловой переписки в Дагестане XVIII в. (Опыт историко-филологического исследования документов фонда «Кизлярский комендант»). Махачкала, 2002. С. 269.

² АКАК. Т. II. С. 1156.

³ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 3. Л. 83; Д. 436. Л. 24.

⁴ См.: Рабство в странах Востока в средние века... С. 134; Текуева М.А. Мужчина и женщина в адыгской культуре: традиции и современность. Нальчик: Эль-Фа, 2006. С. 68–69.

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. Т. XXVIII. 1804–1805 гг. № 21246.

² Цит.: Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 167.

³ ЦГА РД. Ф. 339. Оп. 1. Д. 1193. Л. 9.

⁴ Освобождение бесправных рабов в Дагестане // ССКГ. Тифлис, 1868. Т. I. С. 48–49.

равне со скотом, оружием¹. Н.Ф. Дубровин привел следующие расценки: «лучший панцирь» стоил «двух *рабынь*; другой панцирь стоил одной *рабыни*; налокотники – одной *рабыни*, еще шашка похуже – пять лошадей»².

Если обратиться в глубь истории *работорговли* в Причерноморье, то следует согласиться, что это явление было связано с глобальными социально-экономическими и политическими процессами в Европе, в Средиземноморье и на Востоке. Так, резкое воздорожание стоимости рабочих рук в Европе после несчастий, вызванных «Черной смертью», т.е. эпидемией чумы в середине XIV в., прямо сказалось на ситуации в остальном мире. Запад прибег к массовому завозу «живого товара» извне. Торговля *рабами* стремительно развивалась. Не оставалось в стороне и восточное и северо-западное Причерноморье. Источники свидетельствуют, что большая часть *рабов*, продаваемых в генуэзской Каффе итальянскими купцами была кавказского происхождения: абхазы, черкесы, лезгины. Среди данных о ценах в Каффе того времени на «живой товар», мы обнаруживаем и сообщение о цене на *невольницу*-лезгинку (читай: дагестанку – Авт.) 14 лет в 370 аспров (денежн. ед. – Авт.)³.

Вывоз *рабов* из Северного Причерноморья в Египет приобрел широкий размах в эпоху поздних Аййубидов. На всем протяжении своего существования генуэзская Каффа (1266–1475 гг.) была перевалочным пунктом, через который осуществлялась доставка пополнения для армии мамлюкского султана.

После утверждения Османской империи на Черном море в этом регионе многократно возрос спрос на живой товар и турецкие власти предпринимали все усилия, дабы заполучить *рабов*. Как отмечал А.Л. Нарочницкий, «районы Северного Причерно-

¹ Клычников Ю.Ю., Цыбульников А.А. «Так буйную вольность законы теснят...»: борьба российской государственности с хищничеством на Северном Кавказе (исторические очерки). Пятигорск–Армавир–Славянск-на-Кубани, 2011. С. 39.

² Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1. Кн. 1. (СПб., 1871–1888) // Н.Ф. Дубровин о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Нальчик, 2002. С. 186.

³ См.: Зевакин и Пенчко Н.А. Очерки по истории генуэзских колоний на западном Кавказе в XIII–XV вв. М., 1933. С. 9.

морья и Северного Кавказа в условиях османского господства были огромной зоной захвата *рабов* и продажи их на чужбину»¹

Таким образом, работорговля приносила баснословные барыши. Если на местах за женщину или девушку просили от 200 до 800 руб. серебром, то на турецких рынках цена подсакивала до 1500 руб. серебром². Это позволяло турецким контрабандистам на Черном море утверждать, что если из 10 судов, нагруженных «живым товаром», они потеряют 9, то оставшееся одно окупит всю потерю³. Неудивительно, что турецкие купцы, доставлявшие горцам разный товар, обменивали его не иначе как на девушек и мальчиков⁴.

Невольники из Дагестана через кабардинских и крымских *работорговцев* вывозились в Стамбул, Анатолию, Румелию и другие области Османской империи. Обычно кавказских пленниц продавали на рынках помимо Стамбула и Самсуна в Каире и Александрии, в Марокко, Тунисе, Судане, Алжире, Ливии, Эфиопии и даже на Мадагаскаре⁵. В документах обычно сообщается о черкешенках, но, как известно, черкесами на Востоке и теперь именуют вообще всех кавказцев. Однако, как уже упоминалось выше, иногда фиксируются и «лезгинские» невольницы. Вероятнее всего это было не так часто, все по той же причине, что контингент *невольниц* в Дагестане в большинстве своем все-таки был христианского происхождения. И в целом потребность внутреннего горского рынка в женщинах-пленницах был меньше спроса у восточных *работорговцев* на кавказских красавиц, поэтому торговля *живым товаром* в прибрежной полосе Черного и Каспийского морей, который традиционно процветал, к XVIII в. обрел

¹ Нарочницкий А.Л. Основные проблемы обобщающего труда по истории народов Северного Кавказа с древнейших времен до наших дней // Истоки великой дружбы. Грозный, 1978. С. 22.

² Клычников Ю.Ю. Очерки прошлого народов Северного Кавказа / Под ред. проф. В.А. Казначеева. Пятигорск, 2004. С. 54.

³ Архив Раевских. СПб., 1910. Т. 3. С. 52, 53.

⁴ Секретная миссия в Черкессию русского разведчика барона ф. Торнау. Нальчик, 1999. С. 318.

⁵ О торговле кавказскими женщинами смотрите в монографии Ю.Ю. Клычникова и А.А. Цыбульниковой «Так буйную вольность законы теснят...»: Борьба российской государственности с хищничеством на Северном Кавказе (исторические очерки). Пятигорск–Армавир–Славянск-на-Кубани, 2011.

значительные масштабы. По замечанию Д.Г. Анучина, «на всем протяжении восточного берега Черного моря до Гагр горцы... производили значительный ... торг с турками, особенно *невольниками*»¹.

В отечественных архивах сохранилось немало документальных материалов, свидетельствующих о том, насколько широко поставлен был османами постыдный промысел по вывозу *невольников* с Кавказа. В мае 1823 г. из бухты Суджук-кале отплыло в Константинополь турецкое судно, везшее 150 человек «мужского и женского пола»². В ноябре 1841 г. русскими моряками было поймано у черкесского побережья контрабандное судно, на котором находилось 167 человек. Большинство их составляли *невольницы*, которых везли на продажу в столицу Османской империи³. В течение зимы 1843–1844 гг. 23 османских судна удачно совершили контрабандные рейсы между побережьем Анатолии и Кавказа⁴. Недаром русский ген. Р.А. Фадеев, современник описываемых событий, подчеркивал: «Весь Кавказ один *невольничий рынок*»⁵.

Как свидетельствует адыгейский историк Асхад Юсуфович Чирг, феодалы Адыгеи являлись главными партнерами турецких *работорговцев*. Охота за «*живым товаром*» считалась у представителей знати делом доблести и чести. Торговля и своеобразная спекуляция *живым товаром* в Турции служила важным источником доходов для адыгейских феодалов⁶. Так И.Р. Анреп, командовавший в начале 40-х гг. XIX в. русскими войсками на Черноморском побережье Кавказа и имевший возможность получать сведения, так сказать, из первых рук, писал: «Конечно в торговле *невольниками* могли участвовать только дворяне и немногие простолюдины, имевшие своих крестьян»⁷.

¹ Цит.: Клычников Ю.Ю., Цыбульникова А.А. Указ. соч. С. 51.

² См.: Чирг А.Ю. Борьба России против контрабанды и работорговли на Северо-Западном Кавказе (1829–1864 гг.): Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1987. С. 64.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Фадеев Р. Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис, 1860. С. 17.

⁶ Чирг А.Ю. Борьба России против контрабанды и работорговли на Северо-Западном Кавказе (1829–1864 гг.). М., 1987. С. 70, 74.

⁷ Цит.: Там же. С. 70.

Как отмечал в своих мемуарах Ф.Ф. Торнау, торговля женщинами «для турецких купцов составляла источник самого скорого обогащения. Поэтому они занимались этой торговлей, пренебрегая опасностью, угрожавшею им со стороны русских крейсеров. В три или четыре рейса турок, при некотором счастье, делался богатым человеком...»¹. А. Фонвиль, очевидец продажи кавказских *невольниц*, свидетельствовал: «...когда мы приехали на берег моря... и увидели тут до сотни хижин, подпертых камнями из разрушенного русского форта и покрытых гнилыми дырявыми досками. В этих злочастных хижинах проживали турецкие купцы, торговавшие женщинами. Когда у них составлялся потребный запас этого товара, они отправляли его в Турцию на одном из каиков, всегда находившихся в Туапсе»². И даже после того, как в 1830-х гг. *работорговля* в Северо-Восточном Причерноморье стала пресекаться российским флотом³, в погоне за барышами *работорговцы* не останавливались ни перед чем. «Случалось так, что контрабандисты, преследуемые русскими крейсерами, и во избежание наказания, привязывают балластовые камни на шею русским пленникам, бросают их в море»⁴, – свидетельствовал ген. Н.Н. Раевский.

Российское правительство, как известно, всячески пыталось воспрепятствовать *работорговле* в регионе. Так, еще в «Наказе окольничему кн. Волконскому, определенному в Терки воеводою», от 14 мая 1697 г. терским служилым чинам, а также самому воеводе запрещалось покупать у приезжавших в Терки «кумыцких и кабардинских музр *ясырей*». Запрещалось также посылать к «черкасским, кумыцким и ногайским татарам людей своих и толмачей» для покупки пленных, а тем более вывозить их в «русские пределы». Этот указ распространялся и на всех русских людей, прибывавших на Кавказ. За ослушание полагалось жестокое наказание⁵.

¹ Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. М., 2000. (Репр. изд-е: М., 1864). С. 37–38.

² Цит.: Клычников Ю.Ю., Цыбульникова А.А. Указ. соч. С. 51.

³ См.: Чирг А.Ю. Борьба России против контрабанды и работорговли на Северо-Восточном Кавказе (1829–1864 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987.

⁴ Цит.: Клычников Ю.Ю., Цыбульникова А.А. Указ. соч. С. 26.

⁵ Шамрай В.С. Указ. соч. С. 13, 14.

В XVIII российские власти придерживались такой же позиции. По справедливому замечанию на этот счет дагестанского историка А. Акбиева, такая позиция была обусловлена не только тем, чтобы из «христианского человеколюбия» содействовать пленникам-единоверцам, но и тем обстоятельством, что таким образом, поселяя выкупленных ясырей-христиан в Кизлярском регионе, они могли увеличить здесь численность христианского населения, что в тот период было одним из важных аспектов кавказской политики России¹. В указе Коллегии иностранных дел Российской империи от 11 мая 1733 г. командиру Низового корпуса ген. В.Я. Левашову говорилось, что формально российское правительство не может воспрепятствовать провозу пленных и что «сие дело передано на его, Левашова, искусство». Смысл такого «искусства» состоял, по мнению «Коллегии» в умении «изобрести способ такой, дабы у турок и в покупке, и к провозу через здешние земли пленных грузинцев, без подаяния подозрения Порте, охоту убавить или вовсе от той добычи отлучить»².

По данным П.Г. Буткова, в 1734 г. был дан приказ на заставы, что «если кто через российские земли пленников христианского закона повезет, то оных отбирать и отсылать в Астрахань... Провозили же таковых наиболее из Кумык на Кубань, в Крым и в другие магометанские места. Ибо в Андреевской оной деревне издавна производим был торг христианскими невольниками. Туда привозили их как Лезгины, так и сами Кумыки, выдавая для захватов в Грузию, сколь оное ни строго им было воспрещено»³.

Однако эти действия не принесли положительных результатов. Тогда 18 марта 1763 г. Коллегия иностранных дел предписала, что так как кумыкские владельцы, несмотря на все указы, «чтоб не допускать Лезгин продавать в своих кумыкских жилищах христиан, не унимаются, то ежели случится быть в Кизляре таким, которые опознаны будут, что подлинно ловили христиан и российских подданных и их продавали, поступать с ними таким образом: если они ловили христиан и их продавали, не здешних

подданных, таковых сечь в Кизляре плетью на рынке, при изъяснении на татарском языке в чем их вина состоит; а которые сделают то же самое с здешними подданными, не только русскими, но и прочими христианами, как то: Грузинами, Армянами, или имеющими здешний паспорта, тех сечь кнутом, отпуская затем немедленно из Кизляра как первых, так и последних, в их жилища...»¹.

Однако, по справедливому замечанию А. Акбиева, по всей вероятности это предписание Коллегии кизлярской администрации или исполнялось из рук вон плохо или, скорее всего, не исполнялось вовсе. Действительно, в Кизлярском комендантском архиве ни А. Акбиеву, ни автору данной работы не удалось обнаружить свидетельств о наказании таких *работорговцев*².

Нельзя не отметить и справедливость констатации А. Акбиевым и Ф.В. Тотоевым следующего факта: Стремясь ограничить, а по возможности и вовсе запретить продажу *ясырей* в Эндирее и Аксае, русские чиновники дозволяли это делать в Кизляре³. Как утверждает Ф.В. Тотоев, большую часть пленных эндирейские *работорговцы* перепродавали в Кизляре, где их охотно покупали для работы на виноградниках. «Кизлярский «Ясыр-Базар» славился на все угорья и удоля кавказские». Сохранилось описание кизлярского невольничьего рынка: «Бледные, желтые, тощие, покрытые грязными лохмотьями, босиком, бывало, стоят эти несчастные, жалобно смотря на проходящих и сами напрашиваясь на купцов. Часто сын находил здесь отца под лоскутами бурки в женских шальварах; муж встречал свою жену, наряженную в солдатские рейтузы; мать узнавала ребенка, который выглядывал из старого сапога, отнятого у русского извозчика»⁴. По мнению А. Акбиева, основной целью кизлярской администрации являлся запрет на вывоз *ясырей* за пределы России, а не само запрещение *работорговли*. Ведь и в самой крепостнической России это явление в XVIII в. еще не было изжито. К тому же, контроль за продажей *невольников*, по мнению А. Акбиева, весомо пополнил

¹ Акбиев А. Общественный строй кумыков в XVII–XVIII вв. Махачкала, 2000. С. 45.

² Цит.: Акбиев А. Указ. соч. С. 45.

³ Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1772 по 1803 год. СПб., Ч. I. С. 165–166.

¹ Бутков П.Г. Указ. соч. С. 165–166.

² Акбиев А. Указ. соч. С. 46.

³ Там же.

⁴ Цит.: Тотоев Ф.В. Развитие рабства и работорговли в Чечне // Социальные отношения у народов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1978. С. 78.

нял кизлярскую казну за счет взимаемых налогов¹. Далее, ссылаясь на Ф.В. Тотоева, А. Акбиев пишет, что «продажа рабов в Кизляре велась за деньги. Покупатель записывал имя выкупленного и объявлял оплаченную сумму, которую пленник отработывал с учетом 24 рубля в год. При этом обычно записывал сумму большую, чем уплачена. Так, оплатив 30 рублей, объявлял 50 и более, отдавая тем самым момент освобождения пленника»².

Как известно терские воеводы, а затем и кизлярский комендант имели специальные денежные средства для выкупа рабов-христиан, особенно русских невольников³. «...Для выкупа пленных у азиатцев в распоряжение Кавказского начальства ассигновывалась ежегодно известная сумма денег, – свидетельствовал В.С. Шамрай, – и разрешено было всем Кавказским обитателям русско-подданным, как христианам, так и магометанам, выкупать от непокорных горцев пленников, которые и оставались у выкупивших в услужении определенное только число лет, а затем делались свободными, если не могли сами или кто-либо за них уплатить стоимость выкупа. Бывали случаи отпуска выкупленных под расписки в уплате долга по выкупу»⁴.

Следует отметить, что эта политика российских властей наблюдалась и ранее.

По существовавшим правилам *ясыри* из христиан, которым удалось бежать под покровительство кизлярского коменданта, не подлежали возвращению горским владельцам. Лишь в том случае, если владельцы были подданными России, им выплачивалась компенсация: кабардинцам – 50 руб. за раба, кумыкам – 25 руб., а «не подданным платы производить не велено», говорится в документе⁵.

Опубликованный Е.Н. Кушевой архивный документ из фонда Астраханской приказной палаты сообщает нам, что в 1635 г. из «государевой казны» было заплачено терскому служилому окочанину (ауховцу – Авт.) Минкиши Мустину за сбежавших от

¹ Акбиев А. Указ. соч. С. 46–47.

² Тотоев Ф.В. Указ. соч. С. 78.

³ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 125. Л. 27.

⁴ Шамрай В.С. Указ. соч. С. 6.

⁵ Цит.: Феодаева Ф.З. Русско-дагестанские отношения во второй половине XVIII – начале XIX вв. М.: Таус, 2008. С. 40.

него в Терский город купленных в Кабарде *ясырей* – мужа и жену по происхождению грузин¹.

В докладной «выписи» Астраханской приказной палаты от мая 1653 г. по челобитной узденя князя Муцала Черкасского (жителя Черкасской слободы крепости Терки – Авт.) об уплате ему денег за купленного им *ясыря*-грузина с семьей сообщается, что «...купил де он в Тарках грузинца Томада, ...дал за него 40 рублей из терских доходов, да жену ево... он же купил..., дал 23 рубли... чтоб государь... велел ему об окупу за них ... указ учинить...». На что и было выдано «из государевой казны 40 рублей из терских доходов, а за жену ево... з детьми... дано... на окуп 23 рубли денег»².

В «отписке» Терского воеводы М.И. Щетинина (1651 г.) астраханскому воеводе сообщается о том, что в свое время по пути из Терского города к Горячим источникам на лечение с семьями, напали на них кумыки и нескольких «умыкнули в полон», других – «побили». Терский воевода в ответ взял двух заложников и собирался их держать до тех пор пока не будут возвращены пленники. «И июня ... в 6 день привез в Терский город ис полону ис Кумык князя Муцала Сунчелеевича Черкасского уздень... стрелецкую Ивашкову жену Свешникова Феколку с сыном, а сказал нам, что он тое жонку с сыном выкупил в Карабудаках (читай: Карабудахкент – Авт.)..., а дал де за нее откупу 80 рублей денег да 45 золотых... И мы велели тое стрелецкую жену распросить, которого владенья воровские кумыцкие люди [их] имали в полон...». На что женщина показала следующее: «...кумыцкие люди ... взяв [их в плен], отвезли в Тарки, и ис Тарков продали в Карабудаки...»³.

Что касается второй полонянки, то по этому поводу в документе сообщается, что «... привез в Терский город князя Муцалова уздень Турлов Табурин девку Параньку, а сказал, что он тое девку выкупил в Буйнаках у Будай мурзина узденя у Алибека, а откупу де дал за нее 80 рублей... И андреевец Багаматко Култин

¹ Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI–XVII вв.: Сб. документов. / Выявление, сост., введен., комментарии Е.Н. Кушевой. М., 1997. С. 180–181.

² Там же. С. 176–177.

³ Русско-чеченские отношения ... С. 173.

бил челом государю словесно и сказал, что он ... стрелецкую жену Феолку с сыном да девку Параньку сыскав, ис *полону* привезли в Терский город, и чтоб нам сына ево Хасанка с аманатского двора освободить. И мы велели сына ево ... освободить, потому что государевы взятые русские люди все сысканы»¹.

Позже кумыкские феодалы, поддерживающие с российскими властями в лице кизлярского коменданта дружеские отношения, принимали в этом процессе живейшее участие. Так, в одном из своих писем тарковский шамхал Муртузали сообщает о том, что в Тарки из «дальних гор» сбежал русский *пленник*, которого он препроводил в Кизляр. Однако опасается, что хозяева этого *ясыря*, горцы, захватят у него барамту* и будут требовать в выкуп двойную цену, так как «ныне *холопы* чрезвычайно дорогие», по 150–200 руб. «Прошу прислать ко мне 150 руб. за *пленника*, а если же горцы потребуют сверх того, то я доплачу ... и о том сообщу», – писал Муртузали-шамхал².

Следует, однако, отметить, что в кавказоведении существует мнение, будто таким образом царская администрация в регионе лишь в очень незначительной мере способствовала ограничению *работорговли*, если только не провоцировала ее³, а некоторые алчные представители российской администрации на местах нередко выступали заинтересованной стороной в этом процессе. Так среди опубликованных Ф.З. Феодаевой архивных данных по этому вопросу содержатся небезынтересные сведения из письма кизлярского коменданта А.М. Куроедова от 25 января 1783 г. к костековскому узденю Маухану Бабагулову: «Известно мне, что ... в Персии аварский князь много получил добычу *ясырей*. Прошу Вас потрудиться съездить к нему и постараться купить из *ясырей* мальчика и девочку лет от 10 до 12, только чтоб были лицом хорошие («... лицом и корпусом довольно красовитые»), а за них денег... я вам с благодарностью заплачу. И меня тем много одолжите»⁴. Просьба коменданта была выполнена, хотя Бабагу-

лов и писал, что цены на малолетних *ясырей* очень высоки: за мальчика – 190 рублей, за девочку – 200¹.

Понятно, что подобные действия представителей царской администрации в регионе в известной мере провоцировали торговлю живым товаром в Дагестане. Надо полагать, что выкуп *ясырей* российскими властями, с одной стороны, являлся как бы актом гуманности, с другой – поощрял местных кавказских владетелей на набеги и захват пленников с целью их выгодной продажи или обмена. Вероятно, это вызывало обеспокоенность правительства: в 1840 году «последовало Высочайшее повеление о воспрещении выкупа и вымена от горцев наших *пленных*, для того, дабы лишить их приобретаемых от того выгод, чем в некоторой степени они поощрялись к частым нападениям»². Однако на практике это повеление игнорировалось, так как зачастую выкуп являлся единственно возможным путем спасения *пленников-христиан*. И поскольку правительство не могло сразу «запретить сей торг действительным образом», оно вынуждено шло на различные ухищрения, дабы облегчить участь *пленников*: от разрешения торговли *ясырями* в Кизляре до разрешения в 1843 году временно производить «торг *пленниками*» в Эндирее³. Однако, по наблюдениям Г.М.-Р. Оразаева, чаще всего случалось так, что хозяин *пленника*, как и владельцы *рабов*, охотнее сбывали свой товар на рынке, где спрос на *ясырей* и цены были выше⁴. Приведем пример: эндирейские и аксайские жители обратились в 1802 г. в Кавказское пограничное начальство с жалобой на Кизлярскую таможенную службу в несоблюдении прежних порядков: раньше «...бежавшие *холопы* от них на Линию (Кавказская кордонная линия – Авт.) из магометан возвращаемы были обратно, а за *пленных христиан* выдаваемы были хозяевам деньги, какие ими на покупку их употреблены». На что управляющий пограничными

¹ Феодаева Ф.З. Русско-дагестанские отношения ... С. 41.

² Клычников Ю.Ю. «Сострадаю к несчастным пленным...»: из опыта освобождения невольников на Северном Кавказе в первой половине XIX века // Вопросы Южнороссийской истории. Армавир, 2011. Вып. 17. С. 47.

³ Великая Е.В. О комплексе мер Российского правительства по ликвидации работорговли и освобождению пленных на Северо-Восточном Кавказе в первой половине XIX века // Российская государственность в судьбах народов Северного Кавказа-IV. Пятигорск, 2012. С. 66.

⁴ Оразаев Г.М.-Р. Указ. соч. С.65.

¹ Русско-чеченские отношения ... С. 173.

* Барамта (тюрк.) – у кавказских горцев обычай захвата скота или имущества обидчика до возмещения убытка.

² ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 1193. Л. 2.

³ Феодаева Ф.З. Русско-дагестанские отношения ... С. 40.

⁴ Там же. С. 41.

делами Кавказского края ген.-л. К.Ф. Кнорринг отвечал, что «*холопья* от аксаевцев и андреевцев к нам бегущие тотчас им возвращаются, да и за *пленных* христиан выкупные деньги выдаваемы им были, если бы они *пленников* таковых представляли; но во все время начальства моего здесь ни один таковой *пленник* в представлении от них не был..., а охотнее отправляют на продажу в турецкие города»¹.

По наблюдениям же Г.А. Кокиева, российские власти того времени, если не покровительствовали *работорговле* в регионе, то, во всяком случае, и не препятствовали ей. Он предполагает даже выгодность *работорговли* для кизлярской администрации в следующем: с одной стороны, сборы, сопряженные с юридическим оформлением купли–продажи *рабов*, составляли одну из статей прихода Кизлярского казначейства. С другой же стороны на «Ясырь–Базаре» имелась возможность выкупить христиан – единоверцев – грузин, армян, и в частности – бывших солдат, которые попадали в плен к горцам².

Случалось, что от беспросветной жизни, отчаявшись, в одиночку и целыми семьями бежали *ясыри* и *чагары*, желая «избыть *холопство*», «прогневавшись на хозяина своего», в пограничные русские земли, чаще всего в Кизляр, где объявляли себя христианами, в малолетстве пленными в Грузии или украденными в казачьих станицах. Были и такие, которые, приняв крещение, становились Марьями и Иванами и селились в Кизляре или близлежащих станицах. По вопросу о беглых завязывалась переписка между дагестанскими владельцами и русской администрацией Кизляра и Астрахани³. Так, летом 1753 г. тарковский Хасбулат–шамхал сообщал кизлярскому коменданту, что у прибывшего в Тарки от крымского хана человека, который оттуда отправился в Аксай, «понеже во оной Аксаевской деревне продажа *ясыря* бывает», сбежали четыре *ясыря*. Свое требование отыскать и возвратить бежавших предположительно в Кизляр

¹ АКАК. Т. 1. С. 756.

² Кокиев Г.А. Указ. соч. С. 45.

³ См.: Гаджиева С.Ш. Кумыки. Историческое прошлое. Культура. Быт. Махачкала, 2000. Кн. 1. С. 209; Умаханов М.-С.К. Побег – как одна из форм антифеодальной борьбы в Дагестане (XVII–XVIII) // Классовая борьба в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1983. С. 27–43.

ясырей шамхал заканчивал так: «.. ежели означенных *ясырей* не отдадите, то может произойти промеж нами неприятство»¹. На аналогичную просьбу вернуть бежавших в Кизляр *ясырей*, принадлежавших крымскому купцу, кизлярский комендант сделал костиковскому владельцу внушение: «... впредь о таких конаках крымских рекомендации не чинить»². Бегство *рабов* в «российские пределы» принимало настолько большие размеры, что феодалы в своих письмах к коменданту писали, что «ежели оные *ясыри* останутся там, то здешние и остальные наши *ясыри* все сбегут, то уж тогда нам работать некому будет», а «подвластные наши [из-за этого] претерпевают крайнее разорение»³.

Невольники и ранее совершали побег в «российские пределы». «Одним из постоянных вопросов переписки кумыкских феодалов с русскими воеводами Терского города, – констатировала известная исследовательница истории народов Северного Кавказа Е.Н. Кушева, – был вопрос о *тягловых людях* и *ясырях*, ушедших в нерусские слободы Терской крепости или казачьи городки»⁴. Так, в мае 1634 г. в челобитной эндирейского владельца Казаналипа говорится: «...Да некоторые *тяглые* подданные мои люди моего государства убегают от меня в Терский город, и вам бы, государь, тех моих беглых людей велеть отдавать назад, о том вам, государь, бьем челом»⁵. По свидетельству архивных документов с такими просьбами в разные периоды обращались к российским властям на Кавказе, царским воеводам в Терки, затем к Кизлярским комендантам и другие владельцы Дагестана⁶.

Как видно из приведенного материала, *рабы* часто совершали побег, и ... если бежавший был христианином, то его, по соглашению русских властей с кумыкскими владельцами, не воз-

¹ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 494. Л. 40.

² Там же. Д. 3592. Л. 27.

³ Там же. Д. 3201. Л. 29, 93. 23.

⁴ Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 53.

⁵ Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в.: Сб. док-ов / Сост. Р.Г. Маршаев. Махачкала, 1958. С. 176–177.

⁶ Веселовский Н.И. Памятники дипломатических и торговых отношений Московской Руси. СПб., 1895. Т. П. С. 252–253; ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 1170. Л. 24; Д. 191. Л. 94; Д. 336. Л. 131.

вращали, если мусульманин, то власти обязаны были его вернуть. Однако часто такая договоренность нарушалась. В 1749 г. аксаевские владельцы выражали недовольство российским властям в Кизляре по поводу невыдачи беглых «...ежели оные обратно отданы нам не будут, то наши подвластные деревни разорятся..., а ежели беглые наши *холопы* впредь отдаваться не будут, то наши подвластные намерены отказаться служить Ея императорскому величеству»¹. По этому поводу недовольство выражали и шамхал, и бии эндиреевские и костековские, а также уздени. Для бежавшего *раба*-мусульманина была возможность избежать выдачи хозяевам – принять христианство. В июле 1748 г. аксаевский владелец Магомед Уцмий прислал кизлярскому коменданту письмо следующего содержания: «...бежали от нас два *холопа* мухаметанского закона, природою персияне и пошли в Кизляр. Грузинские и армянские *ясыри* не отдавали, а мухаметанского закона *ясыри* нам всегда отдавали...»².

В письме шамхала Муртузали кизлярскому коменданту сообщалось о бегстве от его дяди Ислам-Бамата *холопа*, который украл у хозяина «цареградской работы ружье». Этот *холоп* укрылся в Кизляре у князя Бековича, женившись на его *рабыне*³.

В письме эндирейского владетеля Темира Хамзина к кизлярскому коменданту А.М. Куроедову⁴ (80-е гг. XVIII в. – Авт.) содержится просьба отыскать в Кизляре или в близлежащих казачьих городках бежавших двух *кулов* по происхождению черкесов, принадлежавших его подданным, которые купили их в свое время. Где, когда и у кого они их приобрели, к сожалению, в письме не сообщается. Нам же небезынтересен тот факт, что эти *кулы* из «Черкеса» и они приобретены покупкой, а не пленением.

В переводе с письма от андийского владельца (апрель 1782 г. – Авт.) в ответ на письмо кизлярского коменданта А.М. Куроедова, который требовал разыскать и вернуть за выкуп *раба-христианина*, заявляется буквально следующее: «...Вы не думай-

те, что упомянутой *холоп* был продан нашим людям. Его продали мичигизы (чеченцы – Авт.) еврею. Ваше высочородие заявляли нам [о том, что] если вашего человека будут продавать у нас, то вы купите его, оплатив действительную цену. И Вы говорили, что будете выкупать за ту цену, за которую мы продаем. Поэтому мы вывели в одно место упомянутую *рабыню* и бережем, не продавая ее для того, чтобы не быть неверными соглашению, заключенному с Вами...»¹.

В данном случае речь идет об акте *работоторговли* между чеченцами и евреем, который произошел на Андийском базаре. Вероятно, еврей купил там плененного христианина армянина или грузина с целью перепродажи или выкупа.

Далее андийский владелец сообщал о том, что согласно заключенному договору между ним и российскими властями в лице кизлярского коменданта, «...мы вывели в одно место ... рабыню и бережем, не продавая ее, для того, чтобы не быть неверными соглашению, заключенному с Вами... (Подчеркнуто нами. – Авт.)»², т.е. этот самый «андийский шамхал» подготовил для передачи российским властям за выкуп *рабыню*-христианку. Российская администрация, как известно, выкупала не только русских пленников, но и других единоверцев-христиан, независимо от их этнической принадлежности. «...Мирные народы обязаны пленных христиан, какого бы исповедания они не были, представлять российскому начальнику за известную плату»³, – заявляется в одном из документов, дошедших до нас. Но если бежавший в российские пределы *раб* оказывался мусульманином, то власти должны были оказывать хозяину всяческое содействие в отыскании и возвращении его владельцу. Приведем документ, достаточно красноречиво свидетельствующий нам об этом. Так, в 1753 г. аксаевская княгиня Девлетхан-бике писала, обращаясь к кизлярскому коменданту: «...В Кизляр сбежало от нас два истинных мусульманина – *холопы*-персы (*кажар-куллар*). Эти двое убегали от нас и ранее. Но кизлярский правитель..., бывший до Вас, когда удостоверился в том, что те действительно мусульмане, вернул их нам обратно. И теперь прошу оказать нам милость

¹ ЦГА РД. Ф. 339. Оп. 1. Д. 26. Л. 9.

² Там же. Д. 6. Л. 33.

³ Там же. Ф. 379. Оп. 1. Д. 681. Л. 75.

⁴ См.: Оразаев Г.М.-Р. Памятники торкоязычной деловой переписки в Дагестане XVIII в. (Опыт историко-филологического исследования документов фонда «Кизлярский комендант»). Махачкала, 2002. С. 323.

¹ Оразаев Г.М.-Р. Указ. соч. С. 347.

² Там же.

³ АКАК. Т. II. С. 936.

и вернуть нам обратно упомянутых обоих *холопов...*»¹. Княгиня дважды в своем письме упоминает о том, что сбежавшие *холопы* действительно являются мусульманами. Но, как отмечалось нами выше, бывало и так, что беглые *рабы* принимали в российских пределах христианство, что поощрялось властями, тем самым они находили себе путь к избавлению от своих владельцев, так как «*новокрещенных*» уже не возвращали хозяевам-мусульманам.

Как известно, в фонде Кизлярского комендантского архива, содержащем в себе более 3-х тыс. дел, сохранились подлинники писем XVIII–XIX вв. дагестанских владельцев к Российской администрации в лице кизлярского коменданта. Письма эти написаны арабским шрифтом на кавказском тюрки (язык, бывший тогда международным языком общения в регионе). Большинство этих писем сопровождаются переводами на русский язык современными подлинникам. Однако переводы эти далеки от совершенства и содержат достаточно много неточностей, особенно в терминологии, специфических для жителей региона социально-бытовых терминах. Так, в переводе с письма аксаевского владельца Каплан-Гирея к кизлярскому коменданту В.Е. Оболенскому (1746 г.)² значится следующее: «...В ту (Кизлярскую – Авт.) сторону сбежал один наш *холоп (йесир)* – калмык... прошу вернуть его, оказав мне милость и снисхождение... В стороне Вашего высочества в разных местах имеются много наших *холопов (кул-каджар)*. Если Вы изволите их вернуть, оказав [нам] милость и снисхождение, то я пришлю [туда] хозяев тех *холопов (кул сахиб* – дословно: *рабовладельцев*)».

Из переведенного Г. Оразаевым текста явствует, что у Каплан-Гирея, аксаевского владельца, имелись холопы разного происхождения: *кулы-рабы* и *ясыри-пленные*. Вероятно первые были куплены у *работорговцев*, возможно в Эндирее или в том же Аксае, известных в регионе центрах работорговли, и калмык, плененный в набеге или похищенный. В письме сообщается и этническая принадлежность холопов, что конечно же не случайно, а чтобы подчеркнуть, что они нехристианского происхождения.

В другом документе – письме аксаевского владельца Мухаммад-Уцмия кизлярскому коменданту И.Л.фон Фрауендорфу (1756 г.) в переводе Г. Оразаева – сообщается о побеге в российские пределы, в Кизляр, трех *кулов*, двое из которых – *чагар-кулы*.

В письме Казанищенского владельца Мухаммада кизлярскому коменданту Ф.И. Паркеру (1772 г.) среди прочих сведений мы обнаруживаем просьбу этого владельца, которая состоит буквально в следующем: «...Недавно одну нашу *рабыню (чагар-караваши)* умыкнул в Эндирее один армянин и увел ее в Кизляр. Если Вы оказываете нам дружбу, отберите и верните мне или саму *рабыню (караваши)*, или же ее стоимость – двадцать туманов...»¹. Здесь для нас представляет интерес и сам факт, описываемый в письме: *рабыню* казанищенского владельца умыкнули в Эндирее, где она скорее всего была выставлена на продажу. Умыкнул ее кизлярский армянин, что дает нам повод предполагать, что она по происхождению также из кизлярских армян, иначе вряд ли кизлярский армянин, представитель достаточно влиятельной армянской диаспоры на Тереке в XVIII в., большая часть которой имела, согласно свидетельствам Кизлярского комендантского архива, свои лавки в Эндирее и в других крупных центрах торговли Дагестана, а также кунаков и разносторонние экономические связи с горцами, осмелился бы на такой шаг. Да и «пострадавший» владелец не настаивает на возвращении рабыни, если за нее будет заплачено кизлярским комендантом или заинтересованным лицом через коменданта 20 туманов, т.е. 200 рублей.

Небезынтересно и употребление адресантом двойного термина «*чагар-караваши*». (В русском переводе XVIII в. этого письма он передан как «*холопка*»). Вероятнее всего в данном контексте он употреблен для обозначения *домашней рабыни*, находившейся при дворе казанищенского владельца.

Переводы с подлинника Г. Оразаева, ценны тем, что они выполнены тщательно, в то время как в переводах XVIII в., которые фиксировались комендантской канцелярией и хранятся в архиве, сопровождая письма дагестанских владельцев, социальный термин, например, «*караваши*» передан выражением «*баба-*

¹ Оразаев Г.М.-Р. Указ. соч. С. 202; ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 289. Л. 65. Подлинник.

² Там же.

¹ Оразаев Г.М.-Р. Указ. соч. С. 158.

татарка», совершенно лишенным какой-либо социальной окраски.

В одном из архивных документов второй половины XVIII в. говорится о требовании кизлярского коменданта к Андийскому обществу выдать *невольника*-юношу, якобы купленного андийцами. Андийцы же, отвергая это обвинение, написали русским властям: «Вы с нами договорились о том, что если попадет ваш человек в нашей стороне, то вы отдадите выкупа столько, сколько мы отдавали за него. Мы сохранили верность тому уговору»¹. Таким образом, торговцы *живым товаром* шли на всякие ухищрения, чтобы, в случае непродачи пленников перекупщикам, получить от русских властей достаточно значимый выкуп.

В письме шамхала Мургузали по тому же поводу, переведенном на русский язык Г. Оразаевым, написано буквально следующее: «...утром после того дня, как Лаварслан увез [к тебе] того русского солдата, пришел хозяин того *невольника* и стал утверждать: «Цена моего *невольника* – 20 туманов. Клянусь Великим Богом, если бы кто-либо на одну сторону положил денег в 20 туманов, а на другую сторону – его, то я бы не брал денег, а взял бы *невольника!*»². И поклялся, говоря [это].

В конце концов, помирившись [с ним], я взял у другого человека в долг деньги 13 туманов монетою, а также одну лошадь за два тумана. И, отдав ему в совокупности 15 туманов в качестве стоимости *невольника*, удовлетворил его...

Теперь нужно, чтобы ваше высочородие отправил к нам нашего везира Лаварслана, выдав ему без замедления 15 туманов, отданных нами хозяину того *невольника*...»³.

Политика царского правительства по отношению к рабству и торговле *живым товаром* на Северном Кавказе была противоречивой и непоследовательной, хотя российскими военачальниками и предпринимались шаги, приведшие к ограничению этого явления. Так, было «... запрещено пропускать в кумыцкие и Дагестанские жилища крымских купцов, промышляющих торговлею *невольников*...»⁴. В обосновании к проекту строительства «Алек-

сандрова пути» (Военно-грузинская дорога – Авт.) выражалась уверенность, что «чеченцам, андеевским жителям и всему Дагистану сим путем пресечена будет дорога водить пленников на продажу в Анапу, а потом, когда со временем пресечется таковая же из Дагистана в Персию, то сей постыдной и против самого человечества вкоренившийся торг нечувствительно (читай: постепенно – Авт.) уничтожаться должен»¹.

До присоединения Дагестана к России царские власти в ходе политических переговоров с дагестанскими владельцами о принятии ими подданства одним из условий ставили безоговорочное освобождение русских *невольников*. При этом, как уже указывалось выше, практиковался выкуп *невольников*-христиан, для чего казна ассигновала определенные средства. С другой стороны, русские власти, желая наладить и сохранить хорошие отношения с дагестанскими владельцами, возвращали бежавших в пограничные русские крепости *рабов* нехристианского происхождения. Следует заметить, что существующее положение Кавказская администрация использовала в качестве своего рода политического рычага в отношениях с местными феодалами. Это красноречиво подтверждает уже упоминавшаяся выше «Историческая справка...», где говорится следующее: «Все распоряжения русского правительства относительно сокращения торговли людьми и освобождения последних от *рабства* играли большую роль в сношениях наших с горцами, которые часто обращались к русскому правительству с просьбами оставить во владении их *рабов*, а непокорные ставили условием своей покорности ...»². В подданных присягах горцев, в частности джаро-белокавказских аварцев, в 1803 г. звучали обязательства «... *пленных* российских или грузинских, прежде разными лезгинскими *хищниками* захваченных, в Чарской провинции или в других местах находящихся, ... для размену и для выручки наших *пленных* доставить, сколько будет возможности отыскать оных, для собственного нашего блага в непродолжительном времени...»³.

В 1806 г. джарцы, подтверждая свое подданство, приняли обязательство: «... отпустить всех захваченных *пленных* из воин-

¹ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 1169. Л. 112; Оразаев Г.М.-Р. Указ. соч. Л. 104.

² Там же.

³ Оразаев Г.М.-Р. Указ. соч. С. 381.

⁴ АКАК. Т. I. С. 85.

¹ АКАК. Т. II. С. 224.

² Шамрай В.С. Указ. соч. С. 7.

³ РДО, 1988. С. 267.

ских чинов, из которых, ежели бы какой оказался утасненным, то платить за каждого по 1500 руб. сер. в штраф... и ответственность обще за каждое хищничество и увлечение в плен, сделанное кем-либо из числа сих ветренников...»¹.

Нам кажется небезынтересным тот факт, что назначенный в 1844 г. наместником Кавказа, став фактически единоличным правителем на территории от Прута до Аракса, сосредоточив в своих руках колоссальную власть, неплохо разбиравшийся в Кавказских делах, твердо и последовательно проводивший миротворческую политику по отношению к местному населению, М.С. Воронцов считал, что Россия, запрещая работорговлю, допустила ошибку, обусловленную непониманием особенностей и значения ее для местных феодалов, т.к. работорговля на Кавказе представляла собой для них важный источник доходов. Воронцов посчитал это неразумным и отказался от запретительных мер, чем расположил к себе определенную часть кавказского общества и подвергся упрекам «просвещенной» Европы².

Молодой исследователь из Армавира Е.В. Великая, освещая в своей статье комплекс мер российского правительства по ликвидации работорговли и освобождению пленных на Северо-Восточном Кавказе в первой половине XIX в., приходит к выводу об «определенной варваризации» российской политики на Северном Кавказе в этот период. В частности, касаясь некоторых фактов деятельности в этой сфере А.П. Ермолова, она связывает это с военно-политической ситуацией в регионе³. Когда, в 1825 г. часть кабардинцев, выступившая против царских войск, попыталась уйти в Чечню, А.П. Ермолов «разрешил ингушам и осетинам ловить беглецов, обращать их в рабов или продавать как невольников»⁴. Конечно же, прав Ю.Ю. Клычников, считающий, что объективно анализируя российскую политику в регионе, нельзя сбрасывать со счетов репрессалии царских войск против местно-

¹ РДО, 1988. С. 276.

² См.: Дегоев В. Большая игра на Кавказе: история и современность: 2-ое издание, расширенное и дополненное. М.: Русская панорама, 2003. С. 182.

³ Великая Е.В. Указ. Соч. С. 68.

⁴ Клычников Ю.Ю. Деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе (1816–1827). / Под ред. В.Б. Виноградова. Ессентуки, 1999. С. 67.

го «немирного» населения¹. Подобная практика применялась и в дальнейшем. Так, в 1849 г. «пленные горцы, которые были захвачены жителями кумыкского владения, а равно и Надтеречных деревень, по распоряжению ... ген.-л. Фрейтага были отдаваемы в пользу поимщиков». Российским военачальникам на местах предписывалось по их усмотрению «пойманных жителей из непокорных горцев отдавать в пользу поимщиков»².

Захват заложников широко практиковался у всех горцев Северного Кавказа как один из способов приобретения военной добычи или принуждения к выполнению иных договоренностей. Так И.П. Дельпоццо, побывавший в чеченском плену, писал летом 1805 г. кн. Цицианову: «Дагестанцы, кумыки, чеченцы, тагаурцы, дигорцы, ингуши и прочие другие горские народы пленников наших русских, грузин и прочих христиан и нехристиан, продают кабардинцам, которые... [их] отвозят в турецкий город Анапу для продажи туркам...»³.

Сами российские власти также практиковали заложничество, отбирая аманатов из горских селений, на верность которых они не полагались. Захваченных в плен горцев также могли обменивать на пленников-россиян или вернуть родственникам за выкуп. Широко практиковался такой обмен на трупы погибших на российской стороне горцев.

Объективности ради нужно сказать, что российские власти также применяли традицию набегов с целью захвата добычи у горцев, т.н. *барамты*, чтобы возместить нанесенный горцами экономический ущерб, понесенный от их набегов. Так, в одном из наставлений Кизлярскому коменданту говорилось буквально следующее: «ежели горцы будут у наших людей чинить захваты, то нашим людям в отмщении отнюдь запрещение не чинить, ибо горцы от того делаются смиреннее...». Однако при этом подчеркивалось: «а только смотреть, чтоб наши люди чужим обидам начи-

¹ Клычников Ю.Ю. Указ. соч. С. 40–41.

² См.: Иноземцева Е.И. К вопросу о политике России по пересечению работорговли на Северном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в. // Вопросы северокавказской истории. Армавир, 2004. Вып. 9. С. 26.

³ АКАК. Т. 2. С. 973.

нателями не были»¹. В эпоху же так называемой Кавказской войны обе стороны применяли самые радикальные методы борьбы с противником, в том числе набеги на неприятельские селения с грабежами и убийством мирных жителей. Достаточно вспомнить, что в первой половине XIX века грабительские рейды на территорию противника совершали не только разбойники – абреки, но и царские генералы. В наместничество на Кавказе генерала Ермолова (1817–1827 гг.) царские войска сжигали целые аулы, вырезали непокорное население, захватывали его скот и прочее имущество. В рапорте о своих действиях в Чечне генерал Пулло сообщал о проведении им «набегов... с истреблением населения... и взиманием аманатов»².

Такова была жестокая реальность этого противостояния. Ни та, ни другая из сторон не были пионерами в этом вопросе: такова была в мире обычная практика воюющих противников.

Так, за освобождение похищенного чеченцами полковника Российской армии И.П. Дельпоццо (вследствие ген.-м., комендант крепости Владикавказ и командующий войсками на Кавказской линии) похитители требовали 20 тыс. руб. серебром. Пока шли тяжелые переговоры об условиях выкупа, И.П. Дельпоццо содержался в крайне тяжелых условиях в Чечне в сел. Герменчук. По сообщениям одного из посредников, который посетил пленника: «Перед нами был не человек, а скелет. Тяжелые оковы висели на руках и ногах его; на шею надето было толстое железное кольцо с огромным висячим замком, а от этого кольца тяжелая цепь продета была сквозь стену сакли и укреплена снаружи к толстому и прочному столбу. Постелью ему служил изорванный лоскут овчины...». Российское командование привлекло к переговорам об освобождении И.П. Дельпоццо горских посредников, в частности шамхала Тарковского. В конечном итоге, как пишут авторы «Истории Чечни», командованию Кавказской линии пришлось согласиться на уплату выкупа, но одновременно оно решило примерно наказать чеченцев, прежде всего те селения, че-

рез которые похитители провезли похищенного офицера. За Терек были посланы войска, которые отогнали у чеченцев в общей сложности более 1500 голов крупного рогатого скота, лошадей и другой скот. Как полагает автор, на которого ссылается «История Чечни»¹, «Сумма, вырученная от реализации этой разбойничьей добычи и была уплачена в качестве выкупа»². По данным В.А. Потто в 1816 г. чеченцами в плен был захвачен майор Грузинского гренадерского полка Павел Шевцов. Посчитав его лицом весьма значительным, похитители затребовали за него баснословный выкуп – десять арб серебряной монетой. Позже, снизив цену, стали требовать 250 тыс. руб. А.П. Ермолов, вступив в переговоры с аварским ханом, склонил его предложить похитителям от своего лица собственные деньги, которые были возвращены российскими властями после освобождения из плена похищенного. (Полагаем, что реальная сумма была значительно меньше требуемой).³

По мере разрастания Кавказской войны судьбу российских пленных нередко определяли политические интересы. Знатных невольников горцы использовали для обмена на своих сородичей. Российские власти шли на это. Среди наиболее известных случаев – возвращение Шамилю его сына Джамалутдина, которого обменяли на пленных грузинских княгинь А.И. Чавчавадзе и В.И. Орбелиани⁴.

Извечно соперничавшие за сферы влияния на Кавказе – Османская империя и Россия – одинаково строили свои взаимоотношения с горской и степной элитой региона, предпочитая использовать социальные противоречия в среде кавказского населения в качестве своеобразного инструмента воздействия на феодальных владетелей, ориентировавшихся на сюзеренитет враждебного государства. Как крепостническая Россия (где *торговля людьми*, к сожалению, также была реальностью), так и Османская империя и Крым, в которых *работорговля* считалась прибыльной

¹ Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. СПб., 1869. Ч. 1. С. 163.

² Цит.: Бобровников В. Абреки и государство. Культура насилия на Кавказе // Вестник Евразии (Acta Eurasica): Независимый ежеквартальный научный журнал / Под ред. С.А. Панарина. М., 2000. 1(8). С. 19–46.

¹ Ахмадов Я.З., Хасмагомедов Э.Х. История Чечни в XIX–XX веках. М.: Пульс, 2005. С. 87.

² Колосов Л.Н. Славный Бейбулат: Историко-биографический очерк. Грозный, 1991. С. 158.

³ Потто В.А. Кавказская война: в 5 томах. Т. 2: Ермоловское время. М., 2006. С. 47–50.

⁴ Чичагова М.Н. Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк. М., 1995. С. 78–82; Клычников Ю.Ю., Цибульникова А.А. Указ. соч. С. 25.

отраслью хозяйственной деятельности, не только провоцировали конфликты, сопровождавшиеся захватом «живой добычи», но и сквозь пальцы смотрели на подобную деятельность своих союзников и подданных. Так, русский резидент в Стамбуле предлагал Шагин-Гирею – российскому ставленнику на Крымском престоле – урегулировать возникшие противоречия между Крымом и Портой, отправив в качестве подарка султану черкесскую красавицу, а многие подданные российской короны нередко участвовали в сделках по купле-продаже кавказских полонянок¹.

Рабство и работорговля отнюдь не являлись «своеобразной «визитной карточкой» Кавказа наряду с буркой, шашлыком и т.п. экзотикой» по легковесной информации падких на сенсации журналистов XIX в. Так, автор кандидатской диссертации «Рабство в Сибири и Оренбургском крае в XVIII – первой половине XIX в.», основываясь на широком круге архивных и литературных данных, констатировал, что в исследуемый им период на Сибирской кордонной линии также процветала торговля «живым товаром». При этом императорским указом 1757 г. право распоряжаться азиатскими рабами было ограничено: их разрешалось перепродавать лишь потомственным дворянам, т.е. лицам, имеющим право владения крепостными². С.Б. Броневский отмечал, что «в редком доме чиновника или купца (по Сибирской линии и в прилегающих городах – И.М.) нет служанок из калмычек»³. (Интересно заметить, что зачастую и девушек-рабынь из киргизов работорговцы выдавали за калмычек, т.е. здесь опять-таки срабатывало то обстоятельство, что калмыки – немусульмане, ведь мусульманам религией запрещено обращать в рабство единоплеменников – Авт.).

Приобретали рабов и представители высшей знати. Сам оренбургский военный губернатор Г.С. Волконский занимался

распространением азиатских невольников среди петербургской и московской знати – он покупал их себе, а также дарил своим родным и знакомым. «... В то время... в высшем свете была на них «мода»... Как видно, представители знати приобретали азиатских невольников как предмет экзотики...»¹.

В недавно увидевшей свет работе Ю.Ю. Клычников и А.А. Цыбульниковой, посвященной пленнопродавству (по терминологии авторов – Авт.), мы находим вариации этого процесса, напоминающие вышеописанные нами: «Покупателями кавказских рабынь нередко становились знатные мусульманки – воспитание девочек-невольниц с 8–10-летнего возраста среди дам высшего сословия рассматривалось как весьма выгодное финансовое предприятие»². «Экзотика» была также в моде и в Европе. «Английские и французские дворяне нередко покупали на восточных невольничьих рынках экзотических рабынь – например, черкешенок», – пишет Ю.Ю. Клычников. При этом приводит историю черкесской красавицы Аиссе, во Франции крещенной и нареченной Шарлотой-Элизабет, известной в высшем свете, но так и не получившей свободы³.

В этом смысле в еще более отвратительном свете предстает имперская политика Порты на Кавказе, т.к. и османские султаны и крымские ханы охотно приобретали «черкесских» рабов в качестве ясыря и получали в качестве «поминок» (подарков – Авт.) к восшествию на трон, игнорируя то обстоятельство, что многие пленники являлись мусульманами⁴. «Пока турки и татары пользовались монополией в торговле кавказскими невольниками, – отмечал Осман-бей в середине XIX в., – они мало заботились о проповедовании нравственности и об обращении горцев к исламу; распространение магометанства, без сомнения, стеснило бы эту торговлю, так как продавать черкесов-идолопоклонников не

¹ См.: Приймак Ю.В. Российскость как альтернатива «имперскости» в западнокавказской политике России и Турции // Российскость: понятие, содержание, историческая реальность (на примере Кавказа): Мат-лы аспирантско-преподавательских семинаров. Армавир, 1999. Вып. 2. С. 10.

² Мальцев И.А. Рабство в Сибири и Оренбургском крае в XVIII – первой половине XIX в.: Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2008. С. 210, 211.

³ Броневский [С.Б.] Записки о киргиз-кайсаках Средней орды // Отечественные записки, издаваемые Павлом Свиньным. СПб., Тип. Департамента Внешней торговли, 1830. Ч. 42. № 121. С. 165.

¹ Волконский С.М. О декабристах (по семейным воспоминаниям). СПб., 1998. С. 14.

² Клычников Ю.Ю., Цыбульникова А.А. Указ. соч. С. 59.

³ Там же. С. 61–62.

⁴ Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты в XVIII столетии. Одесса, 1889. С. 209.

было преступлением, а продажа черкесов-магометан могла бы пасть на совесть правоверных большим упреком»¹.

Как пишет А.Ю. Чирг, Оттоманская порта не смотря на существовавшие в 30–40-е гг. XIX в. мирные отношения с Россией, фактически поощряла *работорговлю* на Кавказском побережье. В июне 1839 г. управляющему министерством иностранных дел К.В. Несельроде доносили об участии «высших турецких сановников в *работорговле*². Знатные дамы высшего османского общества покупали у *работорговцев* юных красивых кавказских девушек и содержали у себя несколько лет, обучая умению вести себя в гареме, танцам, пению, музыке, восточному красноречию, а затем перепродавали их с большой для себя выгодой³.

Указывая на использование в Османской империи кавказских невольников, ген. Н.Н. Раевский писал в 1838 г.: «Торговля с восточными берегами (Черным морем – Авт.) снабжала *рабами* всю Турецкую империю, работниками Трапезонтские рудники, рекрутами Мамелукское войско и женами восточные гаремы»⁴. Рабы-мужчины эксплуатировались в сельском хозяйстве, труд их применялся на рудниках на добыче меди, железа, строительных работах, в каторжном труде гребцами на торговых и военных судах того времени.

Обстановка изменилась лишь в начале XIX в., когда в результате вхождения отдельных кавказских владений в состав России сначала был ограничен, а затем и полностью ликвидирован основной источник *работорговли* – набеги и междуусобицы.

В 1804 г. было обнародовано постановление российского правительства, категорически запрещающее *работорговлю* на Черноморском побережье, в Эндирее и на других *невольничьих рынках* Центрального и Северо-Восточного Кавказа. Главкомандующий на Кавказе А.П. Ермолов доносил, что «учредил кр.

Внезапную и, тем утвердив сел. Андирей, прекратил производящийся в нем торг» *ясырями*¹.

«С водворением русского владычества на Кавказе, – писал Д.М. Шихалиев, – с построением в Кумыкском владении в 1818 году крепостей и занятием впоследствии времени нашими (русскими – Авт.) войсками Джаро-Белоканской области промысел это (*работорговля* – Авт.) совершенно упал»². *Работорговля* в Эндирее была закрыта А.П. Ермоловым, он же запретил вывоз из Дагестана *рабов* для продажи туркам в 1819 г.³

Предпринимаемые правительством России решительные меры намного сократили, но окончательно не ликвидировали *работорговлю*. По всему побережью Черного моря продолжалась бойкая торговля пленниками-горцами Кавказа.

Вышеприведенный фактический материал, наши наблюдения, как и поиски и наблюдения наших предшественников, позволили нам сделать следующие выводы:

Политика России по пересечению торговли «*живым товаром*» на Северном Кавказе носила не всегда последовательный характер, хотя и предпринимались политические, военные и экономические усилия, направленные на ее прекращение, а за длительный период сложнейшего процесса выстраивания российско-кавказского взаимодействия сложились определенные традиции в этой области и целый ряд гибких и действенных мер, учитывающих и местные особенности. Такое состояние определялось как внутренним социально-экономическим развитием народов региона, так и внешнеполитическими факторами.

По окончании русско-турецкой войны 1826–1829 гг. с подписанием Адрианопольского мира русское правительство объявило о запрещении *работорговли*. Однако фактически она не прекратилась, а лишь стала вестись контрабандным путем.

¹ Осман-бей. Воспоминания 1855 года. События в Грузии и на Кавказе // Кавказский сборник. Тифлис, 1877. Т. 2. С. 49.

² Чирг А.Ю. Борьба России против контрабанды и работорговли на Северо-Западном Кавказе (1829–1864 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. Москва, 1987. С. 77.

³ См. Клычников Ю.Ю., Цыбулькинова А.А. Указ. соч. С. 59–60.

⁴ Цит.: Чирг А.Ю. Указ. соч. С. 79.

¹ АКАК. Т. 1. С. 756.

² Кумык (Шихалиев Д.М.) Указ. соч. // Кавказ. 1848. С. 43.

³ АКАК. Т. 6. Ч. 2. С. 9.

7. ФОРМЫ И ОСОБЕННОСТИ ОСВОБОЖДЕНИЯ РАБОВ В ДАГЕСТАНЕ

В связи с существованием многочисленных исторических и национальных особенностей социальная структура феодального Дагестана представляла собой весьма пеструю картину, а социальные отношения отличались большой сложностью и разнообразием. Что касается изучаемого нами *института рабства*, то учитывая все имеющиеся в нашем распоряжении различные свидетельства, мнения и наблюдения, следует рассматривать его именно в контексте мусульманской системы права. Ведь, как известно, положения мусульманского права о *рабах*, сложившиеся еще в раннем халифате, пережили Средневековье, не претерпев особых изменений, лишь обрастая комментариями¹. Все без исключения источники дагестанского происхождения, говорящие о *рабстве*, одновременно свидетельствуют о строгой регламентации этого института исключительно нормами шариата.

В «Истории рабства...» Дж. Ингрэма указывается, что «при Магомете *рабство* было уже укоренившимся учреждением как у евреев, так и аравийских язычников; и Коран признавал его, как признавал закон Моисея, как признавала его церковь в первые века Христианства. Религия Ислама старается смягчить суровость *рабства* и внушает своим последователям, относиться к *рабам* кротко и снисходительно»². «Если кто из твоих *рабов*, – говорит Коран, – пожелает быть отпущенным на волю, исполни его желание, если считаешь его достойным, удели ему от сокровищ, которыми он наделил тебя...»³.

В глазах мусульманской религии отпустить на волю *раба* – богоугодное дело, акт благочестия. По словам Пророка, – свидетельствует автор «Истории рабства...», ссылаясь на суры Корана, – «правовверный, отпускающий на волю своего ближнего, освобождает и самого себя от забот человеческих и мучений огня

вечного»¹. Поэтому многие мусульмане, вняв призывам Корана, освобождали своих *рабов* после нескольких лет их *рабства* и, особенно, если последние принимали религию Ислам.

На Востоке, свидетельствует Дж. Ингрэм, *раб* не считался существом низшего разряда, *рабское* происхождение или *рабство* в прошлом не мешали ему достигнуть по освобождении высших общественных ступеней². Мусульманское право признавало только два принципиальных различия между людьми: мусульмане и немусульмане, а внутри этих групп – свободные и *рабы*. Забота же о *рабах* приравнивалась к заботе о других подопечных. «Родителям делайте добро и близким, и сиротам, и беднякам, и соседу-родственнику и соседу-чужаку, и близкому другу, и путнику, и тем, кем владеют десницы ваши», – призывает Коран³.

Считаем необходимым здесь провести некоторые аналогии. *Холопство* (*рабство*), как известно, исконный институт обычного права в средневековой Руси. Что касается Православия, то «...в своих заботах о спасении паствы церковь не могла не признавать в *челяди* образа и подобия Божия, ибо *рабы* такие же люди, только господам в услужение данные Богом. В целом ряде посланий *рабовладельцы* увещеваются обращаться с *челядью* милостиво, кормить и обувать ее и наставлять, как своих детей или домашних сирот...», – свидетельствуют Ф.А. Брокгауз и И.А. Евфрон⁴. Другое дело как к этим увещеваниям относились владельцы *холопов*. Как предполагают авторы энциклопедии, они «едва ли часто трогали *рабовладельческую* совесть». «...Успешнее сказывалось влияние церкви в вопросах об отпущении *холопов* на волю. Воздействуя на своих сынов во время исповеди, особенно перед смертью, духовенство имело возможность во многих случаях настоять на освобождении хотя нескольких людей из состава *челяди* каждого *рабовладельца* «на упокой души»⁵.

Скорее всего, примерно так же обстояло дело и с совестью *рабовладельцев* в Дагестане.

¹ Рабство в странах Востока в Средние века. М.: Наука, 1986. С. 422.

² Ингрэм Дж. История рабства от древнейших до новых времен / Перевод с английского З.Н. Журавской. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «Либроком», 2011. С. 240.

³ Цит.: Ингрэм Дж. Указ. соч. С. 240.

¹ Ингрэм Дж. Указ. соч. С. 240.

² Там же.

³ Рабство в странах Востока в средние века. М.: Наука, 1986. С. 426.

⁴ Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1903. Т. 74. С. 533.

⁵ Там же. С. 534.

Материалы, касающиеся *рабства* в Дагестане в XVI–XVII вв., встречаются крайне редко. И каждый из таких документов представляет особую ценность. В предельно кратком сообщении дагестанского ученого-арабиста Т.М. Айтберова, опубликованном в материалах XII годичной научной сессии ЛО ИВ АН СССР в издательстве «Наука» в 1977 г.¹, собраны сведения ранее неизвестных дагестанских арабоязычных источников о положении *рабов* в Дагестане. Приведем некоторые из них, сообщающие об условиях освобождения от *рабской* зависимости. Так, в документе, датированном приблизительно серединой XVI в., сообщается, что один из крупнейших князей Дагестана Улахай-шамхал б. Улахай-шамхал, прекращает тяжбу со своей *рабыней* Назук и с ее четырьмя сыновьями на условии уплаты ими двух тысяч таньга².

В документе, датированном 1553–54 гг., говорится, что Айшат, дочь Испахи, освобождает свою *рабыню* Маргал. За это, однако, отец Маргал по имени Рамадан должен прослужить ее госпоже в течение шести лет. При этом, если отец умрет до истечения срока, то дочь остается свободной, но если дочь умрет раньше этого, то ее отец все равно будет служить в течение упомянутого срока³. В другом документе, датированном приблизительно серединой XVII в., сообщается о том, что княгиня Ай-Меседо, дочь Амир-Хамза-нусаала, освободила *раба* Мухаммада б. Хусайна. При этом, однако, она взяла у Мухаммада его движимое и недвижимое имущество, а также собранный им урожай⁴. «Мухаммад и Абд ал-Гаффар, сыновья Куку, освободили двух своих *рабов* – Шахум и Фатимат, дочерей Хусейна б. Цулбу с полным соблюдением положений шариата за плату, полученную ими в руки также с соблюдением положений шариата. Свидетели: группа справедливых людей, в частности Мухаммад б. Аййуб Кувади, писавший эти слова Шабан ал-Убуди, Мухаммад б. Али Акалчи, а также другие люди из числа раисов и эмиров. В 1051 г.х.

(1641/42 г.) во время правления Амир-Хамза-нусаала»¹. На наш взгляд, следует обратить внимание на тот факт, что здесь идет речь о *рабах*-мусульманах.

По данным Ш.М. Мансурова в условиях Салатавского союза сельских общин *военнопленный* в положении *раба*, т.е. бесправного члена общества, которого можно свободно отчуждать как собственность, находился временно. Владельцы обычно отпускали *рабов*, когда наступала пора обзаведения семьей, за определенный выкуп или безвозмездно (тархъан и гъарула)². «...*Рабы* на Востоке практически везде имели семьи. (Одним из проявлений богоугодной заботы о *рабах* считалось содействие их браку). Общественной моралью не одобрялись те случаи, когда хозяин силой разлучал своих *рабов* – мужа и жену, или родителей и детей. Во всяком случае, в действующих законодательных актах во многих странах средневекового Востока не было нормы, которая бы четко провозглашала право хозяина продать членов семьи своего *раба* поодиночке по своему усмотрению»³. Обратитесь в мусульманскую веру купленного или захваченного иноверца, дав ему свободу, свидетельствуют адаты салатавцев, по шариату считалось действием равноценным посещению Мекки. *Рабов* также освобождали за совершенные подвиги или за полезные для общества дела⁴.

Р.М. Магомедов в своем труде⁵ приводит данные из письма кадия и ученых джамаата Маалал к большим людям и кадию сел. Чиркей, в котором утверждается, что если пленный указывал, что он мусульманин, его должны были освобождать без выкупа. В действительной жизни это далеко не всегда соблюдалось, так Ш.М. Мансуров приводит очень интересные наблюдения и данные о том, что если *раба* без выкупа не отпускали, а он не в состоянии был себя выкупить, то в таких случаях в каждой общественной казне салатавских джамаатов существовал определенный

¹ Айтберов Т.М. К вопросу о рабстве в Дагестане в XVI–XVII вв. // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (Краткие сообщения). М.: Наука, 1977. С. 52–57.

² Там же. С. 53.

³ Там же. С. 53–54.

⁴ Айтберов Т.М. Указ. соч. С. 53.

¹ Айтберов Т.М. Материалы по истории Дагестана. Махачкала, 1980. С. 83.

² Мансуров Ш.М. Салатавия (Социально-экономическая история в конце XVIII – первой половине XIX вв.). Махачкала, 1995. С. 94.

³ Рабство в странах Востока в средние века. М.: Наука. Главная редакция Восточной литературы, 1986. С. 12.

⁴ Мансуров Ш.М. Указ соч. С. 94.

⁵ Магомедов Р.М. Исторические этюды. Махачкала, 1975. Вып. II. С. 199.

фонд для выкупа *рабов*¹. Освобожденным *рабам*, если не хозяином, то джамаатом, выделялся небольшой участок земли из некультуренной общинной собственности. Так, в XVIII в. житель сел. Миатли по имени Омар отпустил своего *раба* на волю, выделив ему земельный надел². Известно, что в сел. Буртунай бывшим *рабам* джамаат выделял участки под строительство дома в отдельном квартале³. В обязательствах салаатвцев 1782 г. мы обнаруживаем следующее: «На волю отпущен *холоп*, где пожелает, там живет»⁴.

Следуя наблюдениям Ш.М. Мансурова, до освобождения *раб* находился в полной и неограниченной власти владельца и никто не имел права вмешиваться в «хозяев и *холопьев* междуусобные дела». После же освобождения община брала его под свое покровительство⁵. «Из узденей или *холопьев*, – говорится в «Обязательствах салаатвцев», – ежели пропадут, после чего обозначится, когда они покажут, что пропал таковой человек, виновный должен их возратить и штрафу 50 руб. заплатить»⁶.

В Чиркее в середине XIX в. по приведенным Ш.М. Мансуровым данным до 200 семей считалось освобожденными на волю одновременно своими владельцами⁷. После освобождения *рабы* формально становились правоспособными лицами, но фактически даже их потомки постоянно подвергались правовой, политической и экономической дискриминации в джамаате. Существовал ряд форм морального унижения и материального притеснения отпущенных на волю и их потомков. Об этом более подробно сказано нами в соответствующем очерке.

По обычному праву салаатвцев, если переселенец-вольнотпущенник или его предки когда-то были *рабами*, то таких лиц принимали в общину на очень жестких условиях. О подобном факте свидетельствует предание, в котором говорится о

¹ Мансуров Ш.М. Указ. соч. С. 95.

² Там же. С. 95; Записки о правах и преимуществах господствующих групп населения. об адатах и управлении жителей Присулакского наибства // РФ ИИАЭ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 79. Л. 24..

³ Бахтамов И.М. Чирка или аул Чиркей // Кавказ, 1863. № 29–30.

⁴ РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 278. Л. 609.

⁵ Мансуров Ш.М. Указ. соч. С. 95.

⁶ РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 278. Л. 610.

⁷ Мансуров Ш.М. Указ. соч. С. 96.

том, что вольнотпущенный Галбац с семьей остановился недалеко от сел. Гертма и долго просил джамаат принять его. В очередную пятницу при рассмотрении этого вопроса было решено принять его в общину с условием, чтобы он и его потомки навечно служили общественными пастухами, не претендуя на большее. Галбаца с семьей приняли в джамаат, т.е. община взяла их под свое покровительство, но никто не принял их в свой тухум¹.

Как пишет Б.Г. Алиев, в союзах сельских общин Дагестана, где имело место *рабовладение*, *рабы* не находили должного применения в хозяйстве из-за скудности земельных угодий и в основном либо освобождались за выкуп или даже без выкупа, либо поставлялись на рынок в центрах *работорговли*. Освобожденные или отпущенные на волю *рабы* постепенно становились членами сельского общества, образуя со временем *рабские* тухумы, заселяя целые кварталы и даже отдельные поселки². По данным М.А. Агларова освобожденные *рабы* в Гидатлинском союзе сельских общин, в сел. Гента, назывались «*нахъателал*» (буквально «стоящие в последних рядах»). В сел. Чиркей – «*лаг тархан*» («вольнотпущенник»), в Телетле – «*тархъанта-ралал*», в других аварских селах – «*тархъан гъарурал*», «*лагътархъан*» или просто «*тархъан*»³.

Происхождение категории крестьян, известной в источниках под названием «*азаты*» (*вольнотпущенники*), связано с существовавшим обычаем, согласно которому владельцы могли отпускать своих *рабов* на волю за выкуп или безвозмездно. «Освобожденные *лаги* («*тархан гъарурал*» – М.А.) сажались на землю, которую они могли иметь в полной собственности при соблюдении условий благоприобретения, они имели семью, выступали в походы наравне с узденями, становились во всех отношениях полноправными членами общины, хотя в отдельных обществах их лишали права совладательства территорией»⁴, – пишет М.А. Агларов. Не имеется также сведений и относительно допуска бывших *лагов* как выборных лиц к браздам правления, тогда как исполнители преимущественно назначались из сословия *лагов*.

¹ Мансуров Ш.М. Указ. соч. С. 98.

² Алиев Б.Г. Союзы сельских общин ... С. 210.

³ Агларов М.А. Указ. соч. С. 142.

⁴ Там же.

Но есть множество примеров того, как наиболее предприимчивые из сословия лагов своим богатством в силу особых заслуг перед общиной, доблести или религиозности становились влиятельной силой в общине. *Вольноотпущенные – лагь-тархъан* иногда сами превращались во владельцев рабов¹.

По полевым данным Д.М. Магомедова, любезно предоставленным в наше распоряжение, в Западном Дагестане зачастую представители зависимого населения «*лагь-хъазахъ*», сосредотачивая в своих руках большое количество скота и земли, верховодили в некоторых общинах. Так, по сообщению информатора из сел. Нижнее Хваршини самым богатым тухумом в общине считался Утутиял (название сохранилось до сегодняшнего дня – Авт.), произошедшего от основоположника тухума по имени Утути. В свое время военнопленный по истечении определенного срока женился, ему община выделила пахотный участок и др. Впоследствии этот тухум возрос количественно и стал самым богатым, из представителей которого выдвигались лица даже на административные должности.

Следующий пример: житель сел. Генух (общество Андо-Шуратль), согласно преданию, купил мальчика семи лет за одну козу. От него и произошел тухум Дегленчулал (от деглен – коза). Основоположник этого тухума стал крупным скотоводом, имевшим в собственности, по рассказам старожил, 800–1000 голов овец².

Азат – бывший раб, получал свободу «за деньги или при каком-нибудь условии»³. Причем, феодал отпускал раба либо добровольно, по назру за верную службу без всякой платы, либо за выкуп⁴. При втором варианте освобождения, если «соискатель» не имел денег для выкупа, он в большинстве случаев отправлялся по аулам просить денег на выкуп. Иногда на это уходило год и более времени⁵. Отпуская своего раба на волю, хозяин

обязан был снабдить его письменным документом, засвидетельствованным кадием и двумя свидетелями.

Следует заметить, что освобожденные по доброй воле феодала или выкупившись за деньги *азаты* не сразу порывал со своим бывшим хозяином. «Освободившаяся семья, – писал М.Б. Лобанов-Ростовский, – долго сохраняет отношения подчиненности к семье бывших господ; она составляет вокруг последних класс приверженцев, всегда послушный, всегда единомышленный с ними, разделяющий их судьбу»¹. Ему вторит и Д.-М. Шихалиев, который отмечал, что *азаты* «долго питают дружбу и привязанность к своим господам, и, если возможно, селятся ближе к ним для того, чтобы в знак благодарности оказывать им свои услуги»². Но со временем связь бывших рабов с хозяевами забывалась и они вливались в состав феодально-зависимого населения. *Азаты* селились и жили «на землях, принадлежащих князьям и первостепенным узденям, на известных условиях»³.

Н.Ф. Дубровин писал по их поводу следующее: «Малопомалу как сами они, так и посторонние забывали о некогда бывшем их крепостном состоянии, и дети их могли вступить уже в брак с дочерьми узденей. Таким образом, через несколько поколений сглаживалось их происхождение и они, считаясь узденями, пользовались всеми их правами»⁴. Он считал, что освобожденный *азат* сам «никогда не мог вступить в разряд второстепенных узденей, хотя и приобрел земельную собственность», но его потомки «в четвертом поколении переходят в сословие простых узденей, или людей свободных»⁵. Несколько ранее М.Б. Лобанов-Ростовский писал об этом же, замечал при этом, что *азаты* чаще всего выбивались в люди, становились богатыми торговцами и дети таких *азатов* уже рождались с узденями⁶. Ведь не случайно же у кумыков бытовала и бытует следующая пословица:

¹ Лобанов-Ростовский М.Б. Кумыки: Их нравы, обычай и законы. Описание гражданского быта кумыков 1843 года / Предисл. д-ра ист. наук, проф. С.Ш. Гаджиевой. Махачкала, 2002. С. 25.

² Шихалиев Д.-М. Указ. соч. С. 66; См.: Дубровин Н. Указ. соч. Т. 1. Кн. 1. С. 628.

³ Леонтович Ф.И. Указ. соч. Т. 2. С. 192.

⁴ Дубровин Н. Указ. соч. Т. 1. Кн. 1. С. 627.

⁵ Там же. С. 629–630.

⁶ Лобанов-Ростовский М.Б. Указ. соч. С. 30.

¹ Агларов М.А. Указ. соч. С. 143.

² Полевой материал Д.М. Магомедова // РФ ИИАЭ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 513. Л. 3–10.

³ Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса, 1883. Т. 2. С. 192.

⁴ Гаджиева С.Ш. Кумыки... С. 112.

⁵ Макаров Т. Кумыкский округ // Кавказ. 1860. № 78.

«Къулдан тувгъан къул болмас,
Яманда тувгъвн къул болур» – т.е.
«Не тот раб, который родился от раба.
А тот, кто родился от плохого человека»¹.

Однако, и получив статус третьестепенных узденей, *азаты* все-таки в правовом отношении не становились равными с догерек-узденями². Если догерек-уздени могли перейти в разряд или группу второстепенных узденей, *азат-узденям* трудно было воспользоваться этим правом до тех пор, пока род их не переродится и не изгладится из памяти народа бывшая принадлежность к *рабскому* состоянию. Этого не мог сделать отпущенник на волю даже в том случае, когда он приобретал земельную собственность³.

Не были равны *азаты* с догерек-узденями и в вопросах бракосочетания. *Азат-узденя* мог женить своего сына на дочери второстепенного узденя только с трудом и последний, вопреки утверждениям Н.Ф. Дубровина, редко соглашался, чтобы сын его взял в жены дочь *азата*. Но, получив свободу, *азаты*, как и догерек-уздени, становились лично свободными и, подобно им, имели право перехода к другому владельцу земли, хотя этот переход также был обставлен такими условиями, которые все же создавали препятствия этому. Что же касается его экономического положения в обществе, *азаты*, хотя и получали личную свободу, оставались в зависимости от феодалов – в основном от бывших своих хозяев, – замечает профессор Б.Г. Алиев⁴. А этом случае, как нельзя к месту, вывод профессора М.А. Агларова: «Сословная сегрегация из имущественно-правовой сферы перемещалась в

¹ Цит.: Русско-кумыкский словарь / Под ред. Б.Г. Бамматова. Махачкала, 1997. С. 492.

² Догерек-уздени – «круглый», «полный» узденя. Подробно см.: Гаджиева С.Ш. Кумыки: историческое прошлое, культура, быт. Махачкала, 2008. С. 192–195; Алиев Б.Г. Крестьянство Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. Махачкала, 2009. С. 114–121; См.: Русско-кумыкский словарь / Под ред. Б.Г. Бамматова. Махачкала, 1997.

³ Лобанов-Ростовский М.Б. Указ. соч. С. 58; Дубровин Н. Указ. соч. Т. 1. Кн. 1. С. 629.

⁴ Алиев Б.Г. Сословно-классовое деление Засулакской Кумыкии после образования владения Султан-Махмуда // Эндиреевский владетель Султан-Махмуд Тарковский в истории российско-кавказских взаимоотношений (вторая половина XVI – первая половина XVII вв.). Махачкала, 2010. С. 117.

чисто психологическую. Характерно, что, несмотря на освобождение и уравнивание в правах, четко удержались предрассудки, делавшие сословие *лагов* на дополнительные разряды. *Рабы*, ранее принадлежавшие феодальным или знатным узденским фамилиям, выделяли себя в своей среде, что учитывалось при брачной регуляции. Более того, особо выделяли разряд *рабов*, принадлежавших бывшим рабам, в Аварии они именовались не «*лагь*», а «*хусхьул*», что значит «*раб раба*» (от словосложения «*куласул*»+ «*кул*» – М.А.). Но подчеркиваем, эти категории практически различались лишь при брачном выборе, в экономической и правовой жизни они были уравниены¹, утверждает М.А. Агларов.

Пример психологической сегрегации отразился в сюжете одного предания, которое далее приводится профессором. Известный своими добродетелями и богатством житель сел. Анди *лагского* происхождения созвал почетных людей общества, зарезал быка, устроил пир, попросил, чтобы его освободили от его сословного звания *лага*, т.е. чтобы его с потомками никто отныне не называл *лагом*. Все согласились, отслужили по этому поводу молебен, и, когда расходились, на улице один другому посетовал: «Все-таки у этого *лага* бульон был малосольным». Рассказ этот можно было услышать и в других частях Дагестана как случай, происшедший непременно в селе рассказчика (бродячий сюжет)².

Положение *лагского* сословия в общине в XVIII и особенно XIX в. резко изменилось. Это интересная и малоисследованная сторона социальной истории Нагорного Дагестана, отмеченная социальной интеграцией. В конце XVIII и в течение XIX в. *лаги* были уравниены в правах. Недаром появилось постановление: «Если кто-нибудь из жителей нашего селения скажет: «Я раб или нуцалчи», то с него взыскивается 100 овец»³.

Для сравнения: Как пишет чеченский историк, профессор Ш.Б. Ахмадов, со дня официального освобождения «*лая*», т.е. приобретения им юридического права независимости от своего бывшего хозяина-владельца, он также продолжает пополнять эксплуатируемый класс и образует новую социально-зависимую

¹ Агларов М.А. Указ. соч. С. 143.

² Там же.

³ Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961. С. 154.

категорию людей, именуемую в чеченском обществе «азат»¹. И если *лай* – отпущенник, т.е. *азат*, не пользовался особым уважением и авторитетом, не имел права голоса в официальных общественных органах общества, то это, по свидетельству Ф.И. Леонтовича, не распространялось на детей *азата*. Напротив, дети *азатов* пользовались в вайнахском обществе всеми правами коренных жителей Чечни и Ингушетии. Большой частью *азат* не покидает своего бывшего хозяина, женится на одной из дочерей, или родственниц и поселяется при нем, как член его семейства².

Однако, другой чеченский историк, профессор А.И. Хасбулатов в противовес этому пишет, что *азаты* формально получали полноправное гражданство среди чеченского населения, хотя в быту по своему общественному положению они относились к людям второстепенным. Состоятельные и считающие себя каким-то образом выделяющимися из числа рядовых общинников (многочисленным родством, богатством и т.п.), не выдавали за вольноотпущенников замуж своих дочерей и не женили сыновей на их дочерях³. Среди бывших *лаев* встречались богатые, среди «*овзданах*» (свободные люди) – бедные. Но были случаи, когда *лай* селения Цикарой хотели породниться со «свободными людьми» из селения Макажой, то последние, хотя и были беднее цикароевцев, неохотно желали породниться с ними из-за их якобы «низкого происхождения»⁴.

В ряде случаев владельцы могли дать *рабам* волю и без выкупа, например в «богоугодных» целях, в честь прихода высокоуважаемого кунака, а также в честь знаменательных событий (рождение долгожданного сына, излечение от продолжительной болезни и т.п.). *Рабы*, получившие освобождение за выкуп, а также их потомство, при фактическом неравенстве формально

¹ Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII– начале XIX века (Очерки истории социально-политического развития и общественно-политического устройства Чечни и Ингушетии в XVIII – начале XIX века). Грозный, 2002. С. 198.

² Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Одесса, 1883. Вып. 2. С. 81, 110.

³ Хасбулатов А.И. Указ. соч. С. 66–67.

⁴ Саидов И.М. Этнографический и фольклорный материал о классовых отношениях у чеченцев и ингушей // Археологический сборник. Грозный, 1968. Т. 2. С. 138–139.

все же становились в равные отношения с членами сельского джамаата¹.

Д.-М. Шихалиев свидетельствовал: «Отпустить холопа на волю, во мнении мусульман, есть благое и богоугодное дело; почему при болезнях или каких-нибудь потерях в семействах господ отпускают их на волю вследствие данного обета, а иногда увольняют их за деньги; в том и другом случае холопы, поступив в сословие *азатов* (отпущенников), долго питают дружбу и привязанность к своим бывшим господам, и если возможно, селятся ближе к ним для того, чтобы в знак благодарности оказывать им свои услуги»².

Р.М. Магомедовым опубликовано несколько документов, освещающих акты освобождения из рабской зависимости. Так, в одной из старинных рукописей мечети сел. Гапшима им была обнаружена следующая запись: «Бек, сын Гази из [сел.] Кунди освободил своего раба Чупу достоверно и официально за 100 годовалых овец в течение десяти лет, с условием, что он (отпущенный раб) даст в конце каждого года тридцать аббаси и стоимость быка при свидетелях Али б. Тахир Улучари, Гусейн б. Мухаммад Бахикри, Мухаммед б. Дауд из Гидатла»³.

В другой рукописи, обнаруженной и опубликованной Р.М. Магомедовым, сообщается, что «Бек, сын Гази из Кунды, освободил своего раба Герги официально и письменно за 60 годовалых овец в течение шести лет с условием, чтобы он в последующем внес в конце каждого года десять овец. И его дети свободны как их мать. Так как бек освободил их мать Гельди, жену Герги, когда она еще маленькая была...»⁴.

В ходе борьбы народов Северо-Восточного Кавказа в 20–50 гг. XIX в. Шамилем были предприняты прямые шаги к освобождению *рабов*. Шамиль не только почти поголовно истребил аварских феодалов, но и освободил принадлежавших им рабов. *Рабы* узденской верхушки не были освобождены, но владельцам их Шамиль вменил в обязанность «снабжать людей всем необходи-

¹ См.: Рамазанов Х.Х. Указ. соч. С. 162.

² Шихалиев Д.-М. Указ. соч. С. 66.

³ Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 279.

⁴ Там же. С. 279.

мым и обращаться с ними человеколюбиво»¹. Как тут не вспомнить одну из рекомендаций священного писания мусульман: «Родителям делайте добро и близким, и сиротам, и беднякам, и соседу-родственнику и соседу-чужаку, и путнику, и тем, кем владеют десницы ваши»².

Разумеется, пишет Х.Х. Рамазанов, все это привело к резкому сокращению количества *рабов* в Аварии. Достаточно сказать, что к 1855 году здесь осталось всего 30 неосвобожденных *рабов*³.

Небезынтересны на наш взгляд выводы автора монографии, посвященной этнокультурным связям салатавских аварцев и засулакских кумыков во второй половине XIX – начале XX в. о том, что «под влиянием новых социально-экономических тенденций традиционное деление салатавских обществ на две группы: уздени (полноправные члены джамаата) и *лагъзал* (бесправное и малоимущее сословие) становилось все более условным. Нивелировались также различия между наиболее бесправными и угнетенными слоями салатавских сельских обществ – *лагъзал* и *чагъарал*, а также между такими категориями населения, как *багулал* и *апарагзаби*, прибывшими на территорию Салатавии в последнюю очередь и по этой причине считавшимися неполноправными людьми»⁴.

Как показывают источники, со временем менялось отношение и самих дагестанцев к фактам порабощения людей, как к явлению, несоответствующему не только предписаниям Корана, но и элементарным нормам гуманизма. Так, услышав о том, что жителями сел. Чиркей угнаны из Грузии и удерживаются в *рабстве* несколько человек, в том числе женщины и дети, к ним с настоятельной просьбой отпустить *невольников* обратились представители сел. Маалал: «Нам не верится, что от вас может исходить столь неподобающее дело, о котором мы слышали, – гово-

рится в письме маалалцев, – но все же правдивые люди рассказали нам, что это действительно так. По этой [причине] мы посылаем это письмо, веря в ваш намус и мужество. Надеемся, что вы не отвергните нашу просьбу если не ради нас, то хотя бы ради бога. Наша просьба основана на постановлениях шариата о том, что нельзя держать мусульман в качестве *рабов*. Отпустите же этих мужчин, женщин и детей, как отпустили наши люди. Клянемся именем бога, что у нас не осталось ни одного человека, принадлежащего к мусульманам, если только пленный, жалуясь [указывая] на это»¹.

После присоединения Дагестана к России кавказская администрация освободила население нескольких аулов, где жили исключительно *рабы*², а также предприняла некоторые меры к запрещению *работорговли*³. Однако царское правительство пока еще не ставило перед собой цель окончательно ликвидировать *рабство*, так как не хотело затрагивать интересы местных феодалов. «С покорением Дагестана, – писал Эсадзе, – уже при русском управлении, жалобы *рабов* стали повторяться чаще, а местная администрация... не могла помочь обиженным, так как подобное заступничество влекло за собой нарушение прав, предоставленных обычаями страны владельцам»⁴.

Крестьянская реформа в Дагестане, в Чечне, как и в целом в горских округах Северного Кавказа, была вызвана к жизни отменой крепостного права в России и вступлением ее в эпоху капиталистического развития. Проводимые здесь властями преобразования исторически были призваны способствовать вовлечению края в общее развитие России, в новую социальную структуру общества.

Когда освобождение зависимых категорий крестьян на Северном Кавказе стало неизбежным фактом, местные владельцы попытались взять это дело полностью в свои руки с тем, чтобы по-

¹ АКАК. Т. XII. С. 1481–1487.

² Цит.: Рабство в странах Востока в средние века. М.: Наука. Главная редакция Восточной литературы, 1986. С. 426.

³ Рамазанов Х.Х. Указ. соч. С. 166; Всеподданнейший отчет главнокомандующего Кавказской армией по военно-народному управлению за 1863–69 гг. СПб., 1870. С. 454.

⁴ Беркиханов М.С. Салатавские аварцы и засулакские кумыки: этнокультурные связи во второй половине XIX – начале XX в. Махачкала, 2012. С. 78–79.

¹ См.: Магомедов Р.М. Дагестан. Исторические этюды. ... С. 192.

² См.: Рамазанов Х.Х. Крестьянская реформа в Дагестане // УЗ ИИЯЛ Даг ФАН СССР. Махачкала, 1957. Т. II. С. 97.

³ ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 1. Д. 11»б». Л. 2; АКАК. 1866. Т. 1. С. 85; ЦГА РД. Ф. 105. Оп. 2. Д. 99а. Л. 11–13.

⁴ Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. Тифлис, 1907. Т. I. С. 468–469.

возможности потерять от этого как можно меньше. «Кавказские высшие военные власти, – пишет чеченский историк А.И. Хасбулатов, – опасаясь растущего недовольства горских крестьянских масс, стояли за определенные уступки крестьянам и скорейшее их освобождение»¹. В это время появляется большое количество прошений и жалоб со стороны крестьян на имя администрации по поводу несправедливостей со стороны владельцев и местных властей, что являлось своеобразной формой протеста против существующего своего бесправного положения. Владельцы боролись за такое освобождение, которое обеспечивали им выгоду и после, а зависимые слои крестьянства отстаивали свои интересы, добиваясь более благоприятных условий существования. В итоге и был выработан проект, который должен был обеспечить успех предполагаемой акции. Для непосредственного проведения реформы в жизнь были созданы мировые посреднические суды, деятельность которых регламентировалась специальной инструкцией.

Была разработана форма документа об освобождении зависимых сословий горских крестьян за выкуп. Освобождающимся выдавалось свидетельство единого образца следующего содержания: «Дано сие жителю ... области... округа... участка... *холоду* ... с семейством из ... душ обоего пола в том, что он с семейством его согласно распоряжения е.и.в., Главнокомандующего Кавказской армией и по решению мирового посреднического суда освобожден навсегда от крепостной зависимости, с обязательством исполнить все условия заключенные им, по добровольному соглашению, с бывшим своим владельцем, как означено на обороте сего свидетельства...»². Указывалась общая сумма выкупа, а также его часть, которую может отработать каждый член семьи и за какой срок. Мировые посредники впоследствии письменно указывали сколько и за какой год освобождаемый с семейством уплатил или отработал своему владельцу в счет погашения выкупной суммы.

Таким образом лишь в 60-х годах XIX века российская администрация на Кавказе под влиянием отмены крепостного права

¹ Хасбулатов А.И. Установление российской администрации в Чечне (II пол. XIX – нач. XX в.). М., 2001. С. 70.

² Цит.: Там же.

в России предприняла более решительные меры к ликвидации *института рабства* в Дагестане. Начальник Дагестанской области в 1861 г. в докладной записке указывал на безотрадное положение *рабов*, в частности, на два самых вредных обычая: обычай продавать членов одного семейства порознь и обычай, по которому дети, родившиеся от брака *рабыни* со свободным человеком, не пользовались правами отца, а вместе с матерью принадлежали владельцу. В связи с этим начальник области предлагал на первое время, чтобы владельцы «не иначе могли продавать, дарить или иным способом отчуждать своих *рабов*, как целыми семействами... чтобы крепостная женщина, вышедшая замуж за человека свободного состояния, не могла быть разлучаема с мужем без согласия сего последнего»¹.

Эти предложения были утверждены 7 апреля 1861 г. главнокомандующим Кавказской армией, который распорядился применить их «в виде опыта» как в Дагестане, так и в Терской и Кубанской областях².

В 1865 г. кавказская администрация запретила продажу *рабов* «жителям других областей, т.е. в общества с иным языком и обычаями», а продажа в пределах той же области разрешалась только при условии регистрации в окружных управлениях и судах³.

В апреле 1866 г. в Тифлисе по распоряжению наместника Кавказа был создан особый комитет по освобождению зависимых сословий в горских племенах Кавказа под председательством генерала Карцева, которому и было поручено разработать «начала и способы, которые должны лечь в основание освобождения зависимых сословий в горских племенах Кавказа»⁴.

Феодалы Дагестана не остались безучастными к подготовке освобождения *рабов*. В Докладной записке 22 кумыкских владельцев начальнику Кумыкского округа от 1866 г. была изложена точка зрения всех феодалов этого округа по вопросу об освобождении *рабов*. Они просили:

¹ ЦГИА РГ. Ф. 416. Оп. 3. Д. 98. Л. 1.

² См.: Рамазанов Х.Х. Указ. соч. С. 97.

³ Там же.

⁴ ЦГИА РГ. Ф. 416. Оп. 3. Д. 399. Л. 3.

1) Предоставить годичный срок для освобождения *рабов* «по взаимному согласию с ними».

2) Если за это время не удастся прийти к согласию, то провести освобождение *рабов* на следующих условиях:

а) размер выкупа определить по существующим ценам: до 10 лет – 100 руб., от 10 до 15 лет – 150 руб., от 15 до 50 лет – 400 руб., от 50 до 70 лет – 100 руб. (свыше 70 лет – бесплатно);

б) срок уплаты выкупной суммы установить от 4 до 6 лет;

в) *рабы* должны получить личную свободу путем единовременного выкупа или же оставаться у владельцев, чтобы зарабатывать деньги для выкупа;

г) если *рабы* не согласятся с этими условиями, то выкуп должно уплатить правительство¹.

Приведя эти пункты из точки зрения кумыкских феодалов по поводу условий освобождения рабов, Х.Х. Рамазанов пришел к выводу, что кумыкские феодалы по существу высказались в них против освобождения *рабов*, а их требование провести освобождение «по взаимному соглашению» с *рабами* явно было рассчитано на получение с них огромного выкупа².

Кавказская администрация вынуждена была отвергнуть многие из этих требований кумыкских феодалов.

В отличие от феодалов Кумыкского округа владельцы *рабов* в других местах Дагестана, по свидетельству С. Эсадзе, проявили «полную готовность содействовать успешному исполнению правительственной меры»³.

В других частях Дагестана размер выкупа в большинстве случаев определялся самими владельцами: для взрослого раба от 100 до 180 руб., для рабыни – 100 рублей, для несовершеннолетних обоого пола – от 50 до 100 рублей⁴.

Один из параграфов гл V монографии, посвященной историческому прошлому кумыков, С.Ш. Гаджиева отвела освобождению *рабов* и *чагаров*, где ссылаясь на С. Эсадзе, писала, что как только слухи о крестьянской реформе в России дошли до Даге-

стана, «жители с большим любопытством выражали желание узнать, насколько новый порядок, введенный в России, может быть впоследствии применен к Дагестану. Особенно интересовались этим *рабовладельцы* и *рабочепромышленники*»¹.

Почти одновременно с крестьянской реформой, т.е. в 1867 г., кавказская администрация добилась согласия *рабовладельцев* на освобождение *рабов*. В 1866 г. начальник Хасавюртовского округа полковник Ф.П. Вояковский поставил перед владельцами вопрос о необходимости освобождения рабов и потребовал представить соображения, на каких началах и когда можно будет осуществить это мероприятие. Рабовладельцы в ответ не отказались от освобождения *рабов*, но как уже указывалось выше, предложили свои условия².

В 1867 г. под давлением царской администрации освобождение *рабов* повсеместно в основном было завершено.

В Тарковском шамхальстве, Мехтулинском ханстве и в Присулакском наибстве (у князя Казаналипова) в 60-х гг. насчитывалось 460 *рабов* обоого пола³. По имеющимся данным, в Засулакской Кумыкии, т.е. отдельно в бывшем Кумыкском (Хасавюртовском) округе, входившем тогда в Терскую область, *рабов* обоого пола накануне реформы было всего 276 семейств или 944 души⁴.

Все движимое имущество, находившееся в пользовании *раба* при его освобождении, делилось пополам между ним и владельцем. Освобожденные семьи *рабов* приписывались к разным сельским обществам, наделялись наравне с крестьянами земельными наделами и облагались подымной податью после восьмилетнего срока со дня освобождения. В Хасавюртовском округе, например, по архивным данным было освобождено 276 семейств *рабов*, которые получали 7728 десятин земли, из них 1927 десятин из общинной земли, остальное из казенной⁵.

¹ Эсадзе С. Указ. соч. С. 471.

² ЦГА РД. Ф. 105. Оп. 1. Д. 44а. Л. 3.

³ Там же. Ф. 126. Оп. 2. Д. 71а. Л. 1.

⁴ ССКГ. Вып. 1. Тифлис, 1868. С. 40.

⁵ ЦГА РД. Ф. 147. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.

¹ ЦГИА РГ. Ф. 416. Оп. 3. Д. 1223. Л. 1. 3.

² Рамазанов Х.Х. Указ. соч. С. 98.

³ Эсадзе С. Указ. соч. С. 472.

⁴ Там же.

Как замечала С.Ш. Гаджиева, кроме выкупной суммы, которую вносили освобождающиеся *рабы* в пользу своих бывших хозяев, нередко царская администрация, правда, без широкой огласки, шла на вознаграждение *рабовладельцев*¹. Так, например, Али-Султану Казаналипову было обещано за освобождение 31 души 3500 рублей². Кавказское городское управление при этом в своем письме от 5 июня 1867 года предложило начальнику Дагобласти князю Меликову сделать это «в виде негласной меры, не в пример другим»³. Однако, как подчеркивала С.Ш. Гаджиева, многие *рабовладельцы* по Хасавюртовскому округу, особенно освободившие малолетних *рабов* бесплатно, стали получать в виде выкупа «единовременные пособия» от казны, ссылаясь на то, что они лишились «единственного средства к безбедному существованию»⁴. Такой помощью от государства, по данным С.Ш. Гаджиевой, «воспользовались эндирейские рабовладельцы, подпоручик Мусса Эльмурзаев, Кандауровы, Муртузали-Аджиёвы, аксаевские владельцы Асав Алибеков, Абдулмеджид Капланов, Биярслан Эльдаров и др.»⁵. За бесплатное освобождение малолетних детей, по архивным данным, пособие от казны *получили* 88 *рабовладельцев*. В качестве вознаграждения казна выдала им в 1867 г. «двенадцать тысяч рублей серебром»⁶.

В 1886 г. был учрежден Мировой посреднический суд по освобождению зависимых рабов в Кумыкском округе, действовавший до 1 марта 1968 г. В его состав вошли: майор Григорович (председатель), князь Аджиев (помощник), депутаты от *рабовладельцев*: поручик Ильяс Алиев, отставной штабс-капитан князь Капланов, депутаты от *рабов*: Икав Гаджи Дукаев, молла Акай Велиев⁷. Решением этого суда закреплялся официальный договор об освобождении *рабов* «в рассрочку». Т.е., *рабы*, не имевшие возможности сразу внести выкупную сумму, вступали во вре-

¹ Гаджиева С.Ш. Кумыки... С. 316.

² ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 3. Д. 146. Л. 2.

³ Там же.

⁴ Гаджиева С.Ш. Указ. соч. С. 316.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 317.

⁷ Там же.

менно-обязанные отношения на срок от 4 до 6 лет с их бывшими владельцами.

С.Ш. Гаджиева в своей работе приводит интересные данные, извлеченные ею из Североосетинского архива. Так, 22 апреля 1867 г. уздень Клычев Даит из с. Хаджи-юрт Хасавюртовского округа освобожден при поручительстве Казакмурзаева двух своих *рабов* – Терекбея Шахманова (24 года) за 200 руб. и брата его Курманая (20 лет) за 200 руб. серебром, с рассрочкой уплаты на 4 года, т.е. до 1871 г., с выплатой по 100 руб. в год.

Следует отметить, что при освобождении *рабов* должны были соблюдаться обязательные условия, с которыми, как это часто бывало, не считались ни администрация Кумыкского округа, ни бывшие *рабовладельцы*. В этих условиях между прочим отмечалось, что «уплата выкупной суммы делается по соглашению, или единовременно, или с рассрочкой (не более 6-ти лет), или же отбыванием обязательных работ в течение того же срока, с назначением за каждый год рабочей платы в количестве от 25 до 79 руб., которая и поступает в счет выкупа»¹.

Было и такое обязательное условие: «Владелец, во время нахождения освобождаемых на временно-обязательных работах, сверх рабочей платы должен кормить и одевать их, предоставлять им один рабочий день в неделю и 15 дней во время покоса»².

«На вспомоществовании беднейшим из освобожденных *рабов*», на создание основы их будущего хозяйства в 1867 г. российское правительство выделило 8 тыс. руб. серебром. Однако эти деньги до 1872 г. не были распределены между *рабами*, а были помещены во Владикавказский банк «для приращения процентами впредь до окончательного расчета временно-обязательных с их бывшими владельцами»³.

Естественно, не все освобожденные *рабы* могли внести выкупные суммы из-за бедности или болезни. Архивные документы свидетельствуют о случаях длительных тяжб бывших хозяев с неплатежеспособными *вольнотрущенниками*, которые реша-

¹ Освобождение зависимых сословий во всех горских округах Терской области // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. 1. С. 41.

² Там же.

³ Цит.: Гаджиева С.Ш. Указ. соч. С. 318.

лись на абсолютно абсурдных основаниях с точки зрения нашего современника. Так, по архивным данным, извлеченным С.Ш. Гаджиевой в Североосетинском республиканском архиве, владелец из сел. Эндирей Шабаз-Гаджи Исмаилов отпустил свою *рабыню* Арбе-кыз Дебирову, которая в течение 6 лет должна была внести бывшему хозяину выкупную сумму в размере 120 руб. серебром. Бывшая *рабыня* отказалась выплачивать выкупную сумму, сославшись на то, что, будучи в услужении, она прижила с хозяином сына. Однако горский словесный суд Хасавюрта решил дело в пользу бывшего хозяина, постановив взыскать с нее положенную сумму¹.

Если накануне 60-х гг. XIX в. в Дагестане было около 4830 *рабов* обоого пола, то к 1866–68 гг. осталось 1512 *рабов*. И на это были свои причины. По мнению Х.Х. Рамазанова такое резкое сокращение количества *рабов* объясняется, во-первых, тем, что царским правительством задолго до реформы был взят курс на ограничение рабства в Дагестане, в результате чего целые селения, населенные исключительно *рабами*, были освобождены военной администрацией, во-вторых, владельцы *рабов*, убедившись в скором освобождении *рабов* на условиях, разработанных царскими властями, решили провести освобождение «по обычаю», т.е. наиболее выгодно для себя².

Итак, окончательная ликвидация *рабства* в Дагестане началась в 1866 г. Из 138 *рабов*, находившихся в южном, среднем и западном Дагестане, 83 были освобождены безвозмездно и 45 за выкуп³.

В 1867 г. начальник Дагобласти предложил феодалам приступить к освобождению *рабов* «посредством полюбовных соглашений», определив для этого трехмесячный срок. При этом были озвучены фамилии тех владельцев, которые освободили своих *рабов* без выкупа. Затем еще 35 владельцев бесплатно освободили своих *рабов* в количестве 104 души⁴. 8 августа 1867 г. управляющий Северным Дагестаном вызвал в Темир-Хан-Шуру

всех остальных владельцев *рабов* Темир-Хан-Шуринского и Даргинского округов для составления и проверки списков *рабов*. В этот день еще 48 владельцев освободили 96 *рабов* без выкупа и 34 за выкуп¹.

«Таким образом, в 1867 г. было освобождено без выкупа 302 души обоого пола, за выкуп – 84 и осталось неосвобожденных *рабов* 212 душ», – констатирует Х.Х. Рамазанов, опираясь на данные грузинского архива². Освобождение *рабов* в Дагестане было завершено к 1 февраля 1868 года³.

Из 598 *рабов*, насчитывавшихся ко времени реформы в Дагестане, 340 освободились без выкупа, за выкуп от 100 до 180 рублей за мужчину, 100 руб. за женщину от 50 до 100 рублей за несовершеннолетних, и выше этих норм – 239, и 17 *рабов* осталось у владельцев на срок от 4 до 6 лет во временно-обязанных отношениях⁴.

Общее количество *рабов*, освобожденных в Дагестане в течение 1866–1868 гг. составило по данным, приведенным Х.Х. Рамазановым, 1542 души обоого пола. Около 80% имевшихся в Дагестане *рабов* должны были уплатить выкуп за свое освобождение или же отрабатывать выкупную сумму у владельца.

Все *рабы* получили свидетельства об освобождении и были приписаны к сельским обществам. *Рабы* в течение 8 лет освобождались от налогов и повинностей в пользу государства. Правительство ассигновало 11.300 рублей для оказания помощи освобожденным *рабам* и выдало более 15.500 руб. для вознаграждения феодалов, лишившихся материальной выгоды от эксплуатации *рабов*⁵.

Однако царская администрация не предприняла мер к наделению *рабов* землей. Только в Кумыкском округе они были наделены землей наравне с другими крестьянами. Но и здесь далеко не все *рабы* могли воспользоваться земельным наделом, так как не имели жилищ, сельскохозяйственных орудий, рабочего скота,

¹ См.: подробнее: Там же. С. 320.

² Рамазанов Х.Х. Крестьянская реформа в Дагестане... С. 99. Указ. соч. С. 99.

³ Там же.

⁴ См.: Освобождение бесправных *рабов* в Дагестане // ССКГ. Вып. 1. С. 51.

¹ Освобождение бесправных *рабов* в Дагестане // ССКГ. Вып. 1. С. 52.

² Рамазанов Х.Х. Указ. соч. С. 100.

³ Там же.

⁴ Освобождение бесправных *рабов* в Дагестане // ССКГ. Вып. 1. С. 52.

⁵ Рамазанов Х.Х. Указ. соч. С. 100.

а также необходимого количества зерна для сева и пропитания. Поэтому большинство *рабов* осталось у прежних своих владельцев, либо попало в кабалу к другим феодалам. И, тем не менее, в целом акт освобождения *рабов* в общественно-экономической жизни Дагестана был явлением положительным. *Раб*, считавшийся материальной ценностью своего господина, превратился в личность, которую уже нельзя было безнаказанно убить или продать, с которой теперь надо было считаться.

instituteofhistory.ru

8. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги проделанной работы, опираясь на вышеприведенный фактический материал, предельно внимательно изучив наблюдения, выводы и заключения ученых-кавказоведов по проблеме *рабства* в феодальном Дагестане, проведя все возможные аналогии с таким же институтом у сопредельных народов Кавказа, Русского государства, стран Востока, автор настоящего исследования пришла к следующим выводам, не претендуя, ни в коей мере, на истину в последней инстанции.

Прежде чем приступить к изучению истории *института рабства* в феодальном Дагестане, автор посчитала необходимым как можно четче и точнее определить понятие «*раб*».

Еще древнегреческие философы и римские ученые определяли *рабство* как состояние полной зависимости. Так, по словам Аристотеля (384–322 гг. до н.э.) *рабы* были «одушевленным орудием». Римский ученый Теренций Варрон (116–27 гг. до н.э.) называл *рабов* «говорящим орудием» (*instrumentum vocale*). Это мнение вошло в римское право и стало определением т.н. «**классического рабства**», оказав влияние на представление о рабстве вообще.

В связи с изживанием римского *рабства* и возникновением Христианства положение рабов в первые века н.э. изменилось к лучшему, за ними стали признаваться некоторые права, но они продолжали считаться собственностью своего господина. Поэтому **очень трудно дать научное определение *рабства*, которое бы учитывало все разнообразие положения *рабов* в разное время в различных регионах.** Однако это определение в 1895 г. дал английский историк и экономист Дж. К. Ингрэм. Согласно его мнению, главная особенность рабства заключается в том, что **«господин владеет личностью своего раба, хотя права, вытекающие из такого владения, могут подвергаться разнообразнейшим ограничениям».** Он же определил критерий различия рабства и крепостного права: «переход от *рабства* к крепостному праву... начинается с той минуты, как господин... лишается своей собственности, олицетворяемой личностью *раба* и сохраняет право только на его труд и услуги, или на известную часть этих услуг».

Советский юрист А.В. Венедиктов в 1948 г. (ссылаясь на труд И.В. Сталина «Вопросы ленинизма») выделил два отличия крепостных от *рабов*: 1) крепостной является собственником своего движимого имущества; 2) господин не имеет в отношении крепостных права жизни и смерти, что является неточным, поскольку в Римской империи владельцы лишились права убивать *рабов* во II в. н.э., а в Китае – ранее I в. н.э. (вероятно во II в. до н.э.), в то время как в Южной Италии (до XIII в.), в Арагоне (до 1730х гг.) и в Польше (до 1768 г.) феодалы имели право жизни и смерти в отношении зависимых крестьяне, а право собственности лично зависимых крестьян во многих государствах регулировались не законом, а обычаям. Таким образом, *раб* – это человек, находящийся в собственности другого лица, и, хотя эта собственность может быть ограниченной, господин имеет безраздельное право на его эксплуатацию.

Во многих случаях *раба* трудно отличить от крепостного, поскольку два основных признака *рабского* и крепостного состояния, а именно то, что это люди, являющиеся собственностью другого человека, или группы людей, люди, утратившие право собственности на свою личность, «право распоряжаться собою в пределах действующих в обществе правовых установлений, по своему усмотрению и в своем интересе», люди, подвергающиеся эксплуатации путем внеэкономического принуждения, – признаки, характерные как для *раба*, так и для крепостного.

Разделение *рабов* и крепостных по их отношению к средствам производства (*раб* лишен их полностью, а крепостной лишь частично) не является надежным критерием, во всяком случае для стран Востока, где нередко *рабы* имели и семью и собственность. Ограничение объема права собственности хозяина на лично несвободного, различие в объеме этих прав также не могут служить надежным критерием для определения того или иного лично-несвободного – *раб* он или крепостной. Между тем понятие крепостного состояния в марксистской науке относилось прежде всего к крестьянам, прикрепленным к земле феодала. «Основной признак крепостного права, – писал В.И. Ленин, – тот, что крестьянство... считалось прикрепленным к земле». (О том, что в России существовало крепостное право известно всем. Но что оно представляло собой на самом деле мало кто знает. А ведь

еще на момент начала крестьянской реформы 23 миллиона русских крестьян с точки зрения законов Российской империи представляли собой полную частную собственность своих господ. И эта «крещенная собственность» продавалась с разлучением семей, ссылаясь в Сибирь, проигрывалась в карты и, наконец, погибала под кнутом и розгами от бесчеловечных наказаний не только до самой даты «освобождения» 19 февраля 1861 года, но в некоторых случаях еще в течение нескольких лет после неё. А многие юридические и бытовые пережитки крепостничества оставались в силе до последних дней существования империи. Видимо, правда о двухвековом периоде народного рабства часто, по разным соображениям, оказывается слишком неудобной. Но нельзя забывать, что историческая правда всегда «горчит» в сравнении с подслащенным историческим мифом).

Смотреть на *раба* как на вещь, как на «говорящее орудие» также не было характерным для обществ стран Востока.

Согласно юридическим нормам всех без исключения обществ *раб* – это человек, утративший личную свободу, т.е. право распоряжаться собою в пределах действующих в обществе правовых установлений по своему усмотрению и в своих интересах. *Раб* является собственностью другого лица (или группы лиц). Иначе говоря, *раб* – это человек, утративший право собственности на свою личность.

У дагестанцев издавна существовала и развивалась сложная социальная терминология, отражавшая имущественное и правовое положение различных слоев населения. Весьма пестрая картина социальной структуры феодального Дагестана предопределяла и такую же сложную социальную терминологию, даже одного, отдельно взятого социального института, в данном случае институт рабства в феодальном Дагестане. От того или иного истолкования смысла того или иного социального термина зависят выводы как исследователя, так и читателя.

С другой стороны такое разнообразие терминов, характеризующих изучаемый социальный институт, не оставляет сомнений в том, что он имел место в феодальном обществе Дагестана, составляя характерное своеобразие социального развития региона, будучи в то же время одной из вариаций базовой модели рабства на Кавказе, в целом в странах Востока и не только.

Проблема *рабства* в феодальных владениях Северо-Восточного Кавказа, Дагестана в частности, рассматривалась в трудах северокавказских и дагестанских ученых в связи с разработкой общих вопросов социально-экономической и политической истории региона. По проблеме имеются отдельные статьи и разделы в монографиях и квалификационных трудах, посвященных истории различных регионов и этносов Северо-Восточного Кавказа, хронологически относящихся к позднесредневековой эпохе.

Ряд дагестановедов считает *рабство*, во всяком случае в районах каспийского побережья и Восточного Дагестана, «самостоятельным укладом». Так Х.Х. Рамазанов, делая ряд экскурсов в историю *рабства*, приходит к выводу о том, что оно в Дагестане являлось одним из *социально-экономических укладов*, было «патриархальным», «домашним». А.Р. Шихсаидов рассматривает *рабство* как одну из *особенностей развития феодальных отношений* в Дагестане, полагая, что оно было «домашним» и служило средством обогащения феодализирующейся знати.

Наличие *рабов* на Северо-Восточном Кавказе вплоть до середины XIX в. фиксируется фактическим материалом, архивными документами, опубликованными в различных дореволюционных изданиях, а также в публикациях документов, осуществленных советскими историками. О бесспорности факта существования в регионе *института рабства* свидетельствует и наличие в языках всех местных народов социального термина, несущего содержание понятия «*раб*», это: *лаг, лай, лукI, кул, караваш* и др., а также *ясырь*. Однако, хотя эта категория населения и именовалась *рабами*, по своему общественному положению очень отличалась от *рабов* в обычном классическом понимании этого слова.

Как известно, патриархальное *рабство* в определенных условиях перерастало в рабовладельческую формацию. В Дагестане в частности, как и повсеместно на Северо-Восточном Кавказе, этого не произошло, так как в недрах горского общества не было для этого необходимых условий. Эксплуатация их труда могла найти в горах крайне ограниченное применение, преимущественно в обиходе феодалов.

На протяжении всей истории человечества основным источником пополнения числа *рабов* были военнопленные. Чело-

век, взятый на войне в плен, рассматривался как захваченное имущество и на основании права силы, захвата считался *рабом*. Взятый в плен иноплемennик был «не свой», «чужой» человек, что позволяло приравнивать его захват к захвату скота и прочего имущества и обращать в *рабство*. Таким образом, акт захвата, став нормой права, приобрел юридическую силу. По римскому праву захват в плен был юридическим основанием для возникновения *рабского* состояния.

Главным источником пополнения контингента *рабов* и в средние века были не только войны, но и набеги феодалов в соседние области, что давало большое число пленных для продажи или обращаемых в домашнюю прислугу.

В XVIII – начале XIX в., в связи с все более расширявшимися товаро-денежными отношениями, не прекращается торговля *рабами*, что стимулировало пленение и захват *ясырей*. Междоусобицы феодалов являлись благодатной почвой для пленения людей. Захватывали *ясырей*, нападая на проезжих из Закавказья в Терки и Астрахань, в Кабарду, Кубань, Крым. Нападали на причалившие к каспийскому берегу корабли, грабили, а людей уводили в плен. Практиковались набеги дагестанских феодалов на закавказские владения, уводя в «полон людей, продавали их в разных местах до Согратля, Дербента, Тарки...».

Со второй половины XVI в., замечал профессор Р.М. Магомедов, два важных явления, коснувшиеся Грузии и Дагестана, имели огромное значение: во-первых, волна ирано-турецкого военного соперничества и экспансии докатывается до Дагестана, во-вторых – начало «*лекианобы*», т.е. систематических набегов горских феодальных дружин на Грузию. Разбой и набеги феодальных владетелей приводили к разорению селений и гибели людей; уводились в плен работоспособные мужчины и женщины, уничтожались посевы, сады, жилища. Набег был фактически одноактным действием. Возглавляемые феодалами, главами общин или предводителями групп, небольшие отряды неожиданно врываются в села и также молниеносно скрывались. Но угроза нападения была постоянным явлением, сковывая развитие производительных сил.

Как пишет дагестанский ученый Д.М. Магомедов, «основным источником возникновения зависимых людей в Карате были

войны и набеги, участниками которых часто выступали каратинцы». Большинство военнопленных поставлялось из Грузии. Как полагает этот автор, сложившиеся взаимоотношения между народами Дагестана и Закавказья в XVI–XVIII вв. сыграли важную роль в имущественном и социальном расслоении обществ Западного Дагестана.

Не отрицая общеизвестных фактов систематических набегов на Грузию, историки установили характер набегов – феодальный, в основном провоцируемый феодальной верхушкой. Организация этих набегов, по мнению профессора Р.М. Магомедова, осуществлялась с целью отвлечь «наиболее активный и мобильный общественный элемент от его истинных врагов – феодальной верхушки, а попутно их руками обогатить эту верхушку».

Справедливости ради следует отметить, что если набеги дагестанцев получили название «*лекианоба*», то аналогичные действия грузин-горцев тушин назывались «*меконроба*», хевсуров – «*аптарекоба*». Такие набеги совершали представители и других горских народов Кавказа: кистины, осетины, сваны. Т.е. набеги на Дагестан также становятся частью политики феодалов Грузии с целью захвата добычи.

Участники набегов делили добычу между собой, включая и пленных, которых превращали в *лагов*. Они могли их продать, подарить, держать в доме и на хуторе. Большинство пленных оседало у ханов и беков, у общинной верхушки и богатых узденей. Духовенство тоже участвовало в дележе добычи.

«Грузины, армяне, мингрелы, – свидетельствовал С. Броневский, – составляют большее число сих пленников. Однако бывают между ними магометане и горские жители, захватываемые по случаю междоусобных распрей в барамту или продаваемые родителями от бедности.

М.Б. Лобанов-Ростовский писал по этому поводу следующее: «*Рабы*, происходят или от пленных, взятых на войне, или от бедных людей, обманом вывезенных из своих деревень и проданных потом какому-нибудь кумыку, князю или узденю. Промышленность эта до сих пор (середина XIX в.) очень деятельно производится между ними. Молодые удалыцы их, рыская по соседям, чтобы выгнать, из какого табуна будет угнать лошадь или буй-

вола, не пропустят удобного случая украсть мальчика или девочку и даже взрослого, когда на то есть возможность».

Судя по архивным источникам, подавляющее большинство *рабов* было немусульманского происхождения или из мусульманшиитов (*кьул-кьажар*, т.е. «*раб-перс*»). Причина этого обстоятельства, видимо, скрывалась в том, что, согласно предписаниям Ислама, единоверец-мусульманин не мог быть обращен в *рабство*. Однако не всегда это предписание бралось в расчет: в некоторых случаях им пренебрегали, о чем свидетельствуют многочисленные архивные документы, данные которых приведены нами выше.

С.Ш. Гаджиева в своем фундаментальном труде, посвященном историческому прошлому кумыков, говоря о подобных нарушениях предписаний Корана, утверждает, что нередко в *рабы* попадали представители свободного происхождения и даже переходили от одного владельца к другому. При этом она приводит архивные данные, свидетельствующие об этом: в 1850 г. сын Абдул-Муслим шамхала продал жителю с. Аксай беременную женщину Рукият свободного происхождения, обвинив ее в плохом поведении, за две лошади стоимостью 100 руб. сер. Ее хозяин, оставив себе «приплод», отдал рабыню своей сестре, муж которой обратил ее в наложницы. После этого она была продана в Малую Кабарду.

Т.М. Айтберов, изучив ряд памятников XVI–XVII в., вводимых им в научный оборот, приходит к выводу, что в этот период «в мусульманском Дагестане имелись *рабы-мусульмане*».

Вторым равноправным по значимости источником пополнения числа *рабов* в средневековье было их естественное воспроизводство. *Рабское* состояние было наследственным. Потомок *раба* мог стать только *рабом*. Хозяева заботились о воспроизводстве *рабов* так же, как заботились о размножении скота. Приравнение положения *рабов*, в особенности *рабынь*, к положению скота – характерная черта *рабовладения* и его оформления в праве не только в странах средневекового Востока. В Киевской Руси ребенок от *рабыни* приравнивался к плоду от скота: *челядь* тем только и отличалась от скота, что могла лишь говорить. На Ближнем Востоке дети от брака *раба* со свободной рассматривались как *рабы*. А женщина, вышедшая замуж за *раба*, сама стано-

вилась *рабыней*, если не внимала троекратным предостережениям хозяина этого *раба*.

Примеры многочисленны и достаточно красноречивы.

В Дагестане по адату дети невольницы, даже рожденные от брака со свободным, также обращались в рабство того же владельца, кому принадлежала мать.

Некоторые нормы обычного права дагестанских народов позволяют реконструировать формы обращения свободных в *рабов*. Так, в адатах дагестанских народов сказано, что «при несостоятельности должника последний отдается сельским судом на работы и заработанные деньги поступают его кредиторам». При удачном стечении обстоятельств должник попадал во временную кабалу. В противном случае превращался в *раба*, попадая в т.н. *долговое рабство*.

В *уголовное рабство* попадали воры, кровники и другие преступники и нарушители. На некоторых налагались высокие судебные штрафы, или они должны были возместить ущерб пострадавшему. Так, у Засулакских кумыков за воровство имущества князя виновный платил в десять раз больше стоимости краденного; в случае же, если виновный оказывался не в состоянии выплатить в десять раз больше, то поступал к князю в рабство».

Другим источником *рабства* в Дагестане был обычай превращения кровников (*канлы*) в *рабов*. В архивных документах конца XVIII в. фиксируется множество сведений, сообщающих о том, как кровники из Дагестана, чтобы избежать мести или продажи в *рабство*, назывались христианами, прося защиты у кизлярского коменданта.

В Присуласком наибстве за убийство бека узденем вместе с убийцей в *канлы* выходили шесть ближайших его родственников и при примирении убийца должен был служить родственникам убитого как раб.

Приобретались *рабы* и путем покупки, о чем имеются многочисленные архивные свидетельства. В 1633 г. в челобитной посла шамхала Тарковского царю Михаилу Федоровичу говорится о разрешении купить для Ильдар-шамхала «татарского *ясырю* 15 человек».

Дарение *рабов* и передача их в приданное и по завещанию также имели место в Дагестане и являлись своего рода, источни-

ками пополнения этой категории лично зависимого населения у того или иного собственника.

Каково было место *рабовладельческого уклада* в хозяйственной жизни Дагестана, определить трудно. Ясно, однако, что в исследуемый период он не играл большой роли. В изучаемое время *рабы* жили при дворах владельцев. Часть из них, как отмечал Р.М. Магомедов, состояла из дворовых слуг, другая часть работала на поле в хозяйстве феодала.

Согласно документам, *кулы* и *караваши* – это *дворовые люди, невольники*, не имеющие никаких прав в отношении к своим владельцам. Владелец их одевал и кормил или отдавал в их распоряжение на каждое хозяйство по паре быков с арбою, позволяя им по окончании господских работ промышлять на себя, в таком случае господин их не одевал, а только кормил.

В документах XVIII в. прослеживается четкое разделение *рабов* на две группы: *дворовых чагар* и *ясырей*. *Дворовые чагары* – это *рабы*, родившиеся в доме своего господина. В русских источниках они упоминаются еще как «*природные холопья*». *Дворовые чагары* были связаны со своими хозяевами тесными узами в течение ряда поколений.

Ясырями же называли пленных, захваченных во время набегов и проданных в *рабство*.

Само по себе рабство во все времена было величайшим несчастьем, а *раб* не считался полноценным человеком.

Социально-правовое и имущественное положение *рабов* по мнению большинства дагестановедов было исключительно тяжелым. Раб был для владельца всего лишь материальной ценностью, *живым товаром, говорящим инструментом*, с которым хозяин вправе поступить как ему угодно. Труд *раба* не регламентировался: он был обязан исполнить все, что от него потребует хозяин, получая за это лишь скудное пропитание и одежду, необходимые для физического существования.

По сведениям Н.Д. Дубровина, *кулы* находились в полной власти господина, который имел право наказать его, казнить, продать с семьей или отдельно, разлучить мужа с женой. Однако, несмотря на это, «положение крепостного состояния» у кумыков было менее тягостно, чем у русских, что легко объясняется «характером и нравом народа», – считал Н.Д. Дубровин.

Юридически *рабы* представляли собой самую бесправную социальную группу общества. Само состояние неволи лишало *раба* значения юридического лица, приравнивая его к вещи, скоту.

Рабы, согласно адатам горцев, были лишены каких-либо политических прав; не могли быть допущены к разбирательству дел в качестве свидетелей или к участию в сходе джамаата. За *рабами* официально не признавалось право иметь семью. Однако на практике владельцы, заинтересованные в увеличении «*живого товара*», поощряли внебрачные связи рабов. Родившиеся в результате дети, так же как и их родители, принадлежали владельцам. Если *рабыню* выдавали замуж за *раба* другого владельца, то в случае смерти ее мужа *рабыню* возвращали обратно владельцу.

Как писал Г.Г. Османов, «дагестанский адат совершенно не ограничивал прав владельцев. Убийство *раба* или нанесение ему увечья третьим лицом феодальный обычай рассматривал как материальный ущерб, нанесенный владельцу, и требовал компенсации». Так, в адатах даргинцев говорится, что «за убийство *кула* и *каравашки* делается вознаграждение владельцу и более никакому взысканию виновный не подвергается. За убийство *кулом* кого-либо взыскание делается с владельцев и он же делается *канлы* родственников убитого. Но если владелец не согласится быть *канлы*, то должен освободить *кула* из крепостной зависимости и тогда *кул*, сделавшись свободным, признается сам *канлы*».

Рабы в союзах сельских общин были источником обогащения в основном феодализирующейся верхушки общества. Их здесь было много, о чем говорит образование из бывших *рабов* целых *рабских тухумов*. Такие тухумы были в сел. Муги; в Цудахаре; в Акушинском обществе и др. Но потомки и таких освобожденных *рабов* не считались равными с остальной частью населения, на них еще долго оставалось клеймо происхождения. Н. Дубровин писал, что «в сел. Корода Гунибского округа, каждую пятницу после службы чауши обходят всех потомков *рабов*. Помни, говорят они при этом каждому, что ты приходишь не от узденя».

Неравноправие *рабов* выражалось и в других формах. Даже после освобождения за бывших *рабов* и их потомков не выдавали замуж девушек из других сословий, они не допускались на джа-

маат, их не выбирали на административные должности, они не имели права находиться на годекане, когда там были уздени. В сел. Муги во время молитвы в мечети потомки вольноотпущенников не имели права стоять впереди узденей, если даже они становились учеными-арабистами.

Рабы рассматривались недееспособными, «на основе свидетельства *лага* суд не принимал никаких серьезных решений, так как это свидетельство не могло быть подтверждено клятвой».

Эксплуатация *рабов*, первоначально носившая ярко выраженные патриархальные черты, со временем стала частью феодальных форм отношений. Наделяясь землей и орудиями труда, *рабы* фактически стали эксплуатироваться феодальными методами. На этой основе происходило сближение форм эксплуатации рабов и крепостных крестьян, их правового и имущественного положения. *Рабовладельческий уклад* в форме *домашнего рабовладения* тесно переплетался с феодальными отношениями.

В феодальном Дагестане численность *рабов*, надо полагать, не была такой уж значительной. Однако, несмотря на преобладающую роль свободных общинников, и их труда во всех отраслях хозяйства и ограниченном использовании *рабов* и их труда в сфере домашних услуг, само присутствие *рабства* в дагестанском обществе оказывало огромное воздействие на социальную психологию и правосознание всех его членов.

По мере усиления процесса закабаления обедневших рядовых узденей феодальной верхушкой уменьшалась потребность в труде *рабов*. Феодалы, считая содержание *рабов* для себя тягостным, либо продавали их, либо размещали на своей земле отдельными селениями. Иначе говоря, они переводили *рабов* на положение крепостных. Однако общественно-политическое положение таких крепостных мало чем отличалось от положения *рабов*.

Скудость земельных площадей, пригодных для сельскохозяйственного использования, неизбежно приводила к тому, что *рабов*, не проданных за пределы Дагестана или не выкупленных сородичами, приходилось освобождать за выкуп или даже без него. Отпустить на волю *раба* считалось делом богоугодным, актом благочестия, поэтому при болезнях или каких-либо потерях в семействах владельца *рабов* отпускали на волю, вследствие данного обета. Потомки *рабов*, получивших таким образом волю, про-

должали жить в тех же общинах, где когда-то осели их предки, со временем образовав *тухумы рабов*, которые имелись чуть ли ни в каждом селении. И не смотря на их формальную личную свободу они продолжали носить *рабское* клеймо, что в глазах стороннего наблюдателя порой создавало несколько преувеличенное впечатление о количестве *рабов* и значении *института рабства* в феодальном Дагестане.

Работорговля – неотъемлемая часть человеческой цивилизации. В Римской империи, в античной Греции, в Византии, в странах Ближнего и Дальнего Востока и практически всюду на протяжении всех исторических эпох мы сталкиваемся с этим жестоким и противоречивым явлением. Источники свидетельствуют, что, будучи одним из видов имущества, рабы, в особенности пленники – *ясыри* на Северном Кавказе выступали объектами купли-продажи, заклада, выкупа или обмена, что было намного выгоднее, чем использование их в качестве рабочей силы.

В Дагестане *работорговля* получила довольно широкое развитие, контингент рабов был текучим вследствие стремления владельцев сбыть лишних из них. В этом и заключалась одна из специфических особенностей *рабства* в Дагестане.

Еще в 1670 г. голландский путешественник Ян Стрейс, сам познавший в Дагестане «сладость» *рабского* состояния, свидетельствовал, что «главная торговля... жителей Дербента состоит в купле и продаже *невольников*... сюда прибывают дагестанские... татары, которые торгуют лошадьми,... людьми, мужчинами, женщинами и детьми, краденными друг у друга, а большей частью у русских...».

Контингент *рабов*, поставляемых на невольничьи рынки Кавказа в XVIII в., пополнялся в основном за счет пленников-христиан «мужска и женска полу, природы из Грузии, *ясырей*». Основными покупателями последних выступали турецкие и крымские купцы, связанные узами куначества с феодальными владельцами Большой и Малой Кабарды, Чечни и Дагестана, через которых они и приобретали ценный «*живой товар*».

Одним из значительных центров работорговли на Северо-Восточном Кавказе являлось селение Эндирей. В народной памяти и доньне бытуют легенды об эндирейском торжище невольниками. А.М. Буцковский писал, что Эндирей, являясь «воротами

между горами и долинами, соделалось сборным местом и главной ярмонкою для торга пленными, откуда оные уже перепродаются в турецкие пристани на Черном море».

В одном из архивных документов XVIII в. сообщается о продаже в Эндирее *ясыря*, привезенного из Тарков в «Чеченскую деревню». В другом – говорится о грузине, взятом «из Тифлиса в полон тавлинцами», который был «продан кумыкам, а от них черкесам в Большую Кабарду».

Живой товар можно было приобрести также в Тарках, Аксае, Анди, где велась бойкая торговля *невольниками*, являвшаяся одной из статей доходов дагестанских феодалов. Практиковавшаяся в регионе в течение столетий *работорговля* вызвала появление посредников в лице купцов, у которых торговля *ясырями* превратилась в специальный промысел. Р.М. Магомедов писал: «в Аварии часть *рабов* продавали восточным купцам через скупщиков в Дербенте, Тарках, Аксае...». В одном из архивных документов XVIII в. сообщается, что азовские купцы ездят со своими товарами в кумыцкие селения, а после продажи тех товаров с большим количеством (до 200 и более чел.) купленных *ясырей* обратно.

Кизлярский комендантский архив дает нам сведения о высоких ценах на *ясырей*, что, вероятно, можно объяснить большим спросом со стороны кабардинских феодалов, имевших крупные прибыли от перепродажи невольников крымским и турецким купцам, да и самих этих купцов, которые через Большую и Малую Кабарду беспрепятственно добирались до невольничьих рынков Дагестана. Цена зависела и от ряда внешнеполитических и внутренних обстоятельств, от физических особенностей, знания ремесла, а также от красоты и возраста.

Работорговля приносила баснословные барыши. Если на местах за женщину или девушку просили от 200 до 800 руб. серебром, то на турецких рынках цена подсакивала до 1500 руб. серебром. Это позволяло турецким контрабандистам на Черном море утверждать, что если из 10 судов, нагруженных «*живым товаром*», они потеряют 9, то оставшееся одно окупит всю потерю. Неудивительно, что турецкие купцы, доставлявшие горцам разный товар, обменивали его не иначе как на девушек и мальчиков.

В исследуемый период *рабыня* на Кавказе нередко служила эквивалентом денег или обмена наравне со скотом, оружием. Н.Ф. Дубровин приводил следующие расценки: «лучший панцирь» стоил «двух рабынь; другой панцирь стоил одной рабыни; налокотники – одной рабыни, еще шашка похуже – пять лошадей».

Как отмечал в своих мемуарах Ф.Ф. Торнау, торговля женщинами «для турецких купцов составляла источник самого скорого обогащения. ... В три или четыре рейса турок, при некотором счастье, делался богатым человеком...». Недаром русский ген. Р.А. Фадеев, современник описываемых событий, подчеркивал, что «Весь Кавказ один невольничий рынок».

Российская администрация на Кавказе делала все от нее зависящее, чтобы пресечь торговлю «*живым товаром*». Терские воеводы, а затем и кизлярские коменданты имели специальные денежные средства для выкупа *рабов-христиан*, особенно русских *невольников*.

В показаниях «беглых» в Кизляр *ясырей* фиксируются различные села Дагестана, откуда они бежали: Хунзах, Мехельта, Гимры, Унцукуль, Цада, Балхар и др. По существовавшим правилам *ясыри* из христиан, которым удалось бежать под покровительство кизлярского коменданта, не подлежали возвращению горским владельцам. Лишь в том случае, если владельцы были подданными России, им выплачивалась компенсация: кабардинцам – 50 руб. за *ясыря*, кумыкам – 25 руб.

В кавказоведении однако существует мнение, будто таким образом царская администрация в регионе лишь в очень незначительной мере способствовала ограничению торговли *живым товаром*, если только не провоцировала ее, а некоторые алчные представители российской администрации на местах нередко выступали заинтересованной стороной в этом процессе. Надо полагать, что выкуп *ясырей* российскими властями, с одной стороны, являлся как бы актом гуманности, с другой – поощрял местных кавказских владельцев на набеги и захват пленников с целью их выгодной продажи или обмена.

Политика царского правительства по отношению к *рабству* и торговле *живым товаром* на Северном Кавказе была противоречивой и непоследовательной, хотя русскими военачальниками

и предпринимались шаги, приведшие к ограничению этого явления. Так, было «... запрещено пропускать в кумыцкие и Дагистанские жилища крымских купцов, промышляющих торговлю *невольников...*».

Нередко царские власти на Кавказе, занимая отдельные территории, освобождали *рабов* целыми аулами с последующим уравнением их в правах с остальными жителями. Но подобные меры принимались лишь по отношению к тем *рабовладельцам*, которые, изменив верноподданническим обязательствам перед царизмом, ориентировались на Турцию и Персию. Что же касается верноподданных, то они продолжали иметь *рабов*. Более того, в отдельных случаях предпринимаемые властями шаги объективно стимулировали захват «*живого товара*».

И лишь в 60-х гг. XIX в. политика царизма в отношении *рабства* и *работорговли* на Северном Кавказе стала более-менее последовательной, что было связано с эпохой буржуазных реформ в России. В 1861 г. дагестанским владельцам было в категорической форме запрещено продавать и дарить своих *рабов* не иначе, как целыми семьями. В 1865 г. было запрещено продавать *невольников* жителям других областей, однако продажа в пределах той же области разрешалась, но при условии регистрации в окружных управлениях и судах. В этот период царские власти всячески поощряли безвыкупное освобождение владельцами своих *рабов*.

Эксплуатация *рабского* труда не играла сколько-нибудь существенной роли в процессе производства в горском обществе Дагестана. Да и сами возможности использования *рабского* труда и, следовательно, потребности в нем дагестанского общества были сравнительно невелики. Особенности хозяйственной жизни горцев, а именно: экстенсивное животноводство, скудность пахотных земель требовали небольшого числа рабочих рук, то и потребности горского общества в труде *рабов* была невелика, что, в свою очередь, и обуславливало малочисленность к XIX в. этой категории зависимого сословия и специфичность их положения в Дагестане. В хозяйстве Дагестана не существовало специфической *рабской сферы труда*: труд невольников сочетался с трудом свободных общинников и не составлял основы производства ни в одной из отраслей хозяйства горцев.

Место *рабов* и удельный вес их труда в общей системе эксплуатации были в целом весьма незначительны. Численность *рабов*, их удельный вес в обществе, место в производстве были ничтожно малы по сравнению с численностью, удельным весом и местом в общественном производстве различных категорий феодально-зависимых крестьян вместе взятых. Применение труда рабов в основном в непроизводительной сфере как бы сопутствовало становлению и развитию феодализма и продолжало существовать в течение столетий так и не сложившись в уклад. Эксплуатация *рабов*, первоначально носившая ярко выраженные патриархальные черты, со временем стала частью феодальных форм отношений.

9. БИБЛИОГРАФИЯ

I Источники

а) Архивные документы

Центральный государственный архив Республики Дагестан – ЦГА РД

Ф. 2. Канцелярия военного губернатора Дагестанской области, г. Темир-Хан-Шура. 1883–1917. Оп. 3. Д. 14-б. Л. 2.

Ф. 90. Комиссия по разбору сословно-поземельных прав Дагестанской области, г. Темир-Хан-Шура. 1877–1898. Оп. 1. Д. 6, 7, 18.

Ф. 105. Кумыкский окружной отдел комиссии по правам личным и поземельным туземцев Терской области. Управление Хасавюрта, 1890–1918 гг. Оп. 1. Д. 44-а. Оп. 2. Д. 71-а; Оп. 3. Д. 48.

Ф. 126. Канцелярия начальника Дагестанской области, г. Темир-Хан-Шура. Оп. 1. Д. 11-б; Оп. 2. Д. 71-а; 72-г.

Ф. 147 Управление Хасавюртовского округа Терской области г. Хасавюрт, 1867–1917. Оп. 1. Д. 2, 3.

Ф. 330. Комитет улучшения садоводства и укрепления берегов р. Терек Кавказского областного управления г. Кизляра. Оп. 1. Д. 28

Ф. 339. Походная канцелярия генерал-лейтенанта А.П. Девица. Оп. 1. Д. 5, 6, 26, 451, 1193.

Ф. 379. Кизлярский комендант. Оп. 1. Д. 3, 125, 191, 289, 336, 337, 357, 436, 439, 450, 494, 565, 567, 569, 681, 1169, 1170, 1193, 1204, 2680, 3201, 3592.

б) Материалы рукописного фонда Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН – РФ ИИАЭ ДНЦ РАН

Агларов М.А. Общественный строй народов Дагестана // Ф. 3. Оп. 3. Д. 208.

Айтберов Т.М. Сведения по истории Дагестана до XVII в. вкл., извлеченные из различных записей. Ф. 1. Оп. 1. Д. 550.

Алиев Б.Г. Полевой материал, 1963 г. // Ф. 1. Оп. 1. Д. 375.

Алиев Б.Г. Полевой материал, 1976 г. // Ф. 1. Оп. 1. Д. 553.

Алиев Б.Г. Полевой материал, 1979 г. // Ф. 1. Оп. 1. Д. 562.

Ахмедов Ш.М. Рабство в Дагестане // Ф. 3. Оп. 2. Д. 287.

Далгат Б.К. Обычное право и родовой строй народов Дагестана. 1934 г. // Ф. 5. Оп. 1. Д. 22.

Записка о сословно-поземельном строе в Кайтагес приложениями к ней // Ф. 1. Оп. 1. Д. 155.

Запись о правах и преимуществах господствующих групп населения; об адатах и управлении населения жителей Присулакскогонаибства // Ф. 5. Оп. 1. Д. 79.

Маршаев Р.Г. Социально-экономическое и политическое устройство Дагестана в XVI–XVII вв. // Ф. 3. Оп. 1. Д. 22.

Обзор Дагестанской области за 1902 г. / Сост. Е.И. Козубский. Темир-Хан-Шура, 1902. Вып. 1.

Обзор Дагестанской области за 1902 г. / Сост. Е.И. Козубский. Темир-Хан-Шура, 1904. Вып. 2.

Обозрение Российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях / Под ред. В.С. Легнобытова. СПб., 1836. Ч. 1.

Омаров А.С. Правовые памятники Дагестана (XVI–XVIII вв.) // Ф. 3. Оп. 1. Д. 49.

Памятники обычного права Дагестана. XVII–XIX вв. Архивные материалы / Сост., предисловие и примечания Х.М. Хашаева. М.: Наука, 1965.

Тамай А.И. Кумыки в XV–XVII вв. // Ф. 3. Оп. 3. Д. 29.

в) Опубликованные документы и материалы

Адаты Дагестанской области и Закатальского округа. Тифлис 1899.

Адаты даргинских обществ // ССКГ. Тифлис, 1873. Вып. VII.

Адаты южно-дагестанских обществ // ССКГ. Тифлис, 1875. Вып. VIII.

Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Тифлис, 1866–1904. Т. I–XII.

Архив Раевских. СПб., 1910. Т. 3.

Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московского главного архива. Министерство иностранных дел. 1578–1613 гг. М., 1899. Т. 1.

Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб., 1869. Ч. 1.

Гидатлинские адаты / Подгот. к печати Х.М. Хашаев и М.-С. Саидов. Махачкала, 1957.

Грузинские крестьянские грамоты, крепостные и судебные акты, грамоты и письма грузинских царственных особ / Сост. Курцеладзе. Тифлис, 1882.

Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII–XVIII вв. // Сот., введен., вступ. статья к текстам и примеч. В.Г. Гаджиева. Махачкала, 1992.

Дагестанский сборник. Темир-Хан-Шура / Сост. Козубский Е.И., 1902. № 1.

Дагестанский сборник. Темир-Хан-Шура / Сост. Козубский Е.И., 1904. № 2.

Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50 гг. XIX в. Сб. док. / Сост. В.Г. Гаджиев и Х.Х. Рамазанов. Махачкала, 1959.

Из истории права народов Дагестана (Материалы и документы) / Сост. А.С. Омаров. Махачкала, 1968.

История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. Архив. матер. / Под ред. М.О. Косвена и Х.М. Хашаева. М., 1958.

История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кикоева: Сб. статей и документов. Выявление, археография, составление, вступительная статья Г.Х. Мамбетова. Нальчик: Эль-Фа, 2005.

Леонтович Ф.И. Адаты Кавказский горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса, 1822–1823. Вып. 1–2.

Материалы по истории Грузии и Кавказа. Тбилиси, 1937. Вып. 4.

Материалы по истории Дагестана и Чечни / Под ред. С. Бушуева и Р. Магомедова. Махачкала, 1940. Ч. 3.

Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв. / Сост., предисл. и примеч. Х.-М. Хашаева. М., 1965.

Постановления Кайтагского Уцмия Рустем-Хана, написанные в XII в. по Р.Х. и отданные на хранение кадию магала Ганк // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. 1.

Судьбы кавказских пленников. Документы 1817–1853 гг. / Сост. Е.С. Тютинина. Под ред. и с послесловием В.Б. Виноградова. Армавир, 1998.

Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. Док-ты и мат-лы / Под ред. В.Г. Гаджиева. М.: Наука, 1988.

Русско-дагестанские отношения в XVII – первой половине XVIII в.: Сб. док-ов / Сост. Р.Г. Маршаев. Махачкала, 1958.

Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. / Сост. В.Г. Гаджиев, Д.-М. Габиев и др. М., 1988.

Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI–XVII в.: Сборник док. Выявление, составление, введение, комментарии Е.Н. Кушевой. М.: Восточная литература, 1977.

Судьбы кавказских пленников Документы 1817–1853 гг. / Сост. Е.С. Тютюнина / Под ред. и с послесловием В.Б. Виноградова. Армавир, 1998.

Феодальные отношения в Дагестане. XIX – нач. XX в. Архив. матер. / Сост., предисл. и примеч. Х.-М. Хашаева. М., 1969.

Хашаев Х.-М.О. Кодекс Ума-хана-Аварского (Справедливо-го). М., 1948.

Хашаев Х.-М., Саидов М.С. Гидатлинские адаты. Махачкала, 1959.

Цагарели А.А. Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии с 1768–1774 гг. СПб., 1897. Т. 1.

II. Литература

а) Книги

Абдуллаев Г. Азербайджан в XVIII в. и взаимоотношения его с Россией. Баку, 1965.

Авалина С.Л. Зависимые сословия на Северном Кавказе. Одесса, 1914.

Аваро-русский словарь / Сост. М. Саидов. М., 1967.

Аганесова Э.В., Суздальцева И.А. Армянская община Дагестана в XVIII–XIX вв. Махачкала: Народы Дагестана, 2007.

Агасян Ц.П. Крестьянская реформа в Азербайджане в 1870 году. Баку, 1956.

Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. (Исследование взаимоотношения форм хозяйства, социальных структур и этноса). М.: Наука, 1988.

Агулы / Ответ. ред. А.И. Исламмагомедов. Махачкала, 1975.

Акбиев А. Кумыки. Вторая половина XVII – первая половина XVIII века. Махачкала, 1998.

Акбиев А. Общественный строй кумыков в XVII–XVIII вв. Махачкала, 2000.

Алибеков М. Адаты кумыков (на кумык.яз.). Махачкала, 1927.

Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Из истории средневекового Дагестана. Махачкала, 1970.

Алиев Б.Г. Каба-Дарго в XVIII–XIX вв. Махачкала, 1972.

Алиев Б.Г. Союзы сельских общин Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. (Экономика, земельные и социальные отношения, структура власти). Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 1999.

Алиев Б.Г. Свободное узденство феодального Дагестана (XVIII – первая половина XIX в.). Махачкала, 2007.

Алиев Б.Г. Крестьянство Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. Махачкала, 2009.

Алиев Б.Г., Муртазаев А.О. Федерация союзов сельских общин Акуша-Дарго в XVII – первой половине XIX в. Вопросы и политической истории. Махачкала, 2008.

Алиев У. Кара-халк (Кара-халк) черные люди: Очерки исторического развития горцев Северного Кавказа. Р. н/Д., 1927.

Али-заде А.А. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII–XIV вв. Баку, 1956.

Алимова Б.М., Магомедов Д.М. Ботлихцы. XIX – начало XX в. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1993.

Алимова Б.М., Лугуев С.А. Годоберинцы. Историко-этнографическое исследование. XIX – нач. XX в. Махачкала, 1997.

Алкадари Г.-Э. Асари-Дагестан. Исторические сведения о Дагестане. Махачкала, 1929, 1994.

Антология чеченско-ингушской поэзии. Грозный, 1981.

Асиятилов С.Х. Историко-этнографические очерки хозяйства аварцев (XIX – первая половина XX в.). Махачкала, 1967.

Атаев М.М. Авария в X–XV вв. Махачкала, 1995. С. 89.

Ахлаков А.А. Героико-исторические песни аварцев. Махачкала, 1968.

Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX века (Очерки истории социально-экономического развития и общест-

венно-политического устройства Чечни и Ингушетии в XVIII – начале XIX века). Грозный, 2002.

Ахмадов Я.З., Хасмагомедов Э.Х. История Чечни в XIX–XX веках. М.: Пульс, 2005.

Бакиханов А.-К. Гюлистан-и Ирам / Ред., комент., примеч. и указ. акад. АН Аз ССР З.М. Буниятова. Баку: Элм., 1991.

Белль Дж. Беллевы путешествия через Россию в разные Азиатские земли, а именно: Испагань, в Пекин, в Дербент и Константинополь. СПб., 1776. Ч. 3.

Березин Н. Путешествие по Дагестану и Закавказью. 2-е изд. Дополнительное. Казань, 1850. Ч. 1–2.

Беркиханов М.С. Салатавские аварцы и засулакские кумыки: этнокультурные связи во второй половине XIX – начале XX в. Махачкала, 2012.

Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие. Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. М., 2002.

Большая советская энциклопедия. Т. 25. 1958.

Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. 1–2.

Булатова А.Г. Лакцы. Историко-этнографическое исследование. (XIX – начало XX вв.). Махачкала, 2000.

Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб., 1869. Ч. 1.

Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации М., 2004

Вахушти Б. География Грузии. Тифлис, 1904.

Великая Н.Н. К истории взаимоотношений народов Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Армавир, 2001.

Волконский С.М. О декабристах (по семейным воспоминаниям). СПб., 1998.

Всепопданнейший отчет главнокомандующего Кавказской армией по военно-народному управлению за 1863–69 гг. СПб., 1870.

Гаджиев В.Г. Мастера отечественного кавказоведения. Махачкала, 2005 г.

Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М.: Наука, 1965.

Гаджиев В.Г. Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекою Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. М.: Наука, 1979.

Гаджиев М. Русско-лезгинский словарь. Махачкала, 1950.

Гаджиева С.Ш. Дагестанские терекемцы. XIX – нач. XX в. Историко-этнографическое исследование. М., 1990.

Гаджиева С.Ш. Материальная культура кумыков. XIX–XX вв. Махачкала, 1960.

Гаджиева С.Ш. Кумыки. Историко-этнографическое исследование. М., 1961.

Гаджиева С.Ш. Кумыки. Историческое прошлое, культура и быт. Махачкала, 2000. Кн. 1.

Гаджимурадова З.М. Этническое самосознание дагестанцев на пороге XXI века (на материале сравнительного наследования этностереотипов старшего и молодого поколения аварцев и кумыков). Махачкала, 2002.

Гаибов Н.Д. О поземельном устройстве горских племен Северного Кавказа (Составлен на основании официальных документов). Тифлис, 1905.

Гамрекели В.Н. Вопросы взаимоотношений Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Тбилиси, 1972.

Гарунова Н.Н. Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII в.: проблемы политической, экономической и культурной интеграции. Махачкала, 2007.

Гасанов М.Р. Дагестан в истории Кавказа и России (проблемы, поиски, этюды). Махачкала, 2004.

Гасанов М.Р. У истоков братства. Некоторые вопросы развития дагестано-грузинских взаимоотношений. Махачкала, 1986.

Гасанов М.Р. Исторические связи Дагестана и Грузии. Махачкала, 1991.

Гербер И. Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря и между Астраханью и рекою Курой народах и землях, и о их состоянии в 1728 г. СПб., 1860. Т. 1. Гл. 2.

Гильденштедт И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из «Путешествия Г-на Академика И.А.

Гильденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770, 71, 72 и 73 годах. СПб., 1809.

Гуревич А.Я. Свободное крестьянство феодальной Норвегии. М., 1967.

Гусейнов Р. Сирийские источники XII–XIII вв. об Азербайджане. Баку, 1960.

Дадаев Ю.У. Государство Шамиля. Социально-экономическое положение, политико-правовое и военно-административная система управления. Махачкала, 2006.

Далгат У.Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. Исследование и тексты. М., 1972.

Далгат Э.М. Крестьянство Дагестана на рубеже XIX–XX вв. Махачкала, 2000.

Данилевский Н. Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении. М., 1848.

Даниялов Г.Д. Классовая борьба в Дагестане во второй половине XIX – начале XX вв. Махачкала, 1971.

Даргинская трагедия. 1845 год. СПб., 2001.

Дегоев В. Большая игра на Кавказе: история и современность: 2-ое издание, расширенное и дополненное. М.: Русская панорама, 2003.

«Дербенд-наме» на языках народов Дагестана: тексты и комментарии / [Под общей ред. Г.М.-Р. Оразаева; сост. Д.М. Маламагомедов]. Махачкала: Мавраевъ, 2012.

Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. –2-е изд. дополн. Сухуми, 1982.

Дибирова А.И. Взаимоотношения Дагестана и Грузии в XVIII – начале XIX века. М., 2008.

Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. 1 Кн. 1.

Ермолов А.П. Записки (1816–1827). М., 1864. Ч. 2.

Жуков Е.М. Очерки методологии истории. М., 1980.

Зевакин Г. Азербайджан в начале XVIII в. Баку, 1924.

Зевакин и Пенчко Н.А. Очерки по истории гегуэзских колоний на западном Кавказе в XIII–XV вв. М., 1933.

Зиссерман А.П. Двадцать пять лет на Кавказе. СПб., 1879. Ч. 2.

Зубов П. Картина Кавказского края, принадлежащего России и сопредельных ему земель в историческом, статистическом и этнографическом отношении. СПб., 1825. Ч. 3.

Ибн ал-Асир. Тарих ал-Камиль / Пер с араб. П.К. Жузе. Баку, 1940.

Ибрагимов М. Стихи и поэмы. М., 1999.

Из истории права народов Дагестана / Сост. А.С. Омаров. Махачкала, 1968.

Ингрэм Дж. История рабства от древнейших до новых времен / Перевод с англ. З.Н. Журавской. Издание второе. М.: Книжный дом «Либроком», 2010.

Исаев М.-Ш.А. Русско-даргинский словарь. Махачкала, 2005.

Исламмагомедов А.И. Аварцы. Историко-этнографическое исследование XVIII – нач. XX в. Махачкала, 2002.

История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией. К 150-летию окончательного вхождения Дагестана в состав России. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2009.

История Азербайджана. Баку, 1958. Т. 1.

История Дагестана. М., 1967. Т. 1.

История Дагестана. М., 1968. Т. II.

История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней. М., 1967. Т. 1.

История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. Т. 1.

История народов Северного Кавказа. (Конец XVIII–1917 г.). М., 1988. Т. II.

История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. Архивные материалы / Под ред. М.О. Косвена и Х.-М. Хашаева. М., 1958.

Кавказ. 25 октября 1848. № 43.

Кавказская война: народно-освободительная борьба горцев Северного Кавказа в 20–60-х гг. XIX в. Махачкала: Юпитер, 2006.

Кагановский Ю.В. Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства? М., 1971.

Казиев Г., Ахмедзиявдинов. Чиркей. Махачкала, 1972. (на авар.яз.).

Каратинско-русский словарь / Сост. П.Т. Магомедова, Р.Ш. Халидова. СПб., Махачкала, 2001.

Карпов Ю.Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор. Мироззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана. СПб.: Петербургское востоковедение, 2007.

Кидирниязов Д.С. Ногайцы в XV–XVIII вв. Махачкала, 2000. Кавказский календарь на 1852 г. Тифлис, 1851.

Клычников Ю.Ю. Деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе (1816–1927) / Под ред. и с послесловием В.Б. Виноградова. Есентуки, 1999.

Клычников Ю.Ю. Очерки прошлого народов Северного Кавказа / Под ред. проф. В.А. Казначеева. Пятигорск, 2004.

Клычников Ю.Ю., Линец С.И. Северокавказский узел: особенности конфликтного потенциала (исторические очерки). Пятигорск, 2006.

Клычников Ю.Ю., Цыбульникова А.А. «Так буйную вольность законы теснят...»: борьба российской государственности с хищничеством на Северном Кавказе (исторические очерки) / Под ред. и с предисловием Б.В. Виноградова. Пятигорск, 2011.

Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. 1–2.

Ковалевский П.И. Кавказ. СПб., 1915. Т. II.

Козубский Е.И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906.

Козубский Е.И. Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1895.

Колосов Л.Н. Славный Бейбулат: Историко-биографический очерк. Грозный, 1991.

Котов Ф. Хождение Федота Котова в Персию / Под ред. А.А. Кузнецова. М., 1958.

Кривенко В.С. По Дагестану. Путевые заметки. СПб., 1895.

Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. М., 1971.

Кумыков Т.Х. Социально-экономические отношения и отмена крепостного права в Кабарде и Балкарии (1800–1869). Нальчик, 1959.

Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. М.: Изд-во АН СССР, 1963.

Кушева Е.Н. Русско-дагестанские отношения в XVI–XVII вв. Махачкала, 1954.

Лавров Л.И. Этнографии Кавказа (по полевым материалам 1924–1978 гг.). Л., 1982.

Лезгинско-русский словарь / Сост. Б. Талибов и М. Гаджиев / Под ред. Р. Гайдарова. М., 1966.

Любанов-Ростовский М.Б. Кумыки: их нравы, обычаи и законы. Описание гражданского быта кумыков 1843 года. / Предисл. д. ист. н. проф. С.Ш. Гаджиевой. Махачкала, 2001.

Лугуев С.А., Магомедов Д.М. Капучинцы (хъанал) в XIX – нач. XX вв. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1997.

Лугуев С.А., Магомедов Д.М. Дидойцы (цезы). Историко-этнографическое исследование. XIX – начало XX века. Махачкала, 2000.

Лысцов В.П. Персидский поход Петра I 1722–1723 гг. М., 1955.

Магарамов Ш.А. Дагестан и Ширван в VI–XVI вв. (Экономические, политические и культурные взаимоотношения). Махачкала, 2007.

Магомедов А.Р. Хозяйственная жизнь и социальный строй Нагорного Дагестана в XV–XVII вв. Р. н/Д., 1985.

Магомедов Н.А. Дербент и Дербентское владение в XVIII – первой половине XIX в. Политическое положение и экономическое развитие. Махачкала, 1988.

Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX вв. Махачкала, 1957.

Магомедов Р.М. Адаты дагестанский горцев как исторический источник. М., 1960.

Магомедов Р.М. История Дагестана с древнейших времен до начала XIX в. Махачкала, 1961.

Магомедов Р.М. Памятник истории и письменности даргинцев XVII века. Махачкала, 1964.

Магомедов Р.М. История Дагестана. С древнейших времен до конца XIX века. Махачкала, 1968. Вып. 2.

Магомедов Р.М. Дагестан. Исторические этюды. Махачкала, 1975. Вып. II.

Магомедов Р.М. По аулам Дагестана. Махачкала, 1977. Вып. I.

- Магомедов Р.М. По аулам Дагестана. Махачкала, 1979. Вып. 2.
- Магомедов Р.М. Даргинцы в дагестанском историческом процессе. Махачкала, 1999. Т. 1–2.
- Мансуров М.Х. Засулакская Кумыкия. Махачкала, 1994.
- Мансуров Ш.М. Салатавия (социально-экономическая и политическая история в конце XVIII – первой половине XIX вв.). Махачкала, 1995.
- Мансурова А.Г. Цудахария (социально-экономическая и политическая история в конце XVIII – первой половине XIX вв.). Махачкала, 1995.
- Марков Е. Очерк Кавказа. СПб., 1889.
- Маршаев Р., Бутаев Б. История лакцев. Махачкала, 1991.
- Масуди. Муридж ад-Дзехаб / Пер. В.Ф. Минорского.
- Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967.
- Мизулина Е.Б. Торговля людьми и рабство в России: Международно-правовой аспект. М.: Юрист, 2006.
- Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда. М., 1963.
- Муркелинский Г. Русско-лакский словарь. Махачкала, 1953.
- Мусаев Г. Рутулы (XIX – начало XX вв.). Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1997.
- Мусаева М.К. Хваршины. XIX – начало XX вв. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1995.
- Неверовский А. Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан в топографическом и статистическом отношениях. СПб., 1847.
- Неверовский А. Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье. СПб., 1848.
- Неусыхин А.И. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе. XIX–XIII вв. М., 1956.
- Неусыхин А.И. Судьбы свободного крестьянства в Германии в VIII–XII вв. М., 1964.
- Новосельцев А.П. Генезис феодализма в странах Закавказья: Опыт сравнительно-исторического исследования. М.: Наука, 1980.
- Новосельцев А.П., Пашуто В.П., Черепнин В.Г. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Прибалтика). М., 1972.
- Ногайско-русский словарь / Под ред. Н.А. Баскакова. М., 1963.
- Олеарий Адам. Подробное описание путешествия Гольштинского посольства в Московию и через Московию в Персию и обратно в 1633, 1636 и 1639 годах, составленное секретарем посольства Адамом Олеарием / Перевод с нем. П. Барсова. СПб., 1906.
- Оразасв Г.-М.Р. Исторические сочинения Дагестана на тюркских языках. (Тексты, комментарии). Махачкала, 2003. Кн. 1.
- Оразаев Г.-М.Р. Памятники тюркоязычной деловой переписки в Дагестане XVIII в. (Опыт историко-филологического исследования документов фонда «Кизлярский комендант»). Махачкала, 2002.
- Осман-бей. Воспоминания 1855 года. События в Грузии и на Кавказе // Кавказский сборник. Тифлис, 1877. Т. 2.
- Османов Г.Г. Генезис капитализма в сельском хозяйстве Дагестана. М., 1984.
- Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957. Т. 1.
- Папазян А.Д. Аграрные отношения в Восточной Армении в XVI–XVII вв. Ереван, 1972.
- Петрушевский И.П. Джаро-Белоканские вольные общества в первой половине XIX столетия: Внутренний строй и борьба с российским колониальным наступлением. Тифлис, 1934.
- Петрушевский И.П. Очерки истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI – начале XIX вв. Л., 1949.
- Петрушевский И.П. Земледелие и аграрные отношения в Иране в XIII–XIV века. М., Л., 1960.
- Петрушевский И.П. Применение рабского труда в Иране и сопредельных странах в позднее средневековье (к проблеме рабовладельческого уклада в феодальных обществах Передней и Средней Азии). XXV Международный конгресс востоковедов. М., 1960.
- Петрушевский И.П. Джаро-Белоканские вольные общества в первой половине XIX в. / Ред., вступ. статья, коммент. и примеч. проф. В.Г. Гаджиева. Махачкала, 1993.

Поршнев Б.Ф. Феодализм и народные массы. М., 1964.

Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. СПб., 1882. Т. 2.

Путеводитель по Дагестану. Тифлис, 1871.

Рабство в странах Востока в средние века. М.: Наука. Главная редакция Восточной литературы, 1986.

Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана. Материалы к истории народов Дагестана с древнейших времен до начала XX века. Махачкала, 1964.

Русско-аварский словарь / Под ред. С.З. Алиханова. Махачкала, 2003.

Русско-даргинский словарь / Сост. С.Н. Абдуллаев. Махачкала, 1950.

Русско-даргинский словарь / Под ред. Б.Г. Бамматова. Махачкала, 1960.

Русско-даргинский словарь / Сост. М.А. Исаев. Махачкала, 1988.

Русско-кумыкский словарь / Под ред. Б.Г. Бамматова. Махачкала, 1997.

Русско-лакский словарь / Сост. Г. Муркелинский. Махачкала, 2001.

Русско-табасаранский словарь / Сост. Р.М. Загиров. Махачкала, 1988.

Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI–XVII вв.: Сб. документов. / Выявление, сост., введен., комментарии Е.Н. Кушевой. М., 1997.

Секретная миссия в Черкессию русского разведчика барона ф. Торнау. Нальчик, 1999.

Семенов Н. Туземцы северо-восточного Кавказа. СПб., 1895.

Сидоров В. По России. Кавказ: Путевые заметки и впечатления. СПб., 1896.

Словарь русского языка. М., 1982.

Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты в XVIII столетии. Одесса, 1889.

Соловьев П.С. Мухамеданская нумизматика в отношении к русской истории. СПб., 1847.

Социальная терминология в языках Дагестана. Махачкала, 1989.

Спенсер Э. Путешествия в Черкессию / Предисловие, перевод и коммент. Н. Нефлягиной. Майкоп: РИПО Адыгея, 1993.

Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 1. Тифлис, 1868.

Стрейс Я.С. Три путешествия / Пер. Э. Бородиной. М.: Огиз. Соцэкгиз, 1935.

Тарасов Б.Ю. Россия крепостная. История народного рабства. М.: Вече, 2011.

Текуева М.А. Мужчина и женщина в адыгской культуре: традиции и современность. Нальчик: Эль-Фа, 2006.

Торнау Ф.Ф. Секретная миссия в Черкессию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. Нальчик, 1999.

Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. М., 2000. (Репр. изд-е: М., 1864).

Тулчинский Н.П. Поземельная собственность и общественное землепользование на Кумыкской плоскости. (Краткий исторический очерк, составленный по официальным данным). Владикавказ, 1903.

Тхамоков Н.Х. Социально-экономический и политический строй кабардинцев в XVIII веке. Нальчик, 1961.

Умаханов М.-С.К. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII веке. Махачкала, 1973.

Фадеев А.В. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М., 1960.

Фадеев Р. Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис, 1860.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. II. М.: Прогресс, 1967.

Феодаева Ф.З. Русско-дагестанские отношения во второй половине XVIII – начале XIX вв. М.: Таус, 2008.

Хасбулатов А.И. Установление российской администрации в Чечне (II пол.XIX – нач.XX в.). М.: Русь, 2001.

Хасбулатов А.И. Установление российской администрации в Чечне (II пол.XIX – нач.XX века). Грозный, 2002.

Хашаев Х.-М. Общественно-экономический строй Дагестана в XIX веке. (Материалы к сессии). Махачкала, 1954.

Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX веке М., 1961.

Хождение купца Федора Котова в Персию / Под ред. А.А. Кузнецова. М., 1958.

Хрестоматия по истории права и государства Дагестана в XII–XIX вв. / Сост. Т.М. Айтберов. Редактор Ш.Б. Магомедов Махачкала, 1999. Ч. 1.

Челеби Э. Книга путешествия: Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М., 1979. Вып. 2.

Челеби Э. Книга путешествия: Земли Закавказья, сопредельных областей Малой Азии и Ирана. М., 1983. Вып. 3.

Чигагова М.Н. Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк. М., 1995.

Шамрай В.С. Историческая справка к вопросу о ясырях на Северном Кавказе и в Кубанской области и документы, относящиеся к этому вопросу. Б.м. Б.г.

Шиллинг Е.М. Кубачинцы и их культура. Историко-этнографические этюды. М., Л., 1949.

Шихалиев Д.-М. Рассказ кумыка о кумыках / Сост., предисл. и коммент. д-ра ист. наук С.Ш. Гаджиевой. Махачкала, 1993.

Шихсаидов А.Р. Дагестан в X–XIV вв. Опыт социально-экономической характеристики. Махачкала, 1975.

Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. М., 1993.

Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1903. Т. 74.

Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. Тифлис, 1907. Т. 1.

Юсупов ХА. Русско-даргинский словарь. Махачкала, 2005.

Яковлев А.[И.] Холопство и холопы в Московском государстве в XVII в. По архивным документам Холопьяго и Посольского приказов Оружейной палаты и Разряда. М.,Л.: Изд-во АН СССР, 1943.

Bodenstädt F. Die Völker des Kaukasus und ihre Freiheitskämpfe gegen die Russen. Berlin, 1855.

Güldenstedt J.F. Reisendurch Russland und imCaucasischenGebirge. St. Ptg., 1787. Bd. 1.

б) Статьи и тезисы докладов

Абдуллаев И.Х., Микаилов К.Ш. К истории дагестанских этнонимов «лезг» и «лак» // Этнография имен. М., 1971.

Абельдяев Н. Сельское хозяйство у дагестанских горцев // ЖМГИ. 1857. Ч. 64. № 3.

Адаты даргинских обществ // ССКГ. Тифлис, 1873. Вып. VIII. С. 1–128.

Адаты южно-дагестанских обществ // ССКГ. Тифлис, 1875. Вып. VIII. С. 1–75.

Айтберов Т.М. Аноним муслима из Урады (X–XVI вв.) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XIV годичная научная сессия ЛО ИВАН СССР (доклады и сообщения по арабистике). М., 1978.

Айтберов Т.М. К вопросу о рабстве в Дагестане в XVI–XVII вв. // Письменные памятники и проблемы истории и культуры народов Востока: краткие сообщения XII годичной научной сессии ЛОИВАН СССР. М.: «Наука», 1977. С. 52–57.

Алиев Б.Г. Сословно-классовое деление Засулакской Кумыкии после образования владения Султан-Махмуда // Эндиреевский владетель Султан-Махмуд Тарковский в истории российско-кавказских взаимоотношений (вторая половина XVI – первая половина XVII вв.). Махачкала, 2010. С. 117.

Ал-Истахри. Книга путей и царств / Пер. Н. Караулова // СМОМПК. Тифлис, 1903. Т. XXIX. С. 11.

Амиров Г.-М. Среди горцев Северного Дагестана (Из дневника гимназиста) // ССКГ. Тифлис, 1873. Вып. VII.

Анучин Д.Н. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 г. // ИР-ГО. Тифлис, 1884. Т. 20. Вып. 4.

Атаев Д.М. Основные итоги историко-археологического изучения средневековой Аварии // УЗ ИИЯЛ. Махачкала, 1963. Т. XI. С. 245.

Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804 // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв.: Архивные материалы / Под ред. М.О. Косвена и Х.-М. Хашаева. М., 1958. С. 213.

Бакиханов А. О классах дагестанских горцев. Приложение // Агаян Ц.П. А. Бакиханов. Баку, 1948.

Бартольд В.В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира // Сочинения. М., 1963. Т. II. Ч. 1.

Бахтамов И.М. Чирка или аул Чиркей // Кавказ. 1863. № 29–30.

Белобородов А. Прошлое кумыков // Терские ведомости. 1896. № 145, 146.

Белобородов А. Землевладение в Терской области // Терские ведомости. 1895. № 107.

Берже А. Кавказ // Живописная Россия. 1883. Т. 9.

Берже А. Материалы для описания Нагорного Дагестана // КК на 1859 г. Тифлис, 1858.

Берже А. При-Каспийский край // КК на 1857 г. Тифлис, 1856.

Бобровников В. Абреки и государство. Культура насилия на Кавказе // Вестник Евразии (ActaEurasica): Независимый ежеквартальный научный журнал / Под ред. С.А. Панарини. М., 2000.

Бондарь В.В. Роль наездничества в российско-кавказских отношениях в конце XVIII – первой трети XIX в. // Кавказская война: уроки истории и современность. Краснодар, 1995.

Броневский [С.Б.] Записки о киргиз-кайсаках Средней орды // Отечественные записки, издаваемые Павлом Свиным. СПб., Тип. Департамента Внешней торговли, 1830. Ч. 42. № 121.

Бутков П.Г. Выдержки из «Проекта отчета о Персидской экспедиции в виде писем». 1796 г. // ИГЭД. М., 1958.

Бутков П.Г. Сведения о Кубинском и Дербентском владении. 1796 г. // ИГЭД. М., 1958.

Буцковский А.М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей. 1812 г. // ИГЭД. М., 1958.

Вильер де Лиль Адам Владимир. Две недели в Даргинском округе. Путевые заметки // ССКГ. Тифлис, 1875. Вып. VIII.

Великая Е.В. О комплексе мер Российского правительства по ликвидации работорговли и освобождению пленных на Северо-Восточном Кавказе в первой половине XIX века // Российская государственность в судьбах народов Северного Кавказа. – IV. Пятигорск, 2012.

Виноградов В.Б., Клычников Ю.Ю. К проблеме контрабанды и «пленопродавства» на Кавказе в XIX в. // Вопросы северокавказской истории: Сб. научн. статей. Армавир, 2001. Вып. 6. Ч. 1.

Виноградов В.Б., Гусева Н.А. «И с боя взятыми рабами суда в Анапе нагружать» (к изучению горской парадигмы работорговли)

// Археология, этнография и краеведение Кубани. Армавир, Краснодар, 2001.

Воронов Н. Из путешествия по Дагестану // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. II.

Гаврилов П. Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа // ССКГ. Тифлис, 1869. Вып. II.

Гаджиев В.Г. К вопросу об освобождении феодально-зависимых крестьян Дагестана в ходе борьбы горских народов Северо-восточного Кавказа в 20–50 гг. XIX в. // УЗ ИИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1958. Т. V.

Гаджиева С.Ш. О сословных отношениях кумыков в первой половине XIX века // УЗ ИИЯЛ ДФАН СССР. Махачкала, 1961. Т. IX.

Гарданов В.Г. Обычное право как источник для изучения социальных отношений народов Северного Кавказа в XVIII – начале XIX в. // Советская этнография. М., 1960. № 5. С. 12.

Гасанов М.Р. Материалы по истории Дагестана // Вопросы истории Дагестана (досоветский период). Махачкала, 1975. Вып. 1.

Гене Ф.И. Сведения о Горном Дагестане. 1835–1836 гг. // ИГЭД. М., 1958.

Гербер И.-Г. Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекой Курой народах и землях и об их состоянии в 1728 г. // Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. СПб., 1760. Июль–сент. Т. 17. № 7–8.

Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 // ИГЭД. М., 1958.

Гидулянов П.В. Сословно-поземельный вопрос и раятская зависимость в Дагестане // Этнографическое обозрение. СПб., 1901. № 1–3.

Гриценко Н.П. Рабство и работорговля в Чечено-Ингушетии // Труды ЧИНИИЯЛ. Грозный, 1976. Т. 10.

Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие притеречных районов в XVIII – первой половине XIX вв. // Труды Чечено-Ингушского НИИИЯЛ. Грозный, 1961. Т. 4.

Дагестан, его нравы и обычаи // Вестник Европы. 1867. Кн. III. С. 187.

Джаро-Белоканцы до XIX столетия // Кавказ. 1846. № 2–3.

Джидалаев Н.С. Предисловие // Социальная терминология в языках Дагестана: Сб. статей. Махачкала: ИИЯЛ ДФАН СССР, 1989.

Джидалаев Н.С., Айтберов Т.М. О термине «уздень» на Северо-восточном Кавказе // Социальная терминология в языках Дагестана. Махачкала, 1989.

Джимов Б.М. Общественный строй дореформенной Адыгеи (1800–1864) // УЗ Адыгейского НИИ языка, литературы и искусства. Майкоп, 1970. Т. XII.

Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1. Кн. 1. (СПб., 1871–1888) // Н.Ф. Дубровин о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Нальчик, 2002. С. 186.

Еропкин Д.Ф. Реестр горским владельцам. 1732 г. // ИГЭД. М., 1958.

Земельные отношения в дореволюционном Дагестане // Красный архив. 1936. Т. 6. (79).

Зиссерман А. 10 лет на Кавказе // Современник. 1854. Т. 48. № 11.

Иванов А. Социально-экономическое и политическое положение Дагестана до завоевания царской Россией // Исторический журнал. 1940. № 2.

Иноземцева Е.И. On the social and legal status of slaves in the North Caucasus // Iran and Caucasus. Brill, Leiden-Boston, 2010, № 14.

Иноземцева Е.И. Из истории торговли «живым товаром» в Дагестане в XVII – нач. XIX вв. // Иран и Кавказ: труды Кавказского центра Иранистики. Тегеран, 2000. Т. 3–4.

Иноземцева Е.И. К вопросу о политике России по пресечению работорговли на Северном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в. // Вопросы Северокавказской истории. Армавир, 2004. Вып. 9.

Иноземцева Е.И. К вопросу о торговле «живым товаром» во взаимоотношениях Дагестана с народами Кавказа и Россией в XVII–XIX в. // Кавказ, Балканы, Передняя Азия: Сб. научн. трудов Сев.-Кавказского регионального отделения МНАБ. Махачкала, 2004. Вып. 2 (9).

Иноземцева Е.И. К вопросу о социально-правовом положении рабов в феодальном Дагестане // Историко-культурные процессы на Северном Кавказе (взаимодействие, взаимовоздействие, синтез): Материалы научно-практической конференции. Армавир, 2007.

Иноземцева Е.И. К вопросу о патриархальном рабстве и работорговле у кумыков в трудах С.Ш. Гаджиевой // Жизнь отданная науке: Мат-лы научной сессии, посвященной 95-летию профессора С.Ш. Гаджиевой. Махачкала, 2009.

Иноземцева Е.И. К вопросу о торговле «живым товаром» в контексте кавказской политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVII – первой половине XIX века // Исторический вестник: VIII выпуск. К 60-летию В.Х. Кажарова. Нальчик: Институт гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН, 2009.

Иноземцева Е.И. К вопросу о социально-правовом положении рабов в феодальных владениях Северо-Восточного Кавказа // Вопросы этнографии Дагестана. Махачкала, 2011. Вып. 5.

Иноземцева Е.И. К вопросу об институте рабства в феодальном Дагестане // Вопросы истории Дагестана: Сб. статей. Махачкала, 2006.

Иноземцева Е.И. К вопросу об источниках рабства в феодальном Дагестане. Махачкала, 2011. Вып. VII.

Иноземцева Е.И. Торговля ясырями во взаимоотношениях России с народами Дагестана в XVII – первой половине XIX в. // Вопросы истории Дагестана. Махачкала, 2011. Вып. VII.

Иноземцева Е.И. Институт рабства в феодальном Дагестане в отечественной историографии // Наука и образование в Чеченской республике: состояние и перспективы развития: Мат-лы Всероссийской научно-практич. конференции, посвященной 10-летию со дня основания КНИИ РАН. Грозный, 2011.

Иноземцева Е.И. Институт рабства в феодальном Дагестане // Кубанские исторические чтения: Мат-лы III Всероссийской с международным участием научно-практич. конференции. Краснодар, 2012.

Иноземцева Е.И., Лысенко Ю.М. Дагестанские русские: история и современность // Северный Кавказ: геополитика, история,

культура. Материалы Всероссийской конференции. М., Ставрополь, 2001. Ч. 1.

Иноземцева Е.И., Лысенко Ю.М. Россия на Кавказе на рубеже XVIII–XIX вв.: взгляд с Запада // Гюлистанский мирный договор 1813 г.: основные итоги и последствия для судеб народов Кавказа. Материалы международной научной конференции (24 сентября 2013 г., г. Махачкала). Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2013.

Иноземцева Е.И., Лысенко Ю.М. Осознанный путь сквозь столетия или еще раз о вхождении de jure народов Дагестана в состав Российской империи // Российская государственность в судьбах народов Кавказа-VI. Материалы региональной научно-практической конференции (23 ноября 2013 г., г. Пятигорск). Пятигорск: ПГЛУ, 2013.

Исаев АА. Из истории освободительной борьбы в средневековом Кайтаге // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья. Махачкала, 1986.

Кагановский Ю.В. О понятиях «рабство» и «феодализм» // Вопросы истории. 1967. № 6.

Казикумухские и Кюринские ханы. // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. П.

Кареев Н.И. Рабство // Энциклопедический словарь русского bibliографического института Грант. 7-е издание. Т. 35. М., б.г. С. 286.

Кн. Х-ъ. Кое-что о кумыках // Кавказ. 1865. № 68, 70.

Кидирниязов Д.С., Лысенко Ю.М. К вопросу об этапах социально экономического развития Дагестана // DÜNYAİQTİSADİY-YATINININKİŞAFMƏRHƏLƏRİ: TARİXİLİKVƏ MÜASİRLİ Kədvəzundabeynəlxəlqkonfransınmaterialları 15–16 2009 – cüil. Baku, 2009.

Ковалевский М. Поземельные и сословные отношения у горцев Северного Кавказа // Русская мысль. 1883. Кн. 12.

Ковалевский М.К., Бларамберг И.Ф. Описание Дагестана. 1831 г. // ИГЭД. М., 1958.

Кодекс законов Умму-хана Аварского (Справедливого) // Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв. М., 1965.

Козлов В.И. Рабство // Большая советская энциклопедия. 3-е издание. Т. 21. М., 1975.

Кокиев Г.А. К истории работорговли на Северном Кавказе (исторический набросок) // История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева: Сб. статей и документов / Выявление, археография, составление, вступительная статья Г.Х. Мамбетова. Нальчик: Эль-Фа, 2005.

Комаров А. Народонаселение Дагестанской области // ЗКОР-ГО. Тифлис, 1873. Вып. 8.

Комаров А.В. Адаты и судопроизводство по ним // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. 1.

Копия с письма Д. Бутлера // Русский Архив. 1880. № 1.

Коцебу М.А. Сведения о Джарских владениях. 1826 г. // ИГЭД. М., 1958.

Краббе К.К. Замечания о Докузпаре, Ахтах и Рутуле. 1835 г. // ИГЭД. М., 1958.

Краткая записка о горских народах // Северный архив. 1826. Т. 22. № 13.

Кремский АА. Выдержки из описания Дагестана и Ширвана. 1806 г. // ИГЭД. М., 1958.

Кумык. Рассказ кумыка о кумыках // Кавказ, 1848. №№ 39–44.

Лаудаев У. Чеченское племя / ССКГ. Вып. VI. Тифлис, 1872.

Лилов А. Очерки быта кавказских горцев // СМОМПК. Тифлис, 1892. Вып. XIII, XIV.

Линден В. Краткий исторический очерк былого общественно-политического и поземельного строя народностей, населяющих мусульманские районы Кавказского края // КК на 1917 г. Тифлис, 1916.

Лобанов-Ростовский М.Б. Кумыки, их нравы, обычаи и законы // Кавказ, 1846 г. №37.

Лопухин АМ. Журнал путешествия через Дагестан. 1718 г. // ИГЭД. М., 1958.

Львов Н. Домашняя и семейная жизнь дагестанских горцев аварского племени // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. IV.

Львов Н. О нравах и обычаях дагестанских горцев // Кавказ. 1867. № 71.

Люблинская АД. Французское крестьянство в XVI–XVIII вв. Л., 1978.

Лысенко Ю.М. Грузинская диаспора на Тереке: к истории формирования и адаптации // Материалы Первого международного конгресса кавказоведов (22–25 октября 2007 г., Грузия). Тбилиси.

Лысенко Ю.М. Из истории формирования многонационального сообщества Кизлярщины (XVII–XIX вв.) // Россия и Кавказ: прошлое и настоящее. Сб. научных статей международной научно-практической конференции (8–11 июня 2009 г.). Кизляр, 2009.

Лысенко Ю.М. Известные люди России в Кизляре и о Кизляре XIX века (По материалам Д.С. Васильева и других краеведов) // Третьи Васильевские чтения. Материалы региональной научно-практической конференции, посвященной кизлярским краеведам. Махачкала: Радуга, 2011.

Лысенко Ю.М. История российско-кавказских взаимоотношений в трудах ряда российских исследователей конца XIX – нач. XX вв. // Кубанские исторические чтения. Материалы Всероссийской с международным участием научно-практической конференции. Краснодар, 2012.

Лысенко Л.Ф., Лысенко Ю.М. К вопросу о заселении низовьев Терека // Научное обозрение. Сб. ст. Ассоциации молодых ученых Дагестана. Махачкала, 2006. Вып. 35.

Магомедов Д.М. Взаимоотношения горцев Дагестана с Грузией (проблема «лекианоба») // Вопросы истории Дагестана: сб. статей. Махачкала

Магомедов Д.М. Занятия населения Дидо в XVIII – нач. XIX вв. // ВИД (досоветский период). Махачкала, 1975. Вып. 3.

Магомедов Д.М. Социально-экономическое развитие союзов сельских общин Западного Дагестана в XVIII – нач. XIX в. // Развитие феодальных отношений в Дагестане. Махачкала, 1980.

Магомедов Д.М. Некоторые особенности социального развития союзов сельских общин Западного Дагестана в XV–XVIII вв. // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – нач. XIX в. Махачкала, 1981.

Магомедов Д.М. Грузинские авторы о социальном строе горцев Дагестана и об их взаимоотношениях с Грузией // Вопросы истории Дагестана. К 80-летию профессора В.Г. Гаджиева. Махачкала, 2005.

Магомедов Р.М. Повествование о прошлом Чиркея // Дагестан. Исторические этюды. Махачкала, 1971. Вып. II.

Магомедов Р.М. О некоторых особенностях развития феодальных отношений у народов Дагестана // Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа: Тезисы докладов регион. научной конференции. Махачкала, 1980.

Магомедов Р.М. О дагестано-грузинских связях // Общественные науки. 1986. № 1.

Макаров Т. Кумыкский округ // Кавказ. 1860. № 77, 78, 79.

Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1.

Маршаев Р.Г. К вопросу о социальном строе Ахтыпаринского «вольного» общества в XVIII – нач. XIX вв. // УЗ ИИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1957. Т. III.

Мехтулинские ханы // ССКГ. Тифлис, 1869. Вып. II.

Микаров Т. Кумыкский округ / Кавказ. 1860. № 77, 78, 79.

Миллер А.А. Древние формы в материальной культуре современного населения Дагестана // Материалы по этнографии России. Л., 1927. Т. 4. Вып. 1.

Мочульский. Война на Кавказе и в Дагестане // Материалы по истории Дагестана и Чечни (первая половина XIX века). Махачкала, 1940.

Налоева Е.Дж. Об особенностях кабардинского феодализма // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1980.

Нарочницкий А.Л. Основные проблемы обобщающего труда по истории народов Северного Кавказа с древнейших времен до наших дней // Истоки великой дружбы. Грозный, 1978.

Новые документы о союзах сельских общин в Салатавии // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII–XIX вв. Махачкала, 1981.

Норденстам И.И. Описание Антль-Ратля. 1832 г. // ИГЭД. М., 1958.

О-ин М. Двадцатилетие освобождение зависимых сословий на Северном Кавказе // Терские ведомости. 26 апр. 1892 г. № 50.

Ольшевский М.Я. Кавказ с 1841 по 1866 год // Русская старина. 1894. Т. 81–82. № 1–2.

Омаров А. Как живут лаки // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. IV.

Освобождение бесправных рабов в Дагестане // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. 1.

Освобождение зависимых сословий во всех горских округах Терской области // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. 1.

Османов Г.Г. О социальном статусе Дагестана в конце XVIII–начале XIX вв. // УЗ ИИЯЛ. Махачкала, 1960. Т. VII.

Османов М. Некоторые вопросы истории хозяйства Дагестана // УЗ ИИЯЛ ДФ АН СССР (серия общественных наук). Махачкала, 1970. Т. XX.

Османов М.-З.О. Формы скотоводства даргинцев в XIX–XX вв. (в связи с региональным видом содержания скота и хозяйственно-культурными типами // Хозяйство, материальная культура и быт народов Дагестана в XIX–XX вв. Махачкала, 1977.

П.ъ-в [Петухов]П. Очерк Кайтаго-Табасаранского округа // Кавказ, 1867. № 7, 8, 12, 13, 15, 17.

Петрушевский И.П. Государство Азербайджана в XV в. // Сборник по истории Азербайджана. Баку, 1949. Вып. 1.

Петрушевский И.П. Раят // Большая советская энциклопедия. М., 1975. Т. 21.

Петрушевский И.П. Социальная структура Джаро-Блоканских вольных обществ накануне российского завоевания // Исторический сборник. Л., 1934.

Почвенная карта // Атлас Дагестанской АССР. М., 1979.

Приймак Ю.В. Российскость как альтернатива «имперскости» в западнокавказской политике России и Турции // Российскость: понятие, содержание, историческая реальность (на примере Кавказа): Мат-лы аспирантско-преподавательских семинаров. Армавир, 1999. Вып. 2.

Рамазанов Х.Х. К вопросу о рабстве в Дагестане // УЗ ИИЯЛ ДагФАН СССР. 1961. Т. IX.

Рамазанов Х.Х. Крестьянская реформа в Дагестане // УЗ ИИЯЛ Даг ФАН СССР. Махачкала, 1957. Т. II.

Робакидзе А.И. Некоторые черты горского феодализма на Кавказе // Советская этнография. 1978. № 2.

Розен Р.Ф. Описание Чечни и Дагестана. 1832 г. // ИГЭД, М., 1958.

Ртищев Н.Ф. Сведения о Дагестане. 1813 г. // ИГЭД, М., 1958.

Руновский А. Взгляд на сословные права и на взаимные отношения сословий в Дагестане // Военный сборник. 1862. № 8. Т. 26.

Саидов И.М. Землевладение и землепользование у чеченцев и ингушей в XVIII–XIX в. // Известия ЧИНИИ языка, литературы и экономики. Грозный, 1964. Т. 4. Вып. 1. История.

Саидов И.М. Этнографический и фольклорный материал о классовых отношениях у чеченцев и ингушей // Археологический сборник. Грозный, 1968. Т. 2.

Свечин. Очерки народонаселения, нравов и обычаев Дагестана // Записки Кавказского географического общества. Тифлис, 1853.

Симонович Ф.Ф. Описание Табасарана. 1796 г. // ИГЭД М., 1958.

Симонович Ф.Ф. Описание Южного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД, М., 1958.

Скалон Ф.И. Сведения об Аварском ханстве. 1829 г. // ИГЭД, М., 1958.

Сокольский А. Очерк западного берега Каспийского моря от Петровского укрепления до реки Самура между горами и морем, со включением морской торговли города Дербента // Кавказ. 15 марта 1848. № 11.

Стродс Х.П. Полевые этнографические источники в исторических исследованиях // Источниковедение отечественной истории. Сб. статей. 1976. М., 1977.

Суздальцева И.А. Грузинская диаспора низовьев Терека в XVIII – первой половине XIX вв. // Вопросы Северокавказской истории. Армавир, 2004. Вып. 9.

Суздальцева И.А. К проблеме формирования грузинской и армянской общин Дагестана в XVIII – начале XIX вв. // Вестник ДНЦ РАН. Махачкала, 2009. № 33.

Суханов А. Проскантерий Арсения Суханова // Православный полистинский сборник. М., 1889. Т. 7. Вып. 3.

Таймасханова Т.Г. Сословные термины в кумыкской ономастике // Социальная терминология в языках Дагестана. Махачкала, 1989.

Тихонов Д.И. Описание Северного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД, М., 1958.

Тотоев Ф.В. Развитие рабства и работорговли в Чечне (вторая половина XVIII – 40-е гг. XIX в.) // Известия ЧИНИ ИИЯЛ. Т. 8. Вып. 1. История. Грозный, 1969.

Тотоев Ф.В. Развитие рабства и работорговли в Чечне // Социальные отношения у народов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1978.

Тулъчинский Н.П. Поземельная собственность и общественное землевладение на кумыкской плоскости // Терские ведомости. 1903. Вып. 6.

Умаханов М.-С.К. Побег – как одна из форм антифеодальной борьбы в Дагестане (XVII–XVIII вв.) // Классовая борьба в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1983.

Умаханов М.-С.К. Социальная сущность термина «раят» в Дагестане // Социальная терминология в языках Дагестана. Махачкала, 1989.

Фроянов И.Я. О рабстве в Киевской Руси // Вестник ЛГУ. 1965. Т. 12. Вып. 1.

Фроянов И.Я. Смерды в Киевской Руси // Вестник Ленинградского университета, 1966. № 2. Серия истории, языка и литературы. Вып. 1.

Хазанов А.М. Разложение первобытнообщинного строя и возникновение классового общества // Первобытное общество. М., 1975.

Харадзе Р.Л., Робакидзе А.И. Характер сословных отношений в горной Ингушетии // КЭС. Тбилиси, 1968. Ч. II.

Хашаев Х.О. К вопросу о тухумах, сельских общинах и «вольных» обществах в Дагестане в XIX в. // УЗ ИИЯЛ. Махачкала, 1956. Т. 1. Хрисанф. Сведения об Аварском ханстве. 1828 г. // ИГЭД. М., 1958.

Х-ъ (Хамзаев). Кое-что о кумыках // Кавказ. 1865. № 68, 70.

Цыбулькинова А.А. К вопросу о «вымене» казачек на Кавказской линии // Вопросы Северокавказской истории: Сб. научных статей. Армавир, 2001. Вып. 6. Ч. 1.

Цыбулькинова А.А. О терминах не спорят // Российский Северный Кавказ: перспективы исследования и исторические вызовы: Мат-лы Межрегион. научной конференции. Армавир, 2008.

Шамхалы Тарковские // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. 1.

Шихсаидова Р.С. Материалы фонда «Кизлярский комендант» как исторический источник для изучения дагестано-закавказских торговых взаимоотношений в XVIII – нач. XIX в. // Источниковедение истории советского периода. Махачкала, 1987.

Щербачев А.П. Описание Мехтулинского ханства, койсубулинских владений и ханства Аварского. 1830 г. // ИГЭД. М., 1958.

Энгельс Ф. Диалектика и естествознание // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 35.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21.

Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19.

Энгельс Ф. Франкский период // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19.

Юшков С.В. К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане (до русского завоевания) // УЗ Свердловского госпедуниверситета. Свердловск, 1938. Вып. 1. (исторический).

в) Диссертации и авторефераты

Алиев Б.Г. Акуша-Дарго в XVII–XVIII вв. (Опыт монографического исследования социально-политической истории): Дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1966.

Гаджиев З.Т. Основные черты и особенности общественно-политического развития Восточного Кавказа в период османоперсидского противостояния: XVI–XVIII вв.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2011.

Гаджиев Т.В. Государство, общество и право в Дагестане (до второй четверти XIX в.): Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2001.

Гасанов М.Р. Из истории дагестано-грузинских взаимоотношений (с древнейших времен до конца XIV в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1968.

Гасанов М.Р. Взаимоотношения народов Дагестана и Грузии в XIX – начале XX в.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Тбилиси, 1986.

Магомедов Д.М. Социально-экономическое развитие Дидо в XVIII – нач. XIX вв.: Дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1975.

Магомедов Н.А. Экономическое развитие Дербентского ханства в XVIII в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нальчик, 1985.

Мальцев И.А. Рабство в Сибири и Оренбургском крае в XVIII – первой половине XIX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 2008.

Чирг А.Ю. Борьба России против контрабанды и работорговли на Северо-западном Кавказе (1829–1864): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1987.

10. СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Автореф.	– Автореферат.
АКАК	– Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. – Тифлис.
Акад.	– Академик.
Арх. матер.	– Архивные материалы.
В.	– Век.
Вв.	– Века.
ВУА	– Военно-ученый архив.
Вып.	– Выпуск.
Г.	– Год.
Гг.	– Годы.
Д.	– Дело.
Дис. ... д-ра ист. наук	– Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук.
Дис. ... канд. ист. наук	– Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук.
Док. и матер.	– Документы и материалы.
ДФ АН СССР	– Дагестанский филиал Академии наук СССР.
Ед. хр.	– Единица хранения.
ЗКОИРГО	– Записки Кавказского отдела императорского русского географического общества. – Тифлис.
ИГЭД	– История, география и этнография Дагестана. XVIII–XIX вв. – М.
Изд. текста, перев., коммент., вступит. статья и примеч.	– Издание текста, перевод, комментарии, вступительная статья и примечания.
ИИАЭ ДНЦ РАН	– Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук.
ИИЯЛ ДФ АН СССР	– Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала Академии наук СССР.
КК	– Кавказский календарь. – Тифлис.
Кн.	– Книга.

КС	– Кавказский сборник. – Тифлис.
КЭС	– Кавказский этнографический сборник. – Тбилиси.
Л.	– Ленинград
Л.	– Лист.
М.	– Москва.
Оп.	– Опись.
Примеч.	– Примечание.
Проф.	– Профессор.
РГАДА	– Российский государственный архив древних актов.
РГВИА	– Российский государственный военно-исторический архив.
РГИА СПб.	– Российский государственный исторический архив Санкт-Петербурга.
РДО, 1958	– Русско-дагестанские отношения в XVII – первой четверти XVIII вв. / Сост. Р.Г. Маршаев. Под ред. Е.Н. Кушевой. Махачкала, 1958.
РДО, 1988	– Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. Док-ты и мат-лы / Под ред. В.Г. Гаджиева. М.: Наука, 1988.
Ред.	– Редакция.
РФ ИИАЭ	– Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской Академии наук.
С.	– Страница.
Сборн. док. и матер.	– Сборник документов и материалов.
СМОМПК	– Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Тифлис.
СПб.	– Санкт-Петербург.
ССКГ	– Сборник сведений о кавказских горцах. – Тифлис.
СССК	– Сборник статистических сведений о Кавказе. – Тифлис.
Сост.	– Составитель.
Тез. докл.	– Тезисы докладов.
Т.	– Том.

УЗ	– Ученые записки.
Указ. соч.	– Указанное сочинение.
Ф.	– Фонд.
ЦГА РД	– Центральный государственный архив Республики Дагестан.
ЦГИА РГ	– Центральный государственный исторический архив Республики Грузия.
Ч.	– Часть.

instituteofhistory.ru

11. СЛОВАРЬ АРХАИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ И МАЛОИЗВЕСТНЫХ СЛОВ

абрек – (перс. «апараг», – бродяга, грабитель) – разбойник.
адат (араб., – обычай) – обычное право у мусульман
азат – бывший раб, получивший свободу за деньги или при каком-нибудь условии, вольноотпущенник
Аййубиды – арабская династия
аппараг, мн. число апарагзаби, (авар.) бродяга, грабитель
аппарекоба – набеги горцев-хевсур с целью захвата добычи
аспры – денежная единица в Генуэзской Кафе
багулал – «неполноправные люди» в Салатавии
баделят – феодал в Осетии
барамта – традиция захвата скота или имущества обидчика до возмещения убытка
бахарзал (авар.) – герои, удалыцы
буддизм – одна из трех мировых религий
везирь - (визирь), (араб. – высший сановник в странах Ближнего Востока, титул министров во многих мусульманских государствах.
воевода – начальник гражданского и военного управления в русских городах, – в русских документах XVI–XVIII в. глава, владелец (владелец) феодального владения и глава сельского общества
«вольное общество» - объединение сельских общин в Дагестане
газии – «вольные» воины-добровольцы, «защитники» веры, правды и справедливости, проповедники Ислама в Дагестане
«горское хищничество» – набеги горцев на Грузию и казачьи станицы
гулхадары (гулдахары, глуходары) от груз. «бедный, убогий, нищий» – население сопредельных Кахетии обществ горцев Дагестана.
дворовые чагары – рабы, родившиеся в доме господина, дворовые холопы
догерек-уздень – т.е. круглый уздень, крестьяне, не имевшие собственной земли, обрабатывающие княжеские или узденские земли.
джаллукул – эксплуатируемый класс у ногайцев, рабы

джамаат, сельская община, сельский сход – (араб. джамаа – общество, община, собрание)
джолсызкул – эксплуатируемый класс у ногайцев, рабы
есар бераш (чеч.) – дети ясырей
«живой товар», рабы, предназначенные для продажи
кабальное (долговое) рабство – особый вид холопства, при нём должник личной службой погашал проценты на занятый капитал
кабальный раб – должник или недоимщик
казак (къзазах, гъзагахъ, хъзазахъ) – авар. «батрак», «пленный раб»; дарг. и лак. «слуга», «батрак», «работник»; бежтинский «грузин»; кумык. «свободный человек, служивший князю или узденю за плату», но в XIX в. – «батрак».
каик (кайк, каюк) – легкое морское и речное грузовое судно
канлы – кровник, кровный враг
караваш (къараваш, къарабаш) – домашняя рабыня у кумыков
косаги – рабы в Осетии
кул – раб
кул-каджар, кул-къажар – раб-перс (здесь раб-азербайджанец)
кул сахиб – рабовладелец
кунак – друг, представитель другой национальности
къанлы къазакъ – кровник
къафир (араб.) – безбожник
лаг (лай) – раб
лагъ-тархан (авар.) – вольноотпущенник
лагъ-хъзазахъ – раб
лагъзал – бесправное сословие, рабы
лагское сословие - рабы
лай (чеч.) – раб
леки (груз.) – горцы Дагестана
лекианоба – (буквально «лезгинщина»), т.е. набеги из Дагестана на Грузию организованных феодалами дружин с целью грабежа и увода населения в рабство
логангут – феодально-зависимый крестьянин в Кабарде
магометанский закон – ислам, одна из трех мировых религий
мамелукское войско – египетское войско, набранное из рабов разной национальности
меконроба – (груз.) набеги горцев-тушин на сопредельные земли Дагестана с целью захвата пленных и трофеев

мурза – (тюрк.) – звание члена владетельной семьи на Кавказе, в Крыму у татар
назр – бет
наездничество – кавалерийские наезды, нападения мелких групп всадников или отдельных всадников на неприятеля, здесь – горцев на грузинские села или казачьи городки
наххас (араб.) – работорговец, торговец скотом
нахъателал – букв. «стоящие в последних рядах» – освобожденные рабы
невольник – раб, пленник (см. ясырь)
нукер – дружинник, воин личной охраны хана, князя
нуцал – титул ханов Аварии
одалиска – (от тур. *odalik* — «горничная, рабыня, служанка») — женщина, состоящая в гареме султана, наложница, невольница, рабыня.
оьзда нах (чеч.) – свободные люди
Порта (Высокая, Блистательная) – правительство Оттоманской империи
пленнопродавство – торговля ясырями
раб – человек, который является собственностью другого лица, или группы лиц, или государства
служилые татары – этносословная группа татарского населения в Московском княжестве, Русском Царстве и Российской империи в XIV–XVIII вв. Первоначально формировались из представителей татарской феодальной знати
таньга – (от тюрк, тамга – знак, монетный штампель) серебряная монета ряда государств Средней Азии
тарковский шамхал – титул главы феодального государственного образования на территории Дагестана – Тарковского шамхальства
тархан (тархъан гъарурал) (авар.) – вольноотпущенник
толмач (тюрк.) – переводчик, лицо, осуществляющие устный перевод с одного языка на другой, посредник, в разговоре с иностранцами
торжище – рынок, торговая площадь
туман (перс.) – золотая монета
тургъак къазакъ – нукеры, сборщик податей

тухум (туккхум) (от иранского *tohum* – «семья») – военно-экономическое или военно-политическое объединение, союз как семей, так не связанных между собой кровным родством групп.
тягловые люди – холопы на Руси
уголовное рабство – форма рабства, по которой человек становился рабом, при совершении уголовного преступления
узденъ, (второстепенный узденъ, третьестепенный узденъ) – лично свободный крестьянин
унаут, унаутка – раб, рабыня в Кабарде
уорк – служилое сословие, дружинники в Кабарде
уцмий (усмей, усмий) – титул феодального владельца Кайтагского уцмийства
холопство (рабство) – состояние несвободного населения
хухъул (куласул + кул) – раб раба
халифат – теократическое мусульманское государство, возникшее в результате мусульманских завоеваний в VII–IX вв.
харадж – государственный поземельный налог
чагар – (чагъар) раб, заключивший с хозяином письменный договор о самовыкупе в установленный срок и за определенную сумму
чагар-караваш – домашняя рабыня
чагар-кул, дворовой чагар – домашний раб
чагъарал – мн. число от чагъар
«Черная смерть» – эпидемия чумы в Европе и на Востоке в середине XIV в.
шадлых – набег
шамхал (шевкал) – титул тарковского феодального владельца
шариат – мусульманская система права, свод положений и норм мусульманского права
ширван-шах – титул феодальных владельцев Ширвана
чауш – сельский исполнитель
холопы (см. раб)
эмир – (араб.) – повелитель, вождь) – в некоторых мусульманских странах Востока и Африки титул правителя, князя. Также употребляется в значении предводитель мусульман вообще
ясырь (асир, ессир, йийсар, ясир) – невольник, пленник, раб.
ясырь-базар – невольничий рынок.

12. УКАЗАТЕЛИ

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абаев В.И.** – 45, 46
Абакаров Чура, житель Аксая – 127
Абд ал-Гаффар, рабовладелец – 160
Абдуллаев Г. – 122
Абдуллаев М.А. – 67
Абдуллаев И.Х. – 38, 45
Абдуллаев С.Н. – 38, 48
Аби Хамид Мухаммад ал-Газали, исламский богослов, правовед, философ и мистик, из Персии (Иран) – 89
Абисаловы, дигорские феодалы – 117
Абу Хамид ал-Гарнати, арабский путешественник, автор книг «Ясное изложение некоторых чудес Магриба» и «Подарок умам и выборка из чудес» – 107
Агалар хан, казикумухский хан – 109
Аганесова Э.В. – 29
Агаян Ц.П. – 18, 62
Агларов М.А. – 23, 45, 46, 50, 67, 84, 86, 90, 92, 99, 106, 109, 163, 166, 167
Аджиев, князь, помощник председателя Мирового посреднического суда по освобождению зависимых рабов в Кумыкском округе – 176
Аджиев Мурад Сулейман, житель сел. Эндирей – 76
Аиссе, невольница-черкешенка во Франции – 155
Айдемиров Магомед, житель сел. Гертма – 126
Ай-Меседо, княгиня, дочь *Амир-Хамза-нуцала* (сер. XVIIIв.) – 160
Айтберов Т.М. – 37, 109, 110, 111, 160, 161, 187
Айшат, дочь Испахи, рабовладелица – 160
Акбиев А.С.-М. – 24, 57, 77, 84, 88, 136, 137, 138
ал-Истахри, путешественник, автор «Книги путей и царств» и др. – 55
Александр I, Российский император 1801–1825 гг. – 130
Али, *ясырь* узденя Джанакая из Эндирея – 77
Алибек, уздень Будай-мурзы Бойнакского – 139
Алибеков Асав, аксаевский владделец – 176
Алибеков М. – 201
Алиев Б.Г. – 2, 8, 20, 21, 25, 27, 67, 75, 78, 79, 80, 92, 94, 110, 112, 163, 166
Али-заде А.А. – 117, 118
Али б. Тахир Улучари, свидетель освобождения Чупу, раба Бека из сел. Кунди – 169
Алиев Ильяс, поручик, депутат от рабовладельцев в Мировом посредническом суде по освобождению зависимых рабов в Кумыкском округе – 176
Алиханов С.З. – 38, 48
Али-заде А.А. – 117, 118
Амир-Хамза, нуцал – 160, 161
Анрианов Матвей, раб в Тарках – 57
Анреп И.Р., командующий русскими войсками в начале 40-х гг. XIX в. на Черноморском побережье Кавказа – 134
Анучин Д.Г., сенатор, генерал от инфантерии, Восточно-Сибирский генерал-губернатор, военный писатель – 134
Аристотель, (384–322 до н.э.), древнегреческий философ и учёный – 40, 181
Асиятилов С.Х. – 90
Атаев Д.М. – 74
Атаев М.М. – 121
Афак, кипчакская рабыня, жена Низами Гянджеви – 122
Афраам, «френк», должник Джанакая, жителя сел. Эндирей-75,76
Ахвердов А.И., кизлярский комендант – 39, 124, 125
Ахлаков А.А. – 65
Ахмадов Ш.Б. – 31, 94, 96, 116, 129, 167, 168
Ахмадов Я.З. – 153
Ахмедов Ш.М. – 20, 58, 65, 74, 92, 93, 94
Бабагулов Маухан, костековский уздень – 140, 141
Байджукум-бек, сын Эльчав Ахмед-бека, владетель крепости Ахир в Южном Дагестане – 109
Бамматов Б.Г. – 44, 166
Бамматов З.З. – 38, 48
Барсов П. – 9
Бартольд В.В., российский востоковед, тюрколог, арабист, исламовед, историк, архивист, филолог, академик Санкт-Петербургской Академии наук (1913) – 114

Барятинский А.И., (1815–1879), русский государственный и военный деятель, генерал-фельдмаршал, генерал-адъютант, член Государственного совета, 1856–1862 гг. главнокомандующий войсками Отдельного Кавказского корпуса и наместник императора Александра II на Кавказе. – 69, 87, 124

Бахтамов И.М. – 162

Бек, рабовладелец из сел. Кунди – 169

Бекович-Черкасский Александр, князь, потомок кабардинских князей, капитан Преображенского полка – 144

Белобородов А. – 13

Березин Н.И., российский востоковед (тюрколог, иранист, монголист), заслуженный профессор Петербургского университета кафедры турецко-татарской словесности, тайный советник-11

Беркиханов М.С. – 170

Беров Георгий, грузин, раб из сел. Карабудахкент – 127

Бичо, сын Тамазовой Тамары рабыни аксаевца Абакарова Чуры – 127

Бларамберг И.Ф., генерал-лейтенант, директор Военно-топографического депо, управляющий Военно-топографической частью ГУ Главного штаба – 39

Блиев М.М. – 61, 66

Богорулиев Гоги, грузин, ясырь Умара из сел. Эндирей – 127

Бобровников В. – 51, 66, 67, 152

Бородин Э. – 10, 123

Брокгауз Ф.А., немецкий издатель, основатель издательской фирмы «Брокгауз» и издатель «Энциклопедии Брокгауз» – 85, 159

Броневский С.М. – 10, 68, 69, 125, 128, 154, 186

Булатова А.Г. – 93, 94, 109, 110, 111

Бутков П.Г. – 39, 136, 152

Буцковский А.М. – 39, 125, 192

Бутаев Б. – 24

Бутлер Давид, голландец, капитан первого русского военного корабля «Орёл» – 57

Бушуев С.К. – 34

Варрон Теренций, римский учёный-энциклопедист, писатель – 40, 181

Вахушти, царевич – 61

Велиев Акай, мулла, депутат от рабов в Мировом посредническом суде по освобождению зависимых рабов в Кумыкском округе – 176

Великая Е.В. – 32, 141, 150

Вельяминов А.А., генерал-лейтенант, главнокомандующий в Грузии – 62

Венедиктов А.В., советский юрист – 182

Веселовский Н.И. – 143

Виноградов В.Б. – 31, 32, 82, 150

Волконский Г.С., оренбургский военный губернатор – 135, 154, 155

Воронцов М.С., наместник Кавказа – 150

Вояковский Ф.П., начальник Хасавюртовского округа, полковник – 175

Габиев Д.-М. – 35

Гаврилов П.А. – 21

Гаджиев Али, житель аула Чиркей Буйнакского района – 99

Гаджиев В.Г. – 8, 15, 19, 20, 26, 35, 61

Гаджиев З.Т. – 30, 83, 113, 114

Гаджиев Т.В. – 30, 50, 97

Гаджиева С.Ш. – 8, 10, 14, 15, 17, 28, 44, 45, 49, 71, 72, 76, 78, 79, 84, 88, 108, 112, 125, 142, 164, 165, 166, 174, 176, 177, 178, 187

Гаджимурадова З.М. – 98, 99

Галбац, вольноотпущенник, поселившийся с семьей у сел. Гертма – 163

Гарданов В.К. – 35, 36

Гарунова Н.Н. – 29

Гасанов М.Р. – 25, 26, 59

Гельди, рабыня Бека из сел. Кунди – 169

Георгиев Безина, грузин, раб, из сел. Цудахар – 127

Герги, раб Бека из сел. Кунди – 169

Гербер И. Г., немецкий ученый, в 20-х гг. XVIII в. на русской службе, участник Каспийского похода Петра I, автор «Описания стран и народов, между Астраханью и рекою Курой находящихся» – 10, 19, 39, 58, 123

Георгий, ясырь жителя сел. Цудахар – 126

Гильденштедт И.А., естествоиспытатель и путешественник, академик Петербургской АН – 39

Гмелин С.Г., немецкий естествоиспытатель, врач, ботаник, этнограф, путешественник, исследователь Сибири, Урала, Кавказа, адъюнкт химии и натуральной истории Петербургской Академии наук – 130

Гоха, чеченка, пленница, положившая начало роду Гохаевых – дигорских феодалов – 117

Григорович, майор, председатель Мирового посреднического суда по освобождению зависимых рабов в Кумыкском округе – 176

Гриценко Н.П. – 31

Гусейн б. Мухаммад Бахикри, свидетель освобождения Герги, раба Бека из сел. Кунди – 169

Гусейнов Р. – 121

Гянджеви Низами, (полное имя – Низами Абу Мухаммед Ильяс Юсуф), известный азербайджанский поэт, мыслитель – 122

Дадаев Ю.У. – 27

Далгат У.Б. – 65

Даль В.И., русский учёный, писатель и лексикограф, составитель «Толкового словаря живого великорусского языка» – 44

Даниялов Г.Д. – 8, 21, 66, 105, 106, 110

Данилевский Н.Я., русский социолог, культуролог, публицист и естествоиспытатель – 11

Датунов Тамаза, грузин, ясырь Курмамата из сел. Цоботы – 127

Девлетхан-бике, аксаевская княгиня – 145

Дегоев В. – 150

Дебирова Арбе-кыз, рабыня Шабаз-Гаджи Исмаилова из сел. Эндирей – 178

Дельпоццо И.П., генерал-майор, комендант крепости Владикавказ и командующий войсками на Кавказской линии – 151, 152

Джабраил, житель сел. Гертма – 126

Джамалутдин, сын имама Шамиля – 153

Джанакай, житель сел. Эндирей – 75, 76, 77

Джидалаев Н.С. – 38, 42, 43

Дибирова А.И. – 26, 61

Дуглас, генерал-лейтенант Российской императорской армии – 129

Дубровин Н.Д. – 88, 189

Дубровин Н.Ф., академик Российской императорской академии – 12, 78, 87, 91, 132, 165, 166, 190, 194

Дукаев Икав Гаджи, депутат от рабов в Мировом посредническом суде по освобождению зависимых рабов в Кумыкском округе – 176

Ермолов А.П., проконсул Кавказа – 150, 152, 153, 156, 157

Ефрон И.А., российский типограф и книгоиздатель – 85, 159, 212

Жузе П.К. – 122

Журавская З.Н. – 6, 41, 158

Загиров Р.М. – 38, 48

Зумаутов Тувадак, житель сел. Чечен-аул в Центерое – 126

Зурабов Георгий, грузин, ясырь Али – жителя Казанищенской деревни – 127

Ибн ал-Асир, арабский историк – 122

Ибрагимов М. – 124

Иванов Автандил, грузин, ясырь из сел. Анди – 127

Ильдар-шамхал, «шамхал» Кази-Кумуха – 76, 188

Ингрэм Джон – 6, 41, 44, 158

Иноземцева Е.И. – 1, 2, 28, 151

Ипполитов А.П. – 95

Ислам-Бамат, дядя Тарковского шамхала Муртузали – 144

Исмаилов Шабаз-Гаджи, владелец из сел. Эндирей – 178

Кабановы, дигорские феодалы – 117

Казакмурзаев, посредник при освобождении братьев Шамановых – рабов Клычева Даита – 177

Казаналип, эндиреевский владелец – 143

Казаналипов Али-Султан, князь, рабовладелец – 175, 176

Казначеев В.А. – 133, 206

Кандауров Мутай, уздень из сел. Эндирей – 76

Кандауровы, эндиревские рабовладельцы – 176

Кануковы, дигорские феодалы – 117

Каплан-Гирей Солтанмамутов, (См. Солтанмахмудов Каплан-Гирей) – 56, 146

Капланов Абдулмеджид, аксаевский владелец, князь, штабс-капитан – 176

Караулов Н. – 55

Кареев Н.И. – 41

Карпов Ю.Ю. – 59

Кацо Георгий, ясырь-грузин цудахарца Мусы – 126

Кацоев Георгий, грузин, ясырь из сел. Чиркей – 127

Кидирниязов Д.С. – 2, 25
Клычев Даит, уздень из сел. Хаджи-юрт Хасавюртовского округа – 177
Клычников Ю.Ю. – 31, 32, 67, 69, 82, 132, 133, 134, 135, 141, 150, 153, 155, 156
Кнорринг К.Ф., барон, генерал-лейтенант, управляющий пограничными делами Кавказского края – 142
Ковалевский М.М. – 12, 13, 74, 113
Ковалевский П.И. – 126
Козлов В.И. – 41
Кокиев Г.А. – 44, 67, 68, 73, 78, 80, 97, 117, 122, 123, 142
Колосов Л.Н. – 153
Комаров А.В. – 36
Косвен М.О. – 39, 125
Котов Федор, московский купец – 9
Коцебу А.И., генерал-лейтенант – 176
Коцебу М.О., исследователь XIX в. – 39
Кубатиевы, дигорские феодалы – 117
Куку, отец рабовладельцев Мухаммада и Абд ал-Гаффара – 160
Култин Багаматка, житель сел. Эндирей – 139
Кумыков Т.Х. – 30, 73, 97
Курбан-Али, сын Томазовой Тамары – рабыни аксаевца Абакарова Чуры – 127
Курмамат, житель из сел. Цоботы – 127
Куроедов А.М., кизлярский комендант – 140, 144
Курцеладзе – 60, 169
Кушева Е.Н. – 18, 34, 56, 110, 138, 139, 143
Лаварслан, «везир» шамхала Тарковского Муртазали – 148
Лаудаев У. – 81
Левашов В.Я., генерал-лейтенант, кизлярский комендант – 129, 136
Ленин В.И. – 182
Леонтович Ф.И. – 36, 84, 95, 96, 164, 165, 168
Лерх Иоган-Якоб (1708–1780), доктор медицины, в 1745 г. сопровождал российское посольство в Персию – 39
Лилов А. – 13
Лобанов-Ростовский М.Б. – 10, 58, 91, 109, 112, 113, 165, 166, 186

Лугуев С.А. – 2
Львов Н. – 12, 144
Магомед-Аджи Шейх, житель сел. Чиркей – 126
Магомед-Уцмий Солтанмамутов, (см. Солтанмахмутов Магомед-уцмий) – 112, 144
Магарамов Ш.А. – 121, 122
Магомедов А.Р. – 22
Магомедов Д.М. – 26, 60, 62, 63, 64, 65, 80, 91, 94, 164, 185
Магомедов Н.А. – 2, 8, 24
Магомедов Р.М. – 8, 16, 17, 34, 37, 42, 59, 60, 61, 92, 105, 129, 130, 161, 169, 171, 185, 186, 189, 193
Магомедов Ш.Б. – 37
Магомедова П.Т. – 48
Макаров Т. – 11, 164
Маламагомедов Д.М. – 56
Мальцев И.А. – 33, 47, 154
Мамакаев М. – 81
Мамбетов Г.Х. – 49, 68, 97, 123
Мансурова А.Г. – 24
Мансуров Ш.М. – 24, 126, 161, 162
Марашев Солтан, житель сел. Герменчук – 126
Маргал, рабыня *Айшат* дочери Испахи (XVI в.) – 160
Маршаев Р. Г. – 24, 34, 35, 76, 143
Матфий Махмар, раб, ткач в Тарки – 57
Меликов, князь, начальник Дагобласти – 176
Мерван ибн Мухамед, халиф из династии Омейядов – 55, 56
Меседибике, вдова кумторкалинского бека – 72, 78
Мизулина Е.Б. – 53
Микаилов К.Ш. – 38, 45
Минорский В.Ф. – 56, 74
Моисей, пророк – 5, 158
Морозова А. – 10
Мочульский. – 59
Мурзин Будаи, уздень из сел. Бойнак – 139
Муркелинский Г. – 38, 48
Муртазаев А.О. – 75
Муртузали-Аджиевы, эндиревские рабовладельцы – 176
Муртузали-шамхал – 140, 144, 148

Муртузали Хаджи-оглы, кумыкский князь – 126
Мусса, житель сел. Цудахар – 126
Мустин Минкиши, служилый окочанин (ауховец) крепости Терки – 138
Мухаммад, сын Куку, рабовладелец – 160
Мухаммад б. Аййуб Кувачи, свидетель освобождения рабынь Шахум и Фатимат – 160
Мухаммад б. Али Акалчи, свидетель освобождения рабынь Шахум и Фатимат – 160
Мухаммад б. Хусайн, раб княгини Ай-Меседо (XVII в.)
Мухаммед, пророк – 5
Мухаммед б. Дауд из Гидатла, свидетель освобождения раба Чупы – 169
Муцал Сунчалеевич, (см. Черкасский Муцал Сунчалеевич) -139
Надир-шах, шах Персии – 122
Назук, рабыня Улахай-шамхала (XVI в.) – 160
Налоева Е.Дж. – 30, 31
Нанов Бери, грузин, ясырь Чоба из сел. Цыхор – 127
Нарочницкий А.Л. – 132, 133
Неверовский А.А. – 11, 63, 114
Несеев Дмитрий, грузин, ясырь из «тавлинской» деревни Чирхата (Чирката) – 127
Несельроде К.В., управляющий министерством иностранных дел Российской империи – 156
Нефлягиева Н. – 82
Новосельцев А.П. – 41, 42, 43, 72
Нури-оглы Наги, житель г. Дербент – 76
Оболенский В.Е., генерал-майор, кизлярский комендант – 146
Олсарий Адам (1600–1670), немецкий путешественник, географ, ориенталист, историк, математик и физик, автор сочинений о России – 9, 10, 57
Омар, житель сел. Миатли – 162
Омаров А.С. – 84, 86
Оразаев Г. М.-Р. – 37, 38, 56, 70, 71, 113, 127, 131, 141, 144, 146, 147, 148
Орбелиани В.И., грузинская княгиня – 153
Осман-бей, автор XIX в. – 155, 156
Османов Г.Г. – 17, 21, 84, 92, 190

Панарин С.А. – 51, 66, 152
Паранька, рабыня, выкупленная и возвращенная в Терский город – 139, 140
Паркер Ф.И., полковник, кизлярский комендант – 147
Пашуто В.М. – 43, 72
Пенчко Н.А. – 132, 204
Петрушевский И.П. – 61, 106, 123, 128
Петухов П., антрополог, врач, исследователь Дагестана XIX в. – 12
Потапов Н.А., кизлярский комендант – 70, 77
Потто В.А., генерал-лейтенант, военный историк – 153
Пржецлавский П. – 65
Приймак Ю.В. – 154
Пулло, генерал – 152
Разин Степан – 57
Раевский Н.Н., генерал – 133, 135, 156, 198
Рамадан, отец рабыни *Маргал* – 160
Рамазанов Х.Х. – 8, 18, 35, 46, 65, 72, 75, 105, 111, 122, 123, 128, 169, 170, 171, 173, 174, 178, 179, 184, 199
Ранович А.Б. – 46
Робакидзе А.И. – 30, 47, 48, 94, 96
Романов Михаил Федорович, царь 1613–1645 – 76, 188
Рукият, женщина, проданная в рабство жителю с. Аксай сыном шамхала Абдул-Муслима – 71, 187
Руновский А. – 11, 105, 110
Рустем-Хан, уцмий Кайтагский – 36
Саидов И.М. – 30, 96, 168
Свешникова Феколка, жена стрельца Терского города, захваченная в плен в Тарки – 139, 140
Семенов Н. – 13
Смирнов В.Д. – 155
Соловьев П.С. – 55
Солтанмахмудов (Солтанмамутов) Каплан-Гирей, аксаевский владделец – 56
Солтанмахмудов (Солтанмамутов) Магомед Уцмий, аксаевский владделец – 56, 112
Солтан-Мурад-Хаджи, крымчанин, работороговец – 130
Спенсер Э. – 81, 82

Страбон, древнегреческий географ и историк – 46
Сталин И.В. – 182
Стрейс Ян, голландский путешественник XVII в., автор книги «Три путешествия» – 10, 56, 123, 192
Суздальцева И.А. – 29
Суханов Арсений, русский церковный и государственный деятель, дипломат, писатель, путешественник, автор: «Проскинитария». – 9
Сурхай-хан I Кази-Кумухский – 111
Тавакелов Казар, грузин, ясырь из сел. Унцукуль – 127
Таймасханова Т.Г. – 38, 45
Тамазин Гогия, грузин, ясырь Умара, жителя сел. Эндирей – 127
Тамазова Тамара, рабыня аксаевца Абакарова Чуры – 127
Томад, грузин, раб – 139
Томулдук, посол шамхала Тарковского – 76
Тотоев Ф.В. – 30, 31, 95, 126, 128, 137, 138
Торнау Ф.Ф., русский офицер, дипломат, писатель, разведчик, участник Кавказской войны, автор документальных литературных произведений. – 68, 133, 135
Тугановы, дигорские феодалы – 117
Турлов Табури, уздень князя Муцала Черкасского – 139
Тхамоков Н.Х. – 30, 97, 115
Улахай-шамхал, б. Улахай-шамхал (XVI в.) – 160
Уму-хан Аварский (Справедливый) – 37
Умаханов М.-С.К. – 8, 20, 22, 92, 94, 142
Утути, ясир, ставший основатель тухума Утутиял в сел. Нижнее Хваршини – 164
Фадеев А.В. – 59
Фадеев Р.А. – 134
Фасмер М. – 44
Фатимат, рабыня, дочь Хусейна б. Цулбу – 160
Феодаева Ф.З. – 27, 138, 140
Фонвиль А., французский военный советник, участник и очевидец военных действий на Северо-Западном Кавказе в 1863–1864 гг. – 135
Фрауендорф фон И.Л., генерал-майор, кизлярский комендант – 128, 141
Фроянов И.Я. – 46, 47, 72, 88

Фрейтаг Р.К., генерал-лейтенант, участник Кавказской войны. – 151
Хадзиказ, пленница-чеченка, положившая начало фамилии дигорских феодалов Хадзиказовых – 117
Халидова Р.Ш. – 48
Хамзин Темир, костекровский владелец – 70, 127, 130, 144
Харадзе Р.Л. – 30, 94, 96
Хасанка (Хасан), аманат в Терской крепости, сын Багаматка Култина из Эндирея – 140
Хасбулатов А.И. – 31, 46, 49, 81, 94, 95, 96, 116, 168, 172
Хасбулат-шамхал, тарковский шамхал в 1725–1764 гг. – 142
Хасмагомедов Э.Х. – 153
Хашаев Х.-М.О. – 8, 16, 36, 39, 50, 84, 105, 125, 167
Хиналугский Махмуд, историк, автор сочинения «События в Дагестане и Ширване». – 109
Хусейн б. Цулбу, отец рабынь – Шахум и Фатимат – 160
Христофоров Иван, армянин, захваченный в плен сыном Тарковского шамхала – 58
Цагарели А.А. – 60, 62, 63
Цыбульников А.А. – 32, 52, 67, 68, 132, 133, 134, 135, 155, 156
Цицианов П.Д., генерал от инфантерии, главнокомандующий в Грузии, астраханский военный губернатор. – 131, 151
Чавчавадзе А.И., грузинская княгиня – 153
Чарторыйский А.А., князь, польский и российский политический деятель, министр иностранных дел Российской империи (1804–1806). – 132
Черепнин Л.В. – 43, 72
Черкасский Муцал Сунчалеевич, кабардинский князь – 139
Чирг А.Ю. – 32, 33, 134, 135, 156
Чичагова М.Н., княгиня – 153
Чоба, житель сел. Цыхор, хозяин ясыря-грузина Нанова Бери – 127
Чопанов Муртазали Аджи, эндирейский бек – 77
Чупу, раб Бека, сына Гази из сел. Кунди – 169
Чупан, кутишинский «князь» (XV в.) – 109
Чупанилав из Нижнего Чугли, наследник кутишинского «князя» – 37, 109, 110
Шабан ал-Убуди, дагестанский ученый из сел. Обода – 160

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Шагин-Гирей, хан Крыма, российский ставленник – 154
Шамиль, имам Дагестана и Чечни – 20, 27, 153, 169
Шамрай В.С. – 4, 34, 129, 135, 138, 139, 149
Шарлота-Элизабет, см. Аиссе
Шахманов Курманай, раб узденя *Клычева Даута* из сел. Хаджи-юрт – 177
Шахманов Терекбей, раб узденя *Клычева Даута* из сел. Хаджи-юрт – 177
Шевцов Павел, майор Грузинского гренадерского полка – 153
Шейх Магомед-Аджи, житель сел. Чиркей – 126
Щетинин М.И., терский воевода (1651 г.) – 139
Шигабудинов М.Ш. – 37
Шиллинг Е.М. – 19, 21
Шихалиев Д.М. – 14, 88, 108, 125, 157, 165, 169
Шихсаидов А.Р. – 8, 21, 107, 109, 184
Шахум, рабыня, дочь Хусейна б. Цулбу – 160
Эльдаров Биярслан, аксаевский владелец – 176
Эльмурзаев Мусса, подпоручик, эндирейский рабовладелец – 176
Энгельс Ф. – 115
Эсадзе С.С., член Кавказского отдела Русского географического общества, подполковник, военный историк – 106, 171, 174, 175
Юшков С.В. – 15, 16, 113

Абхазы – 132
Авария – 23, 37, 49, 105, 106, 110, 129, 167, 170
Аварский округ – 85
Аварское ханство – 110, 125
Адриатика – 43
Адыгея – 82, 134
адыги – 33, 98
Азербайджан – 61, 76, 117, 118, 122,
Акнада, сел. – 62
Аксайская деревня (Аксай), сел. – 71, 127, 128, 129, 142, 187
Акуша, сел. – 20, 75, 111
Акушинское общество – 75, 94, 190
Акрах – 59
Алжир – 133
Александрия – 133
Александров путь (Военно-Грузинская дорога) – 133
Амишта, сел. – 110
Амузги, сел. – 107
Анапа, гор. – 125, 149, 151
Анатолия, область Османской империи – 133, 134
Андалал, общество – 59
Анди (Андийская деревня), сел. – 65, 127, 128, 167, 193
Андийский округ – 36
Андо-Шуратль, общество – 164
Ансукул (см. Унцукуль), сел. – 127
Арагон – 182
Аракс, р. – 150
Аргунский округ – 95
Армения – 122
Астрахань, гор. – 57, 58, 76, 136, 142, 185
Афганистан – 118
Ахалцых, крепость – 53, 125
Ахир, крепость – 109
Ахмедкент, сел. – 130
Бактулал, общество – 59

Балхар, сел – 127, 194
Ближний Восток – 42, 72, 88, 89, 90, 107, 121, 187, 192
Бойнак, сел. – 9, 45
Большая Кабарда – 124, 126, 128, 130, 192, 193
Буйнакский район – 99
Бурши, сел. – 110
вайнахи – 80, 94, 168
Верхнее Инхо, сел. – 98
Владикавказ, гор. – 14, 152
Внезапная, крепость – 157
Гагры, гор. – 134
Гапшима, сел. – 111, 169
Гента, сел. – 163
Генух, сел. – 164
Герменчук, сел. в Чечне – 126, 152
Гертма, сел. – 126, 163
Гидатль, Гидатлинское вольное общество – 61, 92, 169
Гимры, сел. – 127, 194
Главный кавказский хребет – 61
Горный Дагестан – 15, 22, 64
Грузия – 11, 26, 43, 51, 59, 60-64, 136, 142, 156, 170, 185, 186, 192
грузины – 59, 63, 69, 81, 98, 117, 123, 125-128, 131, 137, 139, 142, 144, 145, 151, 186, 193
Греция – 6, 121, 192
Гумбетовский район – 98, 99, 190
Гунибский округ – 36, 91, 190
Гюбечи, см. *Кубачи, сел.*
Дагестан – 2, 4, 6 – 11, 13, 15 – 22, 25-46, 50, 51, 53 – 55, 58 – 61, 63 – 66, 72, 75, 78, 83 – 85, 87, 90, 91, 93, 94, 96-98, 101, 103, 105-115, 119 – 124, 126 – 128, 130, 133, 141, 143, 149, 157-160, 163, 167, 171, 173-175, 178, 179, 181, , 183-189, 191-195
Дагестанская область – 36, 69, 87, 124, 173, 197
Дегенчулал, тухум в сел. Генух – 164
Древний Рим – 6
Дербент, гор. – 24, 55, 58, 76, 105, 121-123, 128, 129, 185, 192, 193
Дербентское владение – 24
Джамалал (Чамалал), вольное общество – 59
Джар, сел. – 128, 149, 152

Джаро-Белоканы, союз союзных вольных обществ – 61, 62, 157
джарцы – 61, 149
дидойцы – 60
Дубримахи, сел. – 111
Европа – 8, 132, 150, 155
Египет – 125, 132
Закавказье – 11, 41, 42, 46, 58, 63, 65, 72, 130, 185, 186
Западный Дагестан – 26, 60, 80, 91, 164
Закатальский округ – 36, 74, 76
Закубанье – 33
Засулакская Кумыкия – 11, 13, 15, 16, 108, 166 175
Ингушетия – 30, 31, 116, 117, 129, 168
Иерусалим, гор. – 9
Ингердах, сел. – 84, 85
Иран – 28, 62, 63, 106, 114, 118
Италия – 113
Кабарда – 78, , 96, 97, 115, 126, 128, 139, 185
Кавказ – 11-14, 33, 44, 47, 51, 52, 59, 60, 66, 73, 87, 88, 116, 121, 122, 124, 129, 131, 134, 135, 143, 150, 152-157, 172, 173, , 181, 183, 186, 192, 194, 195
Кавказская кордонная линия – 14, 141, 152
Кайтагское уцмийство (Кайтаг, Кайтак) – 9, 16, 17, 56, 85, 130
Казанище (Казанищенская деревня), сел. – 127, 147
Казикумухский округ – 36
Казикумухское ханство – 16, 106, 110
Каир, гор. – 133
Кайтаго-Табасаранский округ – 12
калмык – 146, 154
Карабудахкент (Карабудаки), сел. – 45, 127, 139
Каралал, вольное общество – 61
Карата, сел. – 64, 90, 111, 185
Каратинское общество – 106
Каффа генузская, гор. – 132
Кахх, сел. хунзахских ханов, населенное бывшими рабами – 110
Кая, сел. – 94
Кель (Киль), вольное общество – 61
Киевская Русь – 47, 72, 87, 187
Кизляр, гор. – 14, 29, 34, 38, 56, 77, 126, 127, 131, 136-138, 140-144

Кизлярщина –30
Кикунь, сел. – 110
Киньиб, сел. хунзахских ханов, населенное бывшими рабами – 110
кипчак – 122
киргизы –154
кистины (ингуши) – 60, 186
Китури, сел. –62
Койсубу, общество – 59
Константинополь, гор. –
Корода, сел. – 91, 190
Крым – 58, 125, 129, 136, 153, 154, 185
Кубань – 58, 129, 136, 185
Кубанская область – 3, 34, 76, 173
Кубачи, сел. – 19, 56, 107
Кубинцы, жители г. Кубы в Азербайджане – 58
Кувал, общество – 61
Куманская степь – 125
Кумук – 17, 56, 76, 136
кумыки – 10, 11, 13-15, 17, 23, 24, 45, 48, 49, 56-58, 71, 78, 79, 81, 89, 108, 112, 115, 125, 126, 136, 138, 139, 151, 165, 170, 174, 186 – 189, 193, 194
Кумыкский округ – 11, 173-177, 179
Кумыкская плоскость – 112
Къуаниб, сел. хунзахских ханов, населенное бывшими рабами – 110
Лакия – 23, 24, 93, 109, 110
Левантские порты – 125
лезгины (здесь – горцы Дагестана) – 11, 58, 62, 63, 66, 70, 117, 124, 125, 127, 132, 136
Ливия – 133
Маалал, сел. – 161, 170
Мадагаскар –133
Макажой, сел. в Чечне – 96, 168
Малая Кабарда – 71, 124, 130, 187, 193
Марокко – 133
Мегъала къяч/ик/уни, дорога, ведущая в сел. Гапшима – 111
Мекка, гор. – 161

мелетинцы (грузины) – 58
Мехельга, сел. – 92, 127, 194
Мехтулинское ханство – 16, 37, 84, 175
мингрелы – 63, 69, 128, 168
мичигизы (чеченцы) – 145
Мошул, сел. – 110
Мугань, область – 122
Мути, сел. – 75, 92, 94, 190, 191
мушкурцы, жители провинции Мушкур в Азербайджане – 58
Нагорный Дагестан – 23, 51, 79, 109, 164, 167
ногайцы – 25, 127
окочанин (ауховец) – 153
Оренбургский край – 33, 47, 154
Османская империя – 33, 132-134, 153
Передняя Азия – 28, 42, 106
Персия – 9, 57, 58, 62, 140, 149, 195
персиянин (здесь – азербайджанец) – 56, 62, 69, 131, 144
Пешаварская область – 118
Поволжье – 55
Польша –182
Прикаспий – 25
Присулакское наместничество – 75, 162, 175
Причерноморье –132, 135
Прут, р. – 150
Румелия, область в Османской империи – 133
русские – 33, 34, 47, 56, 59, 64, 81, 88, 98, 123, 129, 130, 134, 135, 137, 138, 140, 143, 145, 148
Салатавия – 24, 126, 161, 170
Самсун, гор. – 133
Санкт-Петербург, гор. – 33
Саситль, сел. – 62, 114
сваны (грузины) – 60, 186
Северо-Восточное побережье Черного моря – 33, 135
Северо-Восточный Кавказ – 7, 9, 10, 12, 13, 15, 17, 19, 22, 29, 32, 35, 65, 100, 150, 156, 169, 184, 192
Северный Азербайджан – 61
Северный Дагестан – 8, 12, 13, 18, 19, 30, 31, 32, 34, 35, 42, 51, 54, 67, 81, 82, 94, 115, 178

Северный Табасаран - 76
Серир, государственное образование на территории средневекового Дагестана – 55, 121
Сибирь – 33
Сибирская кордонная линия – 154
«сибирские бухарцы» – 33
Сильди, сел. – 59
Сирия – 90
Согратль, сел. – 58, 185
Средиземноморье – 132
Средневековая Европа – 6
Средняя Азия – 106
Ставропольская губерния – 14
Стамбул, гор. – 124, 133, 154
Судан – 133
Судахар (см. Цудахар), сел. – 94, 126-128
Суджук-кале, бухта Восточного Причерноморья – 134
Табасаран – 85
табасаранцы – 58
тавлины (горцы) – 126, 193
Тамбиев Кабак, сел. в Кабарде – 126, 129
Тарки, сел. – 9, 10, 57, 58, 105, 126, 128, 129, 139, 140, 142, 185, 193
Тарковское шамхальство – 16, 37, 84, 175
татары (здесь – кумыки) – 33, 57, 123, 127, 129, 135
Татартуп, гор. – 128
Телетль, сел. – 163
Темир-Хан-Шура, крепость, город. – 188
Темир-Хан-Шуринский округ – 179
Терек, р. – 147, 153
Терки (Терский город) – 58, 135, 139, 143, 185
Терская крепость – 35, 43, 76, 139, 140
Терская область – 173, 175
Тиндал, сел. – 59
Тифлис, гор. – 34, 61, 126, 173, 193
Тлайлух, сел. – 110
Туапсе, гор. – 135
Тукита, сел. – 110

Тулиσμα, сел. – 110
Тунис – 133
турки – 10, 57, 62, 63, 81, 125, 134, 151, 155, 157
Турция – 11, 62, 125, 134, 135, 154, 195
Тульская губерния – 9
Тухчар, сел. – 110
Тушины, тушинцы – грузины-горцы – 51, 59, 60, 81, 186
Убра, сел. – 93
Унчукатль, сел. – 37, 92
Унцукуль, сел. – 127, 194
Утутиял, самый богатый тухум в сел. Нижнее Хваршини – 164
Учла, сел. – 110
Франция – 113
Хамзин, государственное образование на территории средневекового Дагестана – 55
Хасавюрт, гор. – 178
Хасавюртовский округ – 175 - 177
Хахита, сел. – 110
Хваршини (Большие Хваршини, Малые Хваршини), сел. – 62, 164
Хик, сел. – 110
Хойми, сел. – 94
Хосрех, сел. – 110
Хунзах, сел. – 110, 127, 194
Хури, сел. – 110
Хурхи, сел. – 110
Хушет, сел. – 62
Хуштада, сел. – 62
Цада, сел. – 127, 194
Цыхор, сел. – 127
Цикарой, сел. в Чечне – 96, 168
Цоботы, сел. – 127
Цудахар, сел. – 75, 190
Цудахария – 24
Цудахарское общество, Цудахарский союз – 24, 75, 92
Цумада, сел. – 62
Цыйша, сел. – 110
Чандатль, сел. – 110
Чарская провинция (см. Джары)

Чеберлой, сел. в Чечне – 96
черкесы – 68, 73, 76, 81, 112, 123, 126, 128, 132, 133, 144, 154-156,
193
Черное море – 33, 125, 132, 133, 134, 156, 157, 193
Чеченская деревня (Чечен-аул), сел. – 126, 193
чеченцы – 30, 46, 48, 49, 67, 68, 81, 94-96, 117, 124, 129, 145, 149,
151-153, 168
Чечня – 31, 81, 95, 96, 168
Чирката (Чирхата), сел. – 127
Чиркей, сел. – 99, 14, 126, 161, 162, 163, 170
Чох, сел. – 921
шабранцы, жители провинции Шабран в Азербайджане – 58
Шандан, государственное образование на территории средневе-
кового Дагестана – 55
Шемаха, гор. – 10, 35, 11, 123
ширванцы – 122
Щара, сел. – 93
Эвксинский порт – 43
Эндирей (Андреева деревня; Андреевская деревня), сел. – 14, 72,
76, 114, 124, 125, 126, 128-131, 137, 141, 146, 147, 156, 157, 178,
192, 193
эндирейцы, жители сел. Эндирей – 70, 125, 127, 141, 144
Эфиопия – 133
Южная Италия – 182
Южный Дагестан – 109, 122
Ямайка, островное государство – 119
Япония – 131

13. ПРИЛОЖЕНИЕ

Историческая Справка

къ вопросу

о ясыряхъ на Северномъ Кавказѣ и въ Ку-
банской области и документы, относящiеся
къ этому вопросу.

Составилъ В. С. Шамрай.

Предисловіе

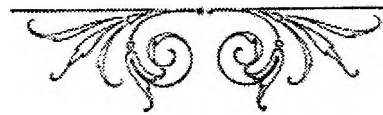
Занимаясь собираніем исторических матеріалов по вопросу об освобожденіи крепостных из-под власти помещиков в Черноморіи и Ставропольской губерніи, хранящихся в архивах: Кубанском войсковом, Ставропольском губернском и Владикавказком центральном, нам удалось добыть несколько исторических документов об особом разряде крепостных, или точнее рабов, под именем ясырей, положеніе которых было отличное от положения вооше крепостных крестьян в Россіи, мы и нашли необходимым сказать о них несколько слов особо*, и в настоящем кратком очерке предлагаем вниманію читателей собранный матеріал.

Задача наша была, по возможности, собрать историческіе матеріалы, касающіеся исключительно Кубанской области, но в виду того, что при возникновеніи вопроса о ясырях в Кубанской области (Куб. каз. войске), рашеніе его основывалось на распоряженіях, сделанных для других губерній и областей по тому же предмету для облегченія труда будущему историку, мы извлекли и те документы, на основаниі которых последовало разрешеіе вопроса о ясырях в Кубанском казачьем войске.

В. Шамрай

Историческіе документы,

касающіеся положенія и освобожденія ясырей на Сѣверномъ Кавказѣ.

* См.: «Историческая справка к вопросу об освобожденіи крепостных в Ставропольской губерніи и Черноморіи» Куб. Сб. Т. IX. 1903 г.

Историческая справка к вопросу о ясырях *

с. 5. «Ясырь» слово татарское – значит пленник, раб, невольник, и принято нами, русскими, от татар первоначально для обозначения татарского полона, а затем уже этим именем стали называть вообще пленников.

Ясыри приобретались азиатскими народами преимущественно войною, затем куплею, меною и похищением и поступали в полную собственность владельца, наравне с прочими вещами и животными, с тою только разницею, что ясырей часто приковывали на цепи и заставляли выполнять более тяжелыя работы, чем животных и совершенно о них не заботились, и ни у одного из азиатских народов не существовало никаких ограничений прав хозяев над ясырями.

Владельцами ясырей были как целыя общества (государства), так и отдельные частныя лица в нем, так как каждый азиат, без ограничения, имел право владеть ясырями, между тем, как в Россіи владение крепостными составляло привилегию дворян.

О тяжелом положеніи христианских невольников у азиатских народов сохранились народныя песни и преданія и историческія сказанія. Тяжелое положеніе невольников у азиатских, преимущественно магометанских народов, усугублялось еще ненавистью их к христіанам, которых они считают ни больше ни меньше, как собаками.

Россія, будучи окруженная с юга и востока азиатскими народами, с древних времен служила для них источником пополнения невольниками.

с. 6. Не смотря на все суровыя меры со стороны рабовладельцев, пленникам иногда удавалось бежать из неволи и поведать о всяких своих страданіях.

С водвореніем крепостного права на Руси и закрепощеніем крестьян за известными лицами и учреждениями, явился вопрос: выбежавших из плена крепостных людей считать кому принадлежащими? Этот вопрос Уложеніе Царя Алексея Михайловича решило положительно в том смысле, чтобы таковых людей считать свободными и это решеніе положено было в основу дальнейшего нашего законодательства.

Когда Россія достаточно окрепла и стала расширять свои пределы на юг и восток, покоряя мало-по-малу Сибирскіе, Кавказскіе и Закавказскіе народы, внося вместе с тем, в среду азиатских народов начала гуманности, справедливости и русско-христіанское законодательство. Результатом этой гуманности, как известно, было или полное отсутствіе, или в очень слабой степени крепостничество на наших окраинах, в том числе и Кубанской области^{*)}.

Среди покоряемых народов Кавказа были христіане и магометане, а у них находились пленные, как христіане, так и не христіане, поэтому вопрос о ясырях здесь выступил в более обширных и сложных размерах.

Следуя по пути гуманности, еще в 1697 году (14 мая) было издано законоположеніе, чтобы на Тереке не покупать, не продавать, даром не брать, не красть ясырей у Кумыков, Кабардинских черкес и Нагайских татар, не закрепощать никому из русских людей за собою и не вывозить в Россію. Но в 1799 году, в силу местных обстоятельств и условій тогдашней жизни, за разныя безчинства, чинимыя Кабардинцами в пределах Россіи, захваченных во время военных экспедицій у владельцев их в числе прочаго имущества и ясырей, Высочайше повелено было половину отдавать помещикам, у которых захвачены крестьяне, в вечное и потомственное владеніе, а другую половину определять в рекруты во внутренне гарнизоны, взамен захваченных казенных людей.

В 1804 году было издано распоряженіе о воспрещеніи торговли Закубанскими невольниками, а в 1808 году – всех ясырей считать свободными от рабства, предоставить им избрать род жизни по собственному с. 7. желанію каждого, желающим поселиться на казенных землях – оказывать пособіе к переселенію и хозяйственному обзаведенію и наделять землею по мере возможности. Кроме того, для выкупа пленных у азиатцев, в распоряженіе Кавказскаго начальства ассигновывалась ежегодно известная сумма денег и разрешено было всем Кавказским обитателям русско-подданным, как христіанам, так и магометанам, выкупать от непокорных горцев пленников, которые и оставались у выкупивших в услуженіи определенное только число лет, а затем де-

* В извлечении

*) См.: «Историч. справка об освобожденіи крепостных Черноморіи и Ставропольской губерніи».

лались свободными, если не могли сами или кто-либо за них уплатить стоимость выкупа. Бывали случаи отпуска выкупленных под расписки в уплате долга по выкупу.

Ко времени занятія Кавказа русскими, среди горцев процветала торговля невольниками, с одной стороны между местными племенами, а с другой – на восточном Кавказе с Персией, а на Западном с Турціей. Этого рода торговлею усиленно занимались армяне, которые не оставляли этого промысла и с появлением русских на Кавказе. Пользуясь своим положением они помогали горцам воровать людей в наших пределах, получая за это соответствующее вознаграждение от горцев, а потом помогали русскому Правительству в переговорах с горцами о выкупе тех же пленных – также не без вознаграждения, или же сами выкупали, чтобы перепродавать их русским, и вообще занимались многими темными делами, почему и требовались специальные распоряжения и узаконения к обузданию и ограничению этих торгашей^{*)}.

Все распоряжения русского правительства относительно сокращения торговли людьми и освобождения последних от рабства играли большую роль в сношениях наших с горцами, которые часто обращались к русскому правительству с просьбами оставить во владении их рабов, а не покорные ставили условием своей покорности, чтобы русские оказали содействие к отобранию невольников у других племен и возвращению им.

В 1818 году, по поручению ген. Ермолова, стат. сов. Ребровым собраны были сведения о ясырях по Кавказской области, с именными списками их и предположением об устройстве их участи. На основании этих данных общее положение о ясырях внесено было в ВЫСОЧАЙШЕ утвержденное 6 февраля 1827 г. учреждение для управления Кавказскою областью, по которому кочующим в Кавказской области магометанам предоставлялось право принимать в число своих обывателей холопов и с. 8. ясырей, выбежавших из-за Кубани, а также отпущенных на волю нагайцами и трухменами. Детальной же разработки вопрос этот не получил тогда, поэтому ген. Паскевич снова возбудил его и в 1827 году в г. Ставрополь собраны были представители от всех

кочующих магометанских народов Кавказской области для обсуждения вопроса о ясырях и отношении их к владельцам.

На основании выработанных депутатами правил и заключения ген. Паскевича, изложенного в рапорте его Правительствующему Сенату 5 июня 1828 года за № 1549, последовало ВЫСОЧАЙШЕ утвержденное 17 мая 1835 года мнение Государственного Совета об отношениях Кавказских ясырей или холопов к их владельцам. Этим же узаконением уничтожено было и самое название «ясырь», означающее раба или невольника, как несвойственное по закону российскому подданству.

Введение в действие узаконения 17 мая 1835 года не везде обошлось без осложнений. Так, пристав Калажо-Саблинского и Белетово-Кумского народов в 1842 году доносил начальнику Кавказской области, что при объявлении положения о ясырях среди означенных народов произошло волнение и они просили разрешения хлопотать у ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, чтобы холопы их оставались на таком же основании, каким правом пользуются тахтамышевцы и закубанцы.

Наконец, в 1849 году последовало ВЫСОЧАЙШЕЕ распоряжение не входит уже в общия распоряжения по вопросу об азиатских ясырях, а руководствоваться законом 17 мая 1835 года.

По воспоследовании ВЫСОЧАЙШАГО положения 19 февраля 1861 г. об освобождении крестьян в России выступил и вопрос, как быть с ясырями, оставшимися у некоторых народов Ставропольской губернии.

Благодаря деятельности частных начальников, некоторые из народов Северного Кавказа добровольно дали свободу своим ясырям.

При исследовании вновь положения ясырей и отношения их к своим владельцам выяснилось довольно любопытное явление в бытовом отношении. Покоряя под свою власть азгатские народы, Россия оставляла в полной неприкосновенности их религию и обычаи, оставляла суд по адату и шариаду и улусный зарго. Владельцы покоренных народов допущены были к участию с. 9. в улусных управлениях и председательствовали в судах. Такая система привела совершенно к неожиданным результатам.

Азиатские владельцы, пользуясь такими правами над своими подвластными, какими от начала крепостного права в России

^{*)} См.: «Краткий очерк меновых сношений по черноморской кордонной и береговой линии с Закубанскими горскими народами». Куб. сборник.

до настоящего времени не пользовался ни один помещик, говорит пристав Мевес, стараются доказать свой деспотизм чем-то благотворным для народа, над которым сами безгранично властвуют, в тоже время, имея над ними власть суда и расправы, защищают перед законом малых тяжких преступников, когда дело идет об определении меры взыскания их подвластному; отсюда – самое ужасающее количество преступлений у этих народов. Имея же участие в фискальной части управления, владельцы скрывали и действительное количество населения, чтобы не платить в казну повинностей, а наоборот – пользоваться еще от казны приплатою на содержание управлений и на прочие расходы.

В 1764 году сделано было распоряжение, как Войсковым, Правлением Кубанского казачьего войска, так и главнокомандующим Кавказскою Армією всех крепостных людей азиатского происхождения, находящихся во владении у разных лиц, приписанных к войску, освободить на основании положения об устройстве дворовых людей 1861 года и выдать им увольнительные акты с обозначением мест и сословий, к которым они припишутся.

В 1866 году (26 Ноября) последовало **ВЫСОЧАЙШЕ** утвержденное положение об освобождении ясырей всей Ставропольской губернии от зависимости их владельцев и о распространении на них действия положения 19 февраля 1861 года об устройстве дворовых людей.

с. 13. **ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ЗАКОНОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ***

Том III (1689–1699)

Ст. 1585. 1697 г. мая 14. – Наказ окольничему князю Волконскому, определенному в Терек Воеводою. – **Об управлении казенными, земскими и военными делами.**

П. 10. А которые горские и кумыцкие и кабардинские мурзы учинились Великому Государю послушны и на Терек аманат закладывают: и им окольничему и воеводам, будучи на Тереке у кумыцких и у кабардинских черкас жен и детей и иных детей мужеска и женска полу однолично не покупать и даром ни у кого

* В извлечении

не иметь и в улусу к мурзам черкасским и к кумыцким и к нагайским татаром людей своих и толмачей и никаких людей не посылать и никаких татар и татарченков покупать и даром ни у кого иметь не велеть на себя и не крепить и на Русь ни с кем не высылать и с собою не вывозить ни которыми дела; да и Терским головам стрелецким и сотником и детем боярским и стрельцом и всяким служеным и жилецким Терским и верховых городов торговым и промышленным и всяким приезжим людям о том учинить заказ крепкой, чтоб потому-ж всякие терские служилые и жилецкие и верховых городов торговые и промышленные и всякие приезжие никакие люди отнюдь у черкасских мурз и у кумычан и у нагайских татар их черкасского и кумыцкого и татарского мужеского и женского полу татар и татарченков женок и девок и ребят не крали ни которыми делы, у украдчи, не крестили и в верховые города никуда ни с кем не высылали, и сами не с. 14. вывозили. А буде кто на Терек терчан, опричь приказных всяких людей, покупать у черкасских мурз и кумычан и нагайских татар их черкасской и кумыцкой и нагайской ясырь татар и татарченков мужеской пол и женской, и таких купленных людей учнут приводить в съезжую избу к кабальной записке или по купчим или по данной: и им окольничему и воеводам, князю Михаилу Андреевичу с товарищи, велеть тех купленных татар записывать в книги в рожи и в приметы, и с книг велеть давать тем людям, кто к записке приведет, выписи за дьячьёю приписью; а будет кто у черкасских мурз и у кумычан и у нагайских татар, татар и татарченков красть или отнимать сильно, и тем людям за то по сыску учинить жестокое наказание, и тех татар и татарченков, которых они украдут или отнимут сильно, взяв у них, буде они не крещены, отдавать тем людям, у кого они их украдут или отоймут; а будет они тех татар и татарченков крестят, и на них за тех татар и татарченков править против тамошней продажи большую цену и отдавать тем людям, у кого они тех татар и татарченков украдут или отоймут; и тем новокрещеном татаром велети быть у тех людей, у кого они объявятся крещены, и о всем о том учинить по тому, как о том напечатано в Уложенной книге, а самим им окольничему и воеводам князю Михаилу Андреевичу с товарищи у черкас и у кумыков и у нагаев и у всяких иноземцов ясырю мужеска и женска полу отнюдь не покупать и даром не иметь; да и

приказным людям, которые приказные люди на Тереке у всяких Великаго Государя дел, покупать и даром имать не велети-б ни которыми делы.

П. 15. Будет где ратные люди в полках Великаго Государя непослушников повоюют и поемлют у них ясырь и женок и ребят и лошадей: и им окольниковому и воеводам велеть тем ратным людям тот погромной ясырь и лошади явити в таможене таможенному голове и продавати на базаре с записью всяким русским людям, и пошлины им с того продажнаго ясырю и лошадей велеть платить указу Великаго Государя и на Русь велеть тот погромной ясырь и лошади с Терка пропускать и в проезжія грамоты велеть писать именно.

Том IV (1700–1712)

с. 15. 1700 г. Мая 30. – Ст. 1792. – Наказ Астраханскому воеводе. – **Объ управленіи казенными, земскими и военными делами** *.

с. 16. ... 17. Будет Великаго Государя ратные люди, где будучи в посылках, Великаго Государя непослушников и воровских казаков повоюют, и поемлют у них ясырь мужиков и женок не крещенных, и лошадей: окольниковому и воеводам велеть тем ратным людям тот погромной ясырь и лошади являти в таможене таможенному голове, и продавать на базарах, с запискою, всяким русским людям, и пошлины с того продажнаго ясыря и с лошадей велеть платить по указу Великаго Государя: и на Русь тот погромной ясырь и лошади велеть из Астрахани пропускать, и в проезжія памяти тот отпускной погромной ясырь и лошади велеть писать именно, а пошлин с ясырей не имать

с. 17. **Предложеніе ген.-лейтенанта, Кавказской дивизіи инспектора, Астраханскаго военнаго губернатора, управляющаго пограничными делами здешняго края и кавалера Кнорринга 2 Верхнему пограничному суду в Моздоке учрежденному от 26 Апреля 1799 г. № 52** *.

Его ИМПЕРАТОРСКОЕ Величество, апробовав представленіе главнаго Инспектора Кавказской дивизіи, генерал-

* В извлечении

лейтенанта графа Маркова, во всевысочайшем повеленіи генерал-лейтенанту Киселеву, объявленном через г. генерал-адъютанта Ливена, указать соизволил: 1-е) чтобы взятые у кабардинцев ясыри за разныя шалости чинимыя или другим жителям были розданы одна половина помещикам, у коих захвачены кабардинцами крестьяне, в вечное и потомственное их владеніе, а другая была бы обращена в замену казенных захваченных кабардинцами же людей определением во внутреніе гарнизоны, зачтя их тем селениям за рекрута...

с. 18. Ставроп. Арх. дело 1799 г. $\frac{\text{№}123}{\text{ар}382}$ по описи № 67, стр. 1.

Том XXVIII (1804–1805)

1804 года Апреля 9. – Ст. 21246. Именной, данный Херсонскому Военному Губернатору. – **О запрещении армянам торговать невольниками.**

Усмотрев из донесенія от Екатеринославскаго вице-губернатора Неверовскаго, во время управленія его сею губерніею сюда дошедшаго, что Нахичеванскіе армяне, выменивая или другим образом пріобретая за Кубанью у владельцев тамошних, невольников, им принадлежащих, и влача их скованных в железях, продают в Крыму и других местах татарам и помещикам, Я считаю нужным сей постыдный торг строго запретить, и сіе тем более, что по общим законам, в Россіи существующим, люди сего рода и укрепляемы быть не могут, и следовательно покупающее их по незнанію, или по обычаю, татары и помещики подвергаются потере заплаченных за них денег, как скоро люди сіи предьявят иск на свободу.

Само собою впрочем разумеется, что сим невозбранется выкуп пленных христіан, армянами и другими торгующими вывозимых; выкуп сей, как средство благотворенія, должен быть оставлен в прежнем его положеніи, тем более, что выкупленные христіане, по существующим вообще о пленных христіанах законах, свободны от всякаго укрепенія.

1806 г. Декабря 25. – Ст. 22410. – ВЫСОЧАЙШАЯ грамота колоніи Шотландцев, в Кавказской губерніи поселяемой, – на пожалованный ей выгоды и преимущества.

13. Всякому кабардинцу, черкесу, татарину и язычнику из невольников, дозволяем также принимать вероисповеданіе колоніи и сделатся членом оной с согласія Управы, если владелец такового отпустит, получа от него предварительно подлежащее себе удовлетвореніе.

с. 19 14. Обществу колоніи позволяем покупать на свой счет неводников из черкес, закубанцев и других горских народов, с тем однако-ж, чтобы те невольники не были ни россияне, ни грузины, которые, так как христіане, господствующую веру исповедующие, не могут принадлежать к общему сему о невольниках магометанах, или язычниках распоряженію.

15. Купленные обществом невольники выше 16 лет, должны быть в зависимости его не более 7 лет, а купленные моложе 15-ти лет, имеют ему служить только до 23-х летняго возраста.

16. Невольники, купленные и более 23 лет имеющіе, могут покупать вольность и до окончанія срока на выслугу выше постановленнаго платя за оную 200 рублей серебрянною монетою или ассигнаціями, но в соразмерном количестве с серебром, так как невольники сіи таковою монетою у горских народов сим обществом покупаются.

17. Все в колоніи от купленных невольников рожденные дети должны быть свободны.

18. Запрещаем членам колоніи продавать кого-либо из купленных ими людей.

19. Всем купленным ими и получившим свободу и всем иностранцам, которые бы выехали из чужих краев, пожелали с их согласія поселиться с ними позволяем пользоваться теми-же привилегіями, какія жалуем им.

Ст. 22925. – Марта 28. – Именной, данный Херсонскому Военному Губернатору. – Об освобожденіи от рабства всех невольников, известных под именем ясыр и о предоставленіи им свободы избрать род жизни.

Министр внутренних дел донес мне о представленіи вашем касательно находящихся у разных Таврических владельцев в крепости так называемых ясыр, доставшихся им или по наследству или по купле и с. 20. числящихся по последней ревизіи за ними, коих муфтій таврической, по убежденіям мурз и магометанскаго духовенства, просит оставить за нынешними владельцами в настоящем положеніи.

Разсмотрев представленіе сіе я нахожу:

1. Что иноверцы вообще по прежним законам всегда от рабства освобождались, и никому укреплять их за собою дозволяемо не было.

2. Что силою сего общаго постановленія дарована была в разные времена подобным невольникам совершенная свобода.

3. Что на сем основаніи дан был и предместнику вашему указ 9 февраля 1804 года, коим именно торг закубанскими невольниками запрещен.

4. Что укрепленіе сего рода людей разрушает связь и действіе Россійских узаконеній.

По сим уваженіям Я поручаю вам всех невольников, под именем Ясыр известных, от рабства учинить свободными и предоставить им избрать род жизни по собственному желанію каждаго, и в случае, ежели бы кто из них объявил намереніе водвориться на землях казенных, то всем таковым доставить надлежащее пособіе на основаніи общих о сем положеній.

Рапорт ген. Паскевича Правительствующему Сенату,
с. 26. от 5-го іюня 1828 г., № 1549*

... Ныне начальник Кавказской области представил мне в списке журнал состоявшійся в Областном Совете, в 18 день минувшаго февраля, № 14, по означенному о ясырях делу, с возвра-

* В извлечении

том всех препровожденных от меня бумаг. Из журнала того видно: Областной Совет, по рассмотрении всех означенных бумаг, учиненным в оном постановлением вызвал чрез посредство градских и земских полиций от мухаммеданских народов, в Кавказской области обитающих, депутатов, которые, по довольном рассмотрении сего дела ... в присутствии Областного Совета учинили положение, которым заключили: 1) Чтобы ясыри или холопья, принадлежащие по праву приобретения лицам их обществ, находились в услужении у них на следующих правилах: 5-ти летняго возраста должны прослужить 25 лет, 10-ти летняго – 20, от 10-ти до 20-ти летняго – 15, от 15 до 20 – 12, от 20-ти до 30-ти – 10, от 30-ти до 40 – 8, от 40 до 50 – 5 лет. По выслушении исчисленных по сему сроков, означенным ясырям дается совершенная свобода. 2) Те же из холопьев, которые, находясь в услужении, женятся и будут иметь детей, должны прослужить сверх назначеннаго срока еще 5 лет. А чтобы не дать повода мухаммеданам удерживать у себя холопьев долее положеннаго срока чрез принужденную женитьбу, то правилом постановляется, что она должна происходить по собственной их воле, и не иначе, как с разрешения пристава, который обязан в том удостовериться. 3) При выкупе пленных из-за границы покупщик и продавец с. 28. должны определить сколько от роду им лет, в чем должны полагаться примерно по их росту, виду и наружности, под строгою присягою в справедливости даваемых по сему предмету показаний, каковыя помещать в актах, дабы в случае надобности можно было с достоверностью заключить о времени прослужения каждого холопа. 4) Холопы должны снабжаемы быть приличным одеянием и надлежащею пищею, так, чтобы они не терпели никакой нужды, и наконец, 5) в случае покупки или продажи ясырей должны совершаемы быть у приставов подлежащие акты со взносом 10 руб. асс. пошлины для причисления к государственным доходам; пристава же обязаны таковые акты вносить в шнуровую книгу, долженствующую установиться на сей предмет, и о том ежемесячно доносить главному приставу мухаммеданских народов.

Областный Совет, по соображении всех вышепрописанных обстоятельств с законами на подобный предмет изданными положил: «Из сведений, собранных Ребровым значится, что ясыри, названные холопьями, находятся по разным документам и без

оных: у грузин, армян, осетин, черкес, кабардинцев и тухменцев; одни из сих владельцев, т.е. грузины и армяне, пользуясь ясырями по правам азиатских народов, до них непринадлежащим, но ими по жительству их между азиатцами от них издревле присвоенным, а другие, т.е. осетины, черкесы, кабардинцы, нагайцы и тухменцы основывают на правилах мухаммеданства их право на владение ясырями и по слову ясырь, означающему раба, или правильное невольника, поступают с ними, как которому хозяину разсудится, без всякаго ограничения законом власти хозяев над сими несчастными жертвами, названными холопьями для прикрытия только жестокаго наименования раба и невольника. Из сего следует: положение на счет ясырей, находящихся у грузин и армян, а равно у крещенных осетинцев и других восприявших веру христианскую, должно отделить от положения о ясырях, состоящих у народа мухаммеданскаго закона. Почему о сих последних Совет, принимая во уважение, с одной стороны, коренной закон, что все живущие в Империи Всероссийской обязаны без всякой условности повиноваться одним Российским законам и по оным поступать непременно, исключая Всемилостивейше дарованной всем народам свободы вероисповедания, и что по сей обязанности каждого безусловно повиноваться одним Российским законам, коими право владения крестьянами без ограничения предоставлено одним дворянам, а с ограничением оставлено при однопорках, – нельзя никак права азиатских народов на владение ясырями принять в основание для учинения настоящего с. 29. постановления на счет сего жалкаго состояния людей, находящихся у поименованных народов мухаммеданскаго закона; а с другой стороны, имея в предмете благосклонное принятие сих народов под благотворное покровительство Всероссийской Державы и изъявленные Всемилостивейшим Монархом сим народам милости до разных обязанностей их, кроме однако-же соизволения владеть ясырями по чуждым России правам, чтобы удостовериться сим народам, что российское правительство не оставляет во всех случаях оказывать им снисхождение и благодать, на которыхь как они, так и холопья или ясыри, у них находящеяся, равное имеют право, с тою однако-же разницею, что состоянее последних требует от правительства человеколюбиваго о них попечения, до

времени образования сих народов и пока приобькнутъ они к непоколебимому исполненію обязанностей человеколюбія и к российским узаконеніям, а равно пока положеніе кавказскаго края будет приведено до того же положенія, в каком состоят внутренія российскія губерніи, — мненіем полагает:

Состояніе ясырей разделить на два рода: на ясырей, ныне находящихся у народов мухаммеданскаго закона, и на ясырей, в будущее после сего время ими приобретаемых, и по тому:

А) О ясырях, ныне находящихся у сих народов, по обстоятельствам сего края, утвердить учиненное в присутствіи Областного Совета вызванными от них депутатами 19 декабря 1827 г. и выше прописанное положеніе во всей его силе, с тем; 1) чтобы срок служенія ясырей или холопей хозяевам их, первым пунктом того депутатов положенія назначенный, считать не со дня утвержденія верховным правительством о сих людях положенія, но со времени поступленія каждаго к нышешнема хозяину, ибо многіе, с самаго малолетства подвергнувшіеся сему несчастному состоянію, давно прослужили означенные сроки, а другіе дослуживают оныя; 2) поставить правилам, чтобы при переходе по уступкам или продажам таковых ясырей от одного к другому означемо было время первоначальнаго поступленія каждаго в сіе состояніе и чтобы счет лет заслуги ограничивался от начала онаго, а не от дня поступленія к другому хозяину; без сего ограниченія люди сіи заставлены быть могут оставаться в вечном порабощеніи; 3) сказаннаго депутатов положенія 4-й пункт, поставившій в непременную обязанность выполнять хозяевам работы, дополнить тем, что если который хозяин станет холопа своего изнурять до жестокости, а не будет снабжать его порядочною пищею и надлежащим с. 30. одеяніем, то таковой не только должен лишиться того холопа, но и права навсегда иметь у себя таковую прислугу; 4) на счет женитьбы холопа на сего состоянія девке или женщине, определенный 2-м пунктом того положенія депутатов, срок пятилетняго прослуженія должен относиться только до таких случаев, ежели девка или женщина не прослужила 5-ти лет в холопском состояніи; но если которая прослужила в сем состояніи 5 лет и более, то таковых сей пункт положенія де-

путатов не должен относиться. За сим Совет находит нужным присовокупить еще: а) если благоугодно будет верховному начальству объясненное мненіе удостоить утвержденіем, то не будет никакой надобности разсматривать документы хозяев, по которым они владеют ныне находящимися у них холопьями; б) все вышеизложенныя статьи должны относиться токмо до холопей, донныне поступивших и находящихся у одних народов мухаммеданскаго закона, т.е. у черкес, осетин, кабардинцев, нагайцев, каранагайцев, и тухменцев; в) когда все ныне находящееся у сказанных народов ясыри выслужат сроки, определенные 1-м пунктом положенія депутатов, то всех таковых, избавя от рабства, предоставить им свободу, сходно желанію каждаго, избрать род жизни и записаться в казенные поселяне или мещанство и купечество, или же в линейное казачье сословіе, а по избраніи рода жизни, для исправленія их состоянія и обзаведенія прочным хозяйством, предоставить им от платежа податей и отбыванія всяких повинностей 5-ти летнюю льготу и г) дабы-же люди сіи по выслуженіи прописанных лет не могли оставаться в безгласности или обратиться в бродяжничество и сим самым сделаться бесполезными, то о всех таковых именными списками снабдить главнаго пристава мухаммеданских народов, с возложеніем на него обязанности и ответственности, чтобы он имел бдительный надзор за сими людьми, обращеніем с ними хозяев, приведеніем в известность оставшихся безгласными и за непременным исполненіем во всем таковаго положенія.

Б) О ясырях, в будущем после сего времени народами мухаммеданскаго закона приобретаемых. Совет, соображая, что по существующим узаконеніям нельзя сих народов сравнить в праве владенія крестьянами ни с дворянством российским, ни с классом однодворцев, не находит ни какой возможности предоставить им права пользоваться навсегда ясырями и, принимая основаніем указ 1786 года февраля 11, коим слово раб оставлено, признает справедливым, чтобы у сих народов наименованія ясырь, т.е. раб или невольник, отнюдь употребляемо не было; а чтобы с. 31. народы сіи могли иметь и прислугу и право приобретать оную на будущее время, мненіем полагает: 1) предоставить им выкуп или вымен от горских народов пленных и

пользоваться их услугою, не иначе однако-же, как согласно точным словам указа 23 мая 1808 года и сходно положенія депутатов от народа мухаммеданскаго, котораго положеніе во всей онаго силе с вышепоясненными ограниченіями совета отнести и на счет прислуги, впредь сими народами приобретаемой; 2) чтобы пріохотить сіи народы к выкупу пленных, с предоставленіем впоследствии им свободы, необходимым признает Совет, Высочайше подтвержденное в 8-й день февраля 1822 года мненіе Государственнаго Совета распространить во всей онаго силе на Кавказскую область, с тем только, чтобы определяемое сим узаконеніем вознагражденіе за вымениваемых пленных и отпускаемых на волю предоставить разсмотренію и попеченію начальника Кавказской области, единственно по тому уваженію, чтобы в полученіи такового удовлетворенія народы сіи по необразованности своей не могли встретить какого либо неудовольствія. О ясырях, у грузин, армян, крещенных осетинцев и прочих христіан ныне находящихся, совет, не видя, чтобы привилегіями, сим народам всемилоостявейше дарованными, предоставлено было право пользоваться крестьянами, справедливым находит, что существующее узаконеніе коим воспрещено купцам, мещанам и лицам, не имеющим дворянства, иметь и пользоваться крестьянами, должно относиться и к сим народам. Но принимая в основаніе, что крещенные осетинцы и другіе, состоящее из иноверцев христіане при предоставленіи им до времени права выкупа и владеія ясырями могут по прежним близким связям и сношеніям с заграничным азіатским народом принести ту ощутительную для государства пользу, что умножат чрез выкуп ясырей народонаселенія в Россіи и ознакомят их с греко-россійскою религіею до того, что они сами пожелают быть таковыми же христіанами, как и их покупщики, – полагает: 1) всех ясырей, находящихся во владеніи у грузин, армян и других, не имеющих права дворянства, по документам-ли они владеют или вовсе без документов, отобрав от оных, предоставить им свободу избрать род жизни, и по избраніи для лучшаго исправленія их состоянія дать им пятилетнюю льготу от платежа податей и повинностей, с тем ограниченіем, чтобы люди сіи, воспользовавшись свободою от рабства, непременно старались поступить в класс платящих подати; а состоящих во

владеніи крещенных осетин и других из иноверцев христіан, не принадлежащих к грузинской и армянской націям ясырей, из уваженія к причинам, выше сего приведенным, оставить до с. 32. времени в их услугах на праве, которое выше для мухаммеданских народов изъяснено. А для пресеченія всех могущих иногда вкрасться по сей части злоупотребленій постановить на будущее время правилом, чтобы дворянам, имеющим неотъемленное право покупать крестьян, воспрещена была навсегда покупка таковых от горских народов, с таковым ограниченіем, чтобы дворянам сим, крещенным осетинцам и другим из иноверцев христіанам, так как и прочим разночинцам, мещанам, однодворцам, грузинам, армянам, казакам и купцам дозволен был выкуп и вымен пленных с правом употребленія их в услугах, на основаніи указа 23 мая 1808 года до 25-тилетняго возраста, и для усиленія мер на выкуп пленных распространить на все вышепоименованныя сословія Высочайше подтвержденное в 8-й день февраля 1822 года мненіе Государственнаго Совета. Относительно же ясырей, находящихся у армян и грузин, правом дворянства пользующихся, совет полагает: все на ясырей законные документы предоставить истребовать и разсмотреть Кавказскому Областному Правленію обще с предводителем дворянства, с тем, что если кто имеет ясырей во владеніи по законным документам, то таковых оставить по ныне в неперменном владеніи хозяев; а в разсужденіи прочих, кои документов законных на ясырей не имеют, распорядиться согласно указу 1808 года, предписывающему распродавать людей неимеющим на владеніи оными права в шестимесячный срок. 2) Доказывающее дворянство, но еще онаго не доказавшіе и в достоинстве сем правительством не признанные и правом дворянства пользоваться не могущіе, должны отнесены быть к состоянію тех людей, коим по 1-му пункту сего постановленія предоставлено иметь в услугах ясырей и холопей положенное со времени поступленія их к хозяевам срочное время. За сим областной совет, обращаясь к предметам, что в числе холопей находятся поступившіе с сіе состояніе по закладам и продажам от мужей жены, от родителей дети и от братьев сестры, мненіем полагает, что так как никакими человеческими законами таковые заклады и продажи не дозволены, то все оныя уничтожить и за-

ложенных или проданных родителями детей, мужьями жен и братьями сестер от рабства освободить и предоставить им избрать род жизни, на том самом основании, как сказано выше о ясырях, у грузин и армян находящихся; заклады и продажи таковы и между народами мухаммеданского закона запретить. Относительно тех холопей, которые проданы грузинами, армянами нахичеванскими и в Кавказской области находящимися и донскими казаками, совет мнением полагает: поелику продажа с. 33. таковых людей учинена после состояния и вопреки ВЫСОЧАЙШАГО указа 1804 года апреля 9 дня, то о всех сих людях предоставить Кавказскому Областному Правлению сделать законное рассмотрение и удостовериться при том о настоящем происхождении людей, живущих в сел. Паробочевом, принадлежащим кизлярскому армянину Калустову, и в деревне Янгирт, близ Кизляра, под управлением Алихана после смерти жены его Айханумы Шейдуковой; определить сим людям состояние и место жительства, если действительно они служат предметом подозрения, живя в настоящем месте.

Акты Кавказ, арх. комиссії, том VII, № 896, стр. 933.

Отношение барона Розена к гр. Чернышеву, от 7 декабря 1833 года, № 595.

Имею честь сообщить, что по сведениям, доставленным мне от начальника Кавказской области, можно определить постоянным правилом, на будущее время, вознаграждать владельцев за принадлежащих им невольников, желающих принять евангелическое исповедание, по существующим у заречных азиатцев ценам, сообразно их возрасту и полу, а именно: за 5-ти летних мужского и женского пола по 70 руб.; 10-ти летних: мужского 100 руб, женского 130 руб.; 15-ти летних: мужского 170 руб., женского 180 руб.; 20-ти, 25-ти и 30-ти летних: мужского и женского по 250-ти руб.; 35-ти и 40 летних: мужского и женского по 200 руб.; 45-ти летних: мужского 150 руб. и женского 125 р.; 50-ти летних и далее: мужского 100 руб. и женского пола 90 руб. с.

Акты Кавказ, археогр. комиссії. Том VIII, докум. № 549, стр. 630.

с. 37. **ТОМ X. – Отделение первое 1835 года,**
Ст.8138. – Мая 17. – ВЫСОЧАЙШЕ утвержденное мнение
Государственного Совета, опубликованное 20 июня.

Об отношениях Кавказских ясырей или холопов к их владельцам

Государственный Совет, в департаменте законов и в общем собрании, рассмотрев доклад общего собрания первых трех департаментов Правительствующаго Сената, по вопросу: в каких отношениях должны быть с. 38. кавказские ясыри или холопы к их владельцам? и признав составленные Правительствующим Сенатом по сему предмету правила основательными, согласно с оным мнением положил поставить следующее: 1) Всем кавказским и другим обитателям, Российским подданным, как христианского, так и магометанского исповеданий, дозволить выкупать от кавказских непокорных горцев ясырей или невольников. 2) Выкупаемых, таким образом, ясырей считать в подданстве России, с чем вместе прекращается и самое их именованіе ясырями, означющее раба или невольника, как не свойственное, по законам, российскому подданству. 3) Для вознаграждения за выкуп, предоставить выкупающим ясырей, исключая иноверцев выкупивших из неволи христиан, пользоваться их услугою, на следующем основании: пятилетнего возраста должны прослужить 25 лет, десятилетнего 20 л., от десяти до пятнадцатилетнего 15 л., от пятнадцати до двадцатилетнего 12 л., от двадцати до тридцатилетнего 10 л., от тридцати до сорокалетнего 8 л. и от сорока до пятидесятилетнего 5 лет. По выслужении сих сроков, означенным выкупленным из невольничеству ясырям предоставляется совершенная свобода. 4) Те из сих людей, которые в услужении, женятся на девке или женщине одинакого с ними состояния и будут иметь детей, должны прослужить, сверх означенного срока еще 5 лет; но в таком только случае, ежели девка или женщина не прослужила сама по себе пяти, или более лет до замужества; в том и другом случае прослужившей вышеупомянутые сроки освобождается со всем его семейством, хотя бы жена его и не выслужила положенного числа лет. 5) При выкупе пленных, покупщик и продавец обязаны определить возраст выкупаемых, в чем должны пола-

гаться примерно по их росту, виду и наружности, под присягою в справедливости даваемых по сему предмету показаний, каковыя и помещать в актах, дабы в случае надобности можно было с достоверностью видеть число прослуженных каждым из них лет. 6) По изданіи всего положенія, срок служенія выкупаемых ясырей, выше сего в 3 пункте назначенный, считать со дня первоначальнаго их выкупа. 7) Выкупленные во все время их служенія должны быть снабжаемы от хозяев своих приличным одеянiем и надлежащею пищею так, чтобы они не терпели никакой нужды; если же который хозяин станет выкупленнаго служителя своего изнурять чрезмерными работами, или не будет снабжать приличною пищею и надлежащею одеждою, то таковой не только должен лишиться того служителя, но и права навсегда иметь в себя подобную прислугу. 8) Дозволить приобретающим на сем с. 39. основаніи ясырей, передачу прав на пользование их услугою другим лицам, но не иначе, как подданным росiйским, право на сіе имеющим, как о сем объяснено ниже; а дабы предупредить при сем возможность производить торг людьми, указом 1804 года, апреля 9 (21246) воспрещенный, таковой переход выкупленных ясырей от одного владельца к другому позволять не прежде, как по отслуженіи ими у перваго приобретаателя пяти лет, включая оныя в число общаго, в 3 пункте поставленнаго срока. 9) При переходе выкупленных ясырей по уступкам, или передачам, должны быть совершаемы акты, со взносом 10 руб. ассигнаціями для причисленія к государственным доходам. В актах сих означать время первоначальнаго их поступленія в услуженіе, дабы, как сказано в 6 пункте, счет лет заслуги считать от выкупа, а не от дня поступленія к другому хозяину. 10) Вменить в обязанность выкупающих ясырей, чтобы каждый из них немедленно по выкупе объявлял о сем, если он магометанин, приставу магометанских народов, а если христiанин и русскій подданный – ближайшему местному начальству. 11) Начальства сіи должны вести о всех таковых ясырях именныя списки, с означеніем числа лет выкупленнаго, времени выкупа и имени приобретаателя. Возложить на обязанность сих-же начальств наблюденіе за надлежащим содержаніем выкупленных, разрешеніе передачи прав на пользование их услугою после пятилетняго срока, взиманіе в сем случае полагаемых 10 руб. с акта, правильное веденіе счетов сих доходов,

утвержденіе самых актов и исправное содержаніе необходимых для сего книг. 12) По выслуженіи выкупленными ясырями выше-означеннаго срока, предоставить им свободу, сходно желанію каждаго, избрать род жизни и записаться в казенныя поселяне, или мещанство и купечество, или же в Линейное казачье сословіе. 13) Предоставить также сим людям право отходить от хозяев своих прежде окончанія положеннаго срока служенію, с тем однако-же, чтобы в вознагражденіе за выкуп из неволи каждый, пожелавшій, таким образом, отойти, внес наперед хозяину своему 100 рублей серебром, после чего предоставлять уже ему на общем основаніи свободу. 14) Чтобы пріохотить кавказских обитателей к выкупу пленных, с предоставленіем в последствіи им свободы, распространить на Кавказскую область Высочайше утвержденное 8 февраля (30 мая) 1822 года (29056) мненіе Государственнаго Совета, с тем только, чтобы определяемое сим узаконеніем вознагражденіе за вымениваемых пленных и отпускаемых на волю, предоставлено было разсмотренію главнаго начальства Кавказскаго края. 15) Применяясь к указам 1784 г. февраля 22 (15936) и 1804 г. апреля 9 (21246), воспретить магометанам с. 40. пользоваться под каким бы то предлогом ни было, услугою ясырей из христiан, но если бы случилось, что ясырь, быв магометанином, по выкупе уже его принял христiанскій закон, то предоставить магометанам пользоваться на время выше определеннаго срока его услугою. 16) По приводимым Кавказским областным советом обстоятельствам, воспретить право пользованія на вышеупомянутом основаніи услугою ясырей армянам, грузинам и другим христiанам (не из иноверцев), не имеющим дворянства, а дозволить всем таковым разночинцам выкуп и вымен пленных, с правом употребленія их в услугах, на основаніи указа 23 мая 1808 года (23038), до 25-тилткняго возраста. 17) Выкуп росiйских дворян и чиновников, если бы таковыя оказались в плену и неволе, предоставить усмотренію и попеченію главнаго Кавказскаго областного начальства; впрочем выкуп от горцев пленных сего рода может быть производим и частными лицами, но ни в каком случае выкупленные из плена дворяне и чиновники не могут быть подводимы под правила общія с выкупаемыми от горцев ясырями простолюдинами, а должно немедленно платить за них из казны цену выкупа, по ближайшему усмотренію главна-

го начальства, на собственный их или родственников их счет; в случае же неимущества, принимать окончательно на счет правительства. 18) С изданием сего положенія, всех ясырей христіанскаго закона, находящихся ныне у магометан, а равно и состоящих у христіан разночинцев, отобрав от владельцев, предоставить им свободу избрать род жизни на общем основаніи, и по избраніи, для лучшаго исправленія, дать им пятилетнюю льготу от платежа податей и повинностей. Остающіеся за тем ясыри у христіан – христіане, а у магометан – магометане, должны с сего времени иметь взаимныя между собою отношенія, на вышеизъясненных в 3 пункте правилах. 19) Правило пользованія услугою ясырей, в 3 пункте изъясненное, распространить на всех без различія ясырей, находящихся у армян и грузин, правом дворянства пользующихся. 20) Доказывающіе дворянство, но еще онаго не доказавшіе и в достоинстве сем правительством непризнанные, должны быть отнесены к состоянію тех людей, коим, по 16 пункту сего постановленія, предоставлено пользоваться услугами ясырей, на основаніи закона 1808 года. 21) Не почитать за ясырей, розданных по Высочайшему повеленію 6 декабря 1798 года, на имя генерал-лейтенанта Киселева последовавшему, помещикам за их крестьян, захваченных кабардинцами, но оставить их, вместе с семействами, во всегдашнем владеніи тех помещиков под именем крестьян или дворовых людей. 22) Поелику в числе холопов находятся поступившіе в сіе состояніе по закладным и продажам, от мужей с. 41. жены, от родителей дети и от братьев сестры, то все таковыя сделки, как противныя природе и всем началам нравственности, немедленно уничтожить, и всех подвергшихся таковым закладам или продажам от рабства освободить, предоставив им избрать род жизни на том основаніи, как сказано выше в ст. 18-й; на будущее же время заклады и продажи таковыя не только между христіанами, но и между народами магометанскаго закона, строго запретить и местным начальствам иметь за тем неослабное наблюденіе. 23) Относительно тех холопов, которые проданы грузинами, нахичеванскими армянами и в Кавказской области находящимися Донскими казаками, так как продажа таковых людей учинена после состоянія Высочайшаго указа 1804 г., апреля 9, то о всех сих людях предоставить Кавказскому областному правленію сделать законное разсмотреніе, и удостоверять

при том о настоящем происхожденіи людей, живущих в селеніи Порабочевом, принадлежащем Кизлярскому армянину Калустову, и в деревне Янгирте близ Кизляра, под управленіем Алихана, после смерти жены его Айха-нум Шейдуковой, определить сим людям состояніе и место жительства, если действительно они служат предметом подозренія, живя в настоящем месте.

Резолюція. Быть по сему.

с. 43.

Том XIII. Отделение первое. 1838 г.

Ст. 11049. – Марта 14. ВЫСОЧАЙШЕ утвержденное мненіе Государственнаго Совета, распубликованное 25 апреля.

О мере вознагражденія за выкуп и вымен пленных ясырей.

Государственный Совет, в департаменте законов и в общем собраніи, разсмотрев представленіе министра юстиціи о мере вознагражденія за выкуп и вымен пленных ясырей, согласно определенію Правительствующаго Сената и мненію министра, положил: 1) За каждаго выкупленнаго у горских народов пленника обоего пола, при освобожденіи его, по минованіи определенных законом 24 мая 1835 года заработных лет, от зависимости, для избранія рода жизни, – выдавать пріобретателю, или тому, у кого он, при окончаніи сего срока, находился в услугах по 100 руб. серебром. 2) Постановленіе сіе относить только до людей нижняго состоянія: ибо о выкупе людей чиновнаго и дворянскаго званія в законе 1835 года определены особыя правила.

Резолюція. Его Императорское Величество, воследовавшее мненіе в общем собраніи Государственнаго Совета, о мере вознагражденія за выкуп и вымен пленных ясырей, – ВЫСОЧАЙШЕ утвердить соизволил и повелел исполнить.

Том XIV. 1839 г. Отделение первое.

Ст. 12968. – Декабря 11. ВЫСОЧАЙШЕ утвержденное мненіе Государственнаго Совета, распубликованное 22 января 1840 г.

instituteofhistory.ru

О пояснении закона относительно выкупа ясырей

Государственный Совет, в департаменте законов и в общем собрании, рассмотрев доклад общаго собрания первых трех департаментов Правительствующаго Сената о пояснении закона 17 мая 1835 г. (8138) относительно выкупа ясырей, и признавая заключение Правительствующаго Сената, в сем докладе изложенное, правильным положил оное утвердить и, вследствие того, в пополнение и изменение 10 и 13 пунктов правил 1835 г., постановил: 1) Всем выкупающим ясырей вменить в неприменную с. 44. обязанность, что-бы каждый из них о таком выкупе, объявлял в течение трех месяцев, если он магометанин, то приставу магометанских народов, а если христианин и русский подданный, то ближайшему местному начальству; виновный же в пропущении сего срока лишается права владения выкупленным пленником, который, в таком случае, немедленно получает свободу. 2) Когда ясырь, прежде выслуги установленнаго в законе 1835 года срока, пожелает получить свободу, то обязан внести выкупившему его из плена сполна ту сумму, какая за него была заплачена: всякое-же уменьшение сей суммы может зависеть от добровольнаго только согласія хозяина. 3) Сумма, за освобождение ясыря из неволи заплаченная, для отвращения в последствии всякаго недоразумения и излишняго со стороны хозяина требования, должна быть с точностью означена в самом акте выкупа.

Резлюція. Его Императорское Величество, воспоследовавшее мнение в общем собрании Государственнаго Совета о пояснении закона относительно выкупа ясырей, Высочайше утвердить соизволил и повелел исполнить.

с. 44. **Предписаніе главнаго пристава магометанских народов г. Балуева г. и. д. трухменскаго пристава губернскому секретарю Васильеву**

26 апреля 1840 г. № 545.

Высочайше утвержденным в 17 день мая 1835 года мнением Государственнаго Совета постановлено: 1) Всем кавказским и другим обитателям, російским подданным, как христианскаго так и магометанская вероисповеданій разрешить выкупать от

кавказских покорных горцев ясырей или невольников; 2) Выкупленных таким образом ясырей считать в подданстве Россіи, с тем вместе прекращается и самое именованіе их ясырями; означенные рабы или невольники, как несвойственные по закону російскому подданству; 3) Для вознагражденія за выкуп предоставлено выкупающим ясырей, исключая иноверцев, выкупивших из неволи христиан, пользоваться их услугою на следующем основании: пятилетняго возраста должен прослужить 25 лет; 10-ти летняго – 20 лет; от 10 до 15 летняго – 15 лет; от 15 до 20 летняго – 12 лет; от 20 до 30 летняго возраста – 10 лет; от 30 до 40 летняго – 8 лет и от 40 до 50 летняго пять лет. По выслуженіи сих сроков, означенным выкупленным из невольничества ясырям, с. 45. предоставляется совершенная свобода. 4) Те из сих людей, которые находятся в услуженіи, неодинаковаго с ними состоянія и будут иметь детей должны прослужить сверх означеннаго срока еще пять лет, но в таком только случае, если жена не прослужила сама по себе пяти или более лет до замужества; в том и другом случае прослужившіи вышеупомянутые сроки освобождается со всем его семейством, хотя жена его и не выслужила положеннаго числа лет. 5) При выкупе пленных покупщик и продавец обязаны определить возраст выкупаемых, в чем должны полагаться примеркою их росту в виду наружности под присягою справедливости сказанных по сему предмету показаній, каковыя и помещать в актах, дабы в случае надобности можно было бы с достоверностью видеть число прослуженных каждым из них лет. 6) По изданіи сего положенія срок служенія выкупаемых ясырей вычислен в 3 пункте назначенный считать со дня первоначальнаго их выкупа. 7) Купленные во все время их служенія должны быть снабжены от хозяев своих приличным одеяніем и надлежащею пищею, так чтобы они не имели никакой нужды; если же хозяин станет выкупленнаго служителя своего изнурять чрезмерными работами или не будет снабжать приличною пищею и надлежащею одеждою, то таковой не только должен лишиться своего служителя, но и на всегда не иметь у себя подобную прислугу. 8) Дозволить приобретающим на сем основаніи ясырей передачу прав на пользование их услугою другим лицам, но не иначе как подданным російским, права имеющим, как о сем объяснено ниже; а дабы предупредить при сем возможность произво-

дить торг людьми, указом 1804 года апреля 9 дня воспрещенный, таковой перевод выкупленных ясырей от одного владельца к другому дозволить не иначе, как по отслуженіи ими у перваго приобретателя пяти лет, включая опять в число общаго в 3 пункте поименованнаго срока. 9) При переводе выкупленных ясырей, по уступкам или передачам, должны быть совершаемы акты со взносом 10 руб. ассигнациями для причисленія к государственным доходам. В актах сих означать время первоначальнаго поступления их в услуженіе, дабы как сказано в 6 пункте, счет лет за службу считать от выкупа, а не от дня поступления к другому владельцу. 10) Вменить в обязанность выкупающим ясырей, чтобы каждый из них немедленно по выкупе объявлял о сем, если он магометанинъ – приставу магометанских народов, а если христианин и русско-подданный ближайшему местному начальнику. 11) Начальник сей должен вести о всех таковых ясырях именные списки, с означеніем числа лет выкупленнаго, времени выкупа и имени приобретателя, возложить на обязанность сих же с. 46. начальников наблюденіе за надлежащим содержаніем выкупленных; разрешеніе передачи прав на пользованіе их услугою после пятилетняго срока; взысканіе в сем случае полагаемых 10 руб. с акта; правильное веденіе счетов сих доходов; утвержденіе сих актов и исправное содержаніе необходимых для сего книг. 12) По выслуженіи выкупленными ясырями вышеозначеннаго срока, предоставить им свободу, сходно желанію каждаго, избрать род жизни и записать сих в казенные поселяне или мещанство и купечество или же в линейное казачье сословіе. 13) Предоставить также сим людям право отходить от хозяев своих прежде окончанія положеннаго срока служенія с тем, однакоже, чтобы в вознагражденіе за выкуп из неволи, каждый, пожелавший таким образом отойти, внес наперед хозяину своему 100 руб. сер. после чего предоставлять уже ему на общем основаніи свободу. 14) Чтобы приохотить казенных обывателей к выкупу пленных, с предоставленіем впоследствии им свободы, распространить на Кавказскую область Высочайше утвержденное 8 февраля 1822 года мненіе Государственнаго Совета с тем только, чтобы определенное сим указаніем вознагражденіе за вымениваемых пленных и отпускаемых на волю предоставлено было рассмотренію и донесенію главнаго начальника Кавказскаго края. 15) Применя-

ясь к указам 1784 года февраля 22 и 1794 года апреля 9, воспретить магометанам, под каким бы то ни было предлогом, пользоваться услугою ясырей из христианъ; но если бы случались, что ясырь был магометанином, по выкупе же принял христианскій закон, то предоставить магометанам пользоваться на время вышеопределеннаго срока его услугою. 16) По приводимым Кавказским областным советом обстоятельствам воспретить право пользованія на вышеупомянутом основаніи услугою ясырей армянам, грузинам и другим христианам (но из иноверцев), не имеющим дворянства, дозволить всем таковым разночинцам выкуп и вымен пленных с правом употребленія их въ услугах на основаніи указа 23 мая 1808 года до 25-ти летняго возраста. 17) Выкуп российских дворян и чиновников, если бы таковые оказались в плену и неволи, предоставить усмотренію и попеченію главнаго Кавказскаго областного начальства; впрочем выкуп от горцев пленных сего рода может быть производим и частными лицами, но ни в каком случае выкупленные из плена дворяне и чиновники не могут быть подводимы под правила общія с выкупаемыми от горцев ясырями-простолюдинами, а должно немедленно платить за них из казны на их выкуп, по ближайшему усмотренію главнаго начальника, на собственных их или родственников их с. 47. счет, въ случай же неимущества – принять окончательно на счет правительства. 18) С изданіем сего ноложенія, всех ясырей христианскаго закона, находящихся ныне у магометан, а равно состоящих у христиан разночинцев, отобрав от владельцев, предоставить им свободу избрать род жизни на общем основаніи и по избраніи для лучшаго исправленія дать им пятилетнюю льготу от платежа податей и повинностей, остающееся затем ясыри у христиан христиане, а у магометан – магометане должны с сего времени иметь взаимныя между собою отношенія на вышеизъясненных в 3 пункте правилах. 19) Правила пользованія услугою ясырей, в 3 пункте изъясненныя, распространить на всех без различія ясырей, находящихся у армян и грузин, правом дворянства пользующихся. 20) Доказывающие дворянство, но еще оно не доказавшіе и в достоинствах сих правительством не признанные, должны быть отнесены к состоянію тех людей, коим по 16-му пункту сего постановленія предоставлено пользоваться услугою ясырей на основаніи закона 1808 года. 21) Не почитать за

ясырей, рожденных по высочайшему повелению 6 декабря 1798 года на имя ген.-лейт. Киселева последовавшему помещикам за их крестьян, захваченных кабардинцами, но оставить их вместе с семействами во всегдашнем владении тех помещиков, под именем крестьян или дворовых людей. 22) Поелику в числе холопов находятся поступившие в сие состояние по закладным и продажам: от мужей – жены, от родителей – дети, от братьев – сестры, то все таковыя сделки, как противныя природе и всем началам нравственности, немедленно уничтожить, а всех подвергнутых таковым закладам или продажам от рабства освободить, предоставить им избрать род жизни на том основании, как сказано выше в пункте 18-м, на будущее же время заклады и продажи таковыя не только между христианами, но и между народами магометанскаго закона строго запретить и местным начальством иметь за тем неослабное наблюдение. 23) Относительно тех холопов, которые проданы грузинами, нахичеванскими армянами и в Кавказской области находящимися донскими казаками, так как продажа таковых людей учтена после состояния Высочайшаго указа 1804 года апреля 9, то о всех сих людях представить Кавказскому областному правлению и сделать законное рассмотрение и удостовериться при том о настоящем происхождении людей, живущих в селении Парачево, принадлежащем кизлярскому армянину Калустову и в деревне Енгидт близ Кизляра под управлетем Алихана после смерти жены его Айханум Шейдуковой, определить сим людям состояние и место жительства, если действительно они служат предметом подозрения и живут в настоящем месте.

с. 48. В дополнение изменения 10 и 13 пунктов прописаннаго положения последовало въ 1840 году Высочайше утвержденное мнение Государственнаго Совета в том: 1-е) Всем выкупающим ясырей вменить в неприменную обязанность, чтобы каждый из них о таком выкупе объявлял в течение трех месяцев, если магометанин – приставу магометанских народов, а если христианин и русско-подданный – то ближайшему местному начальству; виновные-же в пропусчении сего срока лишаются права владеть выкупленным пленником, который в таком случае получает немедленно свободу. 2-е) Когда ясырь прежде выслуги установленнаго срока в законе 1835 года пожелает получить свободу, то обязан внести выкупившему его из неволи полную ту сумму, которая за

него была заплачена, всякое же уменьшение сей суммы зависит от добровольнаго только согласія хозяина. 3-е) Сумма, за освобождение ясыря из неволи заплаченная для отвращения впоследствии всякаго недоразумения и излишняго со стороны хозяина требованія, должна быть точною обозначена в самом акте выкупа.

Препровождая при сем выписки из реестров под № 18 «о проданных мужьями женах, родителями детях, братьями сестрах» и под № 19 «о холопах, доставшихся по покупкам от армян и других людей владельцам, магометанам», предписываю вашему благородию по первому реестру поступить на точном основании вышеприведенных правил (§ 22), а по последнему потребовать от владельцев и домохозяев в самом скорейшем времени документов на приобретение владеемых людей, или в случае не имения документов отзвывы владельцев, когда и от кого сии люди приобретены. За сим объявить в подведомственном вам народе с подписками как владельцам холопов, так и сим последним все статьи и вышеизложеннаго Высочайше утвержденаго в 17 день мая положения (1835 года), дабы каждый из них знал, на каком основании и до какого времени ясыри могут находиться в зависимости владельцев и, наконец, о точном со стороны вашей исполнении всего без изъятия в приведенных правилах изложеннаго, донести мне обстоятельно в то же время. Списки о холопах должны быть в делах вашего приставства*).

Дело Ставропольская губернская архива за 1722 год, № 27, стр. 60–63.

с. 52. **Предписание Кавказскаго Областнаго Правления г. главному приставу магометанских народов стат. совет. Швецову от 31 декабря**

1847 г., № 29132. Гор. Ставрополь.

В областном правлении слушали доклад: в указе Правительствующаго Сената 20 июня 1835 года за № 3463 содержится

*) Такого-же содержания предписание главному приставу магометанских народов надворнаго советника Петровскаго и. д. Калауско-Джембулуковскаго и. д. приставства, от 26 апреля 1842 г., М 542. Ставр. архива дело 1842 г., № 50, св. 180, стр. 1–4.

Высочайше утвержденное 17 мая того года мнение Государственного Совета следующего содержания:

1) Всем Кавказским и другим обитателям российским поданным, как христианского, так и магометанского исповеданий, дозволить выкупать от Кавказских непокорных горцев ясырей или невольников;

2) Выкупаемых таким образом ясырей считать в подданстве России, с тем вместе прекращается и самое их именованіе ясырями, означающее раба или невольника, как не свойственное по законам российскому подданству;

3) Для вознаграждения за выкуп предоставить выкупающим ясырей, исключая иноверцев, выкупивших из неволи христиан, пользоваться их услугою на следующем основании: пятилетнего возраста должен прослужить 25 лет, десятилетнего – двадцать лет от 10 до 15-летнего возраста – 15 лет, от 15 до 20-летнего – 12 лет, от 20 до 30-летнего возраста – 10 лет, от 30 до 40-летн. возраста – 8 лет и от 40 до 50-летнего возраста – 5 лет. По выслушении сих сроков означенным из невольничества ясырям предоставляется совершенная свобода.

4) Те, из сих людей, которые находясь в услужении, женятся на девке или женщине одинакового с ними состоянія и будут иметь детей, должны прослужить сверх означенного срока еще пять лет, но в таком только случае ежели девка или женщина не прослужила сама по себе пять или более лет до замужества, в том и другом случае прослужившей вышеупомянутые сроки освобождается со всем его семейством, хотя бы жена его не выслужила положенного числа лет;

5) При выкупе пленных покупщик и продавец обязаны определить возраст выкупаемых, в чем должны полагаться примерно по их росту, виду и наружности под присягою в справедливости даваемых по сему предмету показаний. каковыя помещать в актах, дабы в случае надобности можно было с достоверностью видеть число прослуженных каждым из них лет;

с. 53. 6) По изданію сего положенія срок служения выкупаемых ясырей, выше сего в 3 пункте; назначенный, считать со дня первоначального их выкупа.

7) Купленные во все время их служения должны быть снабжаемы от хозяев своих приличным одеяніем и надлежащею

пищею, так чтобы они не терпели никакой нужды, если же который хозяин станет выкупленного служителя своего изнурять чрезмерными работами или не будет снабжать приличною пищею и надлежащею одеждою, то таковой не только должен лишиться того служителя, но права на всегда иметь у себя подобную прислугу;

8) Дозволить приобретающим на сем основании ясырей передачу прав на пользование их услугою другим лицам, но не иначе как поданным российским, право на сіе имеющим, как о сем объяснено ниже; а дабы предупредить при сем возможность производить торг людьми указом 1804 года апреля 9 воспрещенный, таковой переход выкупленных ясырей от одного владельца к другому дозволить не прежде как по отслуженію ими у первого приобретателя пяти лет, включая оные в число общаго в 3 п. постановленного срока;

9) При переходе выкупленных ясырей по уступкам или передачам, должны быть совершаемы акты со взносом 10 рубл. асигнац. для причисления к государственным доходам. В актах сих означать время первоначального их поступления в услужение, дабы как сказано в 3 пункте, счет лет услуги считать от выкупа, а не от дня поступления другому хозяину;

10) Вменить в обязанность выкупающим ясырей, чтобы каждый из них немедленно по выкупе объявлял о сем, если он магометанин – приставу магометанских народов, если христианин и русский подданный – ближайшему местному начальству;

11) Начальства сіи должны вести о всех таких ясырях именные списки с означеніем числа лет выкупленного, времени выкупа и имени приобретателя, возложить на обязанность сих начальств наблюдение за надлежащим содержанием выкупленных, разрешение передачи прав на пользование их услугою после пятилетнего срока, взиманий в сем случае полагаемых 10 руб. с акта, правильное ведение счетов сих доходов, утверждение самых актов и исправное содержание необходимых для сего книг;

с. 54. 12) По выслушении выкупленными ясырями вышеозначенного срока предоставить им свободу, сходно желанно каждого, избрать род жизни и записаться в казенные поселяне или мещанства и купечество, или же в линейное казачье сословие.

13) Предоставить также сим людям права отходить от хозяев своих прежде окончания положеннаго срока служенія, с тем однако-ж, чтобы в вознагражденіе за выкуп из неволи, каждый, пожелавшій таким образом отойти, внес на перед хозяину своему 100 руб. сереб., после чего уже предоставлять ему на общем основаніи свободу;

14) Чтобы пріохотить кавказских обывателей к выкупу пленных с предоставленіем впоследствии им свободы, распространить на Кавказскую область Высочайше утвержденное 8 февраля 1822 года мненіе Государственнаго Совета, с тем однако, чтобы определяемое сим узаконеніем вознагражденіе за вымениваемых пленных и отпускаемых на волю предоставлено было разсмотренію и попеченію главнаго начальства Кавказскаго края;

15) Применяясь к указам 1784 г. февраля 22 и 1794 г. апреля 9, воспретить магометанам пользоваться под каким бы то ни было предлогом услугою ясырей из христіан, но если бы случилось, что ясырь, быв магометанином, по выкупе уже принял христіанство, то предоставить магометанам пользоваться на время вышеопределеннаго срока его услугою;

16) По приводимым Кавказским Областным Советом обстоятельствам воспретить право пользованія на вышеупомянутом основаніи услугою ясырей армянам, грузинам и другим христіанам (но из иноверцев), не имеющих дворянства, а дозволить всем таковым разночинцам выкуп и вымен пленных с правом употребленія их в услугах на основаніи указа 23 мая 1808 года до 25-летняго возраста;

17) Выкуп російских дворян, чиновников, если бы таковыя оказались в плену и неволе предоставить усмотренію и попеченію Главнаго Кавказскаго областного начальства, впрочем выкуп от горцев пленных сего рода может быть производим и частными лицами, но ни в каком случае, выкупленные из плена дворяне и чиновники не могут быть подводимы под правила общія с выкупаемыми от горцев ясырями – простолюдинами и должно немедленно платить за них из казны цену выкупа по ближайшему усмотренію главнаго начальства на собственный их, или с. 55. родственников их счет, в случае же неимущества, принимать окончательно на счет правительства;

18) С изданіем сего положенія всех ясырей христіанскаго закона, находящихся ныне у магометан, а равно и состоящих у христіан разночинцев, отобрав от владельцев, предоставить им свободу избрать род жизни на общем основаніи и по избранію для лучшаго исправленія дать им пятилетнюю льготу от платежа податей и повинностей, остающіеся за тем ясыри – у христіан – христіане, а у магометан – магометане – должны с сего времени иметь взаимныя между собою отношенія на вышеизъясненных в 3 пункте правилах;

19) Правила пользованія услугою ясырей в 3 пункте изъясненныя, распространить на всех без различія ясырей, находящихся у армян и грузин, правом дворянства пользующихся;

20) Доказывающіе дворянство, но еще онаго не доказавшіе и в достоинстве сем правительством не признанные, должны быть отнесены к состоянію тех людей, коим по 16 пункту сего постановленія предоставлено пользоваться услугами ясырей на основаніи закона 1808 года;

21) Не почитать за ясырей розданных по Высочайшему повеленію 6 декабря 1798 года на имя ген.-лейт. Касимова последовавшему помещикам за их крестьян, захваченных кабардинцами, то оставить их вместе с семействами во всегдашнем владеніи тех помещиков под именем крестьян или дворовых людей;

22) Поелику в числе холопов находятся поступивіе в сіе состояніе по закладным и продажам от мужей – жены, от родителей – дети и от братьев – сестры, то все таковыя сделки, как противный природе и всем началам нравственности, немедленно уничтожить и всех, подвергшихся таковым закладным или продажам от рабства освободить, предоставив им избрать род жизни на том основаніи, как сказано выше в ст. 18, на будущее же время заклады и продажи таковыя не только между христіанами, но и между народами магометанскаго закона строго запретить и местным начальствам иметь за тем неослабное наблюденіе;

23) Относительно тех холопов, которые приданы грузинами, нахичеванскими армянами и в Закавказской области находящихся донскими с. 56. казаками, так как продажа таковых людей учинена после состоянія Высочайшаго указа 1804 года апреля 2, то во всех сих людях предоставить Кавказскому Областному Правленію сделать законное разсмотреніе и удостоверяться при

том о настоящем происхождении людей, живущих в селении Порабочевом, принадлежащих кизлярскому армянину Калустову и в деревне Янгюрт близ Кизляра под управлением Алихана после смерти жены его Айханум Шейдуковой определить сим людям состояние и место жительства, если действительно они служат предметом подозрения, живя в настоящем месте.

Указ сей областное правление принял со стороны своей к исполнению, учинило 7 сентября 1835 года заключение такого содержания: напечатать онаго потребное количество, разослать надлежащим порядком во все здешней области присутственные места и к должностным лицам для должного до кого из них что касается будет сведения и исполнения, и как из сего указа между прочаго видно, что о тех холопах, которые проданы грузинами и в Кавказской области находящимися донскими казаками после состояния Высочайшаго указа 1804 года апреля 9 предоставлено сему правлению сделать рассмотрение и удостовериться при том о настоящем происхождении людей, живущих в селении Порабочевом, принадлежащем кизлярскому армянину Калусту и в деревне Янгюрте близ Кизляра под управлением Алихана после смерти жены его Айханум Шейдуковой определить сим людям состояние и место жительства, если действительно они служат предметом подозрения, живя в настоящем месте, то, подведя из производящихся в областном правлении по сему предмету дел подробную справку, доложить присутствию особю, о чем Правительствующему Сенату донести рапортом, каковое заключение хотя приведено в действие 31 декабря тем, что выпущены исходящая бумага, но предположенного по прописанному заключению исполнения о холопах, проданных грузинами, нахичеванскими армянами и донскими казаками учинено не было; от ставропольских же пятигорских, кизлярских, земских и градских полиций, а равно и от моздокских городской управы и отдельнаго заседателя не имеется никаких при деле донесений о приведении в действительное исполнение вышеизъясненных положений на счет тех азиатских разного звания сословий, которые состоят в ведомстве градских и земских полиций и имеют у себя людей, исключая одного рапорта Кизлярскаго земскаго исправника, от 4 декабря 1837 г. за № 183, при котором представляя список азиатцам 160 душам мужскаго и 54 женскаго, поселенных в Кизлярском округе на землях, с. 57.

принадлежащих майору князю Бековичу Черкасскому в деревне Янгюрт, донес, что люди сии, управляемые по ненахождению там владельца земель князя Бековича прикащиком его, Лехолетом Касымом Алиевым, находились в совершенной безгласности от правительства, ибо по верным выправкам в делах Кизлярскаго земскаго суда как местнаго начальства – о времени переселения их туда – из каких мест и с чьего разрешения – сведений нет.

По обязанности своей, желая иметь об этих людях пообстоятельнее сведение, он, г. исправник, отправясь в деревню Янгюрт из поверхностных вопросов узнал от них, что деревня эта основана назад тому лет 40 и что жители оной переселены туда в разные времена, некоторые из-за границы, бывшие и там холопьями Бекича Черкаскаго, другие из кизлярских татар, а третьи нашли себе приют в оной по выходе из рабства от других лиц, – не входя в дальнейшие распросы этих людей, как проживающих хозяйством, он ограничился только составлением всем тем именного посемейнаго списка, при чем присовокупляет: 1) что люди, называющиеся холопьями князя Бекича Черкаскаго, какъ давно уже и постоянно водворенные в деревне Янгюрт на землях собственно Бекичу принадлежащих, если они только действительно ему принадлежат не должны быть прежде, а в особенности ныне выходить из круга помещичьих крестьян, должны быть записаны в ревизию и нести наравне с крестьянами как повинности, следуемая казне так и земская, ибо по его мнению этих людей нельзя причислить к кочующим в здешней области нагайцам, не записанным в последнюю ревизию, но и эти нагайцы, как известно правлению, от повинностей по перевозке провiantа и других не изъяты, между тем как поселенцы Янгюрта, не быв никуда причислены, не отбывают совершенно никакой; 2) показывающие себя подвластными Бекича Черкаскаго, переселившись из Кизляра татары, сколько можно думать, должны быть не сословия татар, поступивших в казаки, от чего они избежали только преждевременным переселением своим из Кизляра в настоящее их местожительство и 3) всех прочих людей, значащихся по списку под № 36, вышедших из рабства и ни в какое общество не причисленных и холопьев, показанных по № 37, узденя Амирхана Макулаева, проживающих у Бековича без всяких видов, должно считать за

бродяг и поступить как с ними равно и передержателем по надлежащем исследовании по законам.

Посему областное правление постановлением, 1838 года июля 28 дня состоявшимся, заключило: принимая в соображение, что показанные в списке Кизлярского земского исправника люди с. 58. 160 душ обоого пола, будучи неизвестного происхождения, проживают в деревне Янгюрте без ведения и дозволения местного начальства, если не по потворству онаго, по крайней мере по слабому надзору земской полиици и не принося правительству никакой пользы, навлекают на себя еще подозрение в происходящем иногда в Кизлярском округе хищничествах и злодействах, областное правление полагает для обращения этих людей к порядочному образу жизни обратить всех их в военное ведомство по примеру порабочевских армян и других азиатцев, ибо причисление их в гражданское ведомство не принесет правительству никакой пользы по дикому и буйному их характеру и правам, о каковом заключении правления 3 сентября 1838 года № 18800 представляло на утверждение и благоусмотрение начальника области.

На это получено от г. областного начальника от 16 января 1839 года предположение, что обстоятельства, изложенные в представлении сего правления от 3 сентября 1838 года за № 18800, обращение проживающих в деревне Янгюрте людей 160 душ, известных под наименованием холопей князя Бековича Черкасского, были представляемы на рассмотрение г. главноуправляющего в Грузии.

Его Высокопревосходительство, по рассмотрении подлинного дела об этих людях, находит, что областное правление, полагаясь на ни на чем не основанном донесении Кизлярского земского исправника, назвало помянутых поселенцев людьми известного происхождения и почти нам неприязненными и определило обратиться их в военное ведомство.

Находя таковое заключение преждевременным, его высокопревосходительство не соглашается с оным потому что по духу благоустроенного Российского правительства никто не подвергается ответственности без истребования объяснений, равно как и не лишается собственности без рассмотрения прав его на нее. Почему, возвращая дело сие, предоставляет приказать дополнить его истребованием от князя Бековича Черкасского документов на

принадлежность ему упомянутых народов, а равно и сведений, с чьего дозволения и на какой предмет предпринято предшественниками его означенное заселение, по соображении же сих фактов с делами и рассмотрении онаго доставить донесение.

Сообщая это областному правлению г. начальник области предлагал истребовать объясненные документы и собрав указываемые сведения сделать свое заключение и доставить ему в не с. 59. продолжительном времени. Тогда правление сие по состоявшемуся на 16 марта 1839 года постановлению предписало Кизлярскому земскому суду немедленно истребовать от князя Бековича Черкасского документы на принадлежность ему поселившихся в деревне Янгюрт людей, при чем потребовать также объяснение с чьего дозволения и на какой предмет предпринято предшественниками его означенное заселение, действительно ли земля, занимаемая деревнею Янгюрт, принадлежит ему, имеет ли он на принадлежность ее законные документы и в чем оные заключаются; о чем мая 10 дня 1839 года за № 8828 донесено г. Областному начальнику.

Вследствие чего земский суд при рапорте 25 октября того же года за № 3212 представил объяснение поверенного владельца Малой кабарды помещика Кизлярского округа подполковника князя Ефима Александрова сына Бековича Черкасского, титулярного советника Фелициана Фадеева сына Жарновского, по рассмотрению коего и приложенных при оном документов, областное правление журналом 3 апреля 1840 года заключило: рассматривая вновь обстоятельства на счет владения полковником князем Бековичем Черкасским, состоящею в Кизлярском округе деревнею Янгюрты, областное правление находит, что деревня сия населена на землях, принадлежащих ему по решению Астраханской гражданской палаты, утвержденному Правительствующим Сенатом, что в этой деревне, по дознанию кизлярского земского исправника, князьями Черкасскими поселены с давних времен люди из-за границы и вышедшие по разным случаям из рабства и что наследственное их право владения сими людьми признано бывшим главноуправляющим генералом Ермоловым, который в грамоте, данной полковнику князю Бековичу Черкасскому 21 октября 1824 года на переселение в Кабарду из деревни его людей, изволил между прочим написать «священным именем Его Импера-

торскаго Величества Всемилостивейшаго Государя моего удостоверяю, что права Бековичей Черкасских на земли к Мурадовой фамилии принадлежащіе на людей азіатских, самими Бековичами водворенных имеют быть по древним обычаям сей земли неприкосновенными и будут охраняемы Россійским правительством, о чем всеподданнейше донесено от меня и Его Императорскому Величеству. Распоряженіе это генерала Ермолова удостоено Высочайшаго утверждения, как значится в акте, выданном полковнику князю Бековичу Черкасскому от ген.-фельдмаршала князя Варшавскаго графа Паскевича Эриванскаго, 23 января 1830 года по сим уваженіям областное правленіе полагает: состоящую в Кизлярском округе деревню Янгіурт с водворенными на ней с. 60. людьми оставить в неприкосновенном и потомственном владеніи подполковника князя Бековича Черкаскаго по древним кабардинским обычаям с обязательством отбыванія земских повинностей; и затем донесеніе кизлярскаго земскаго исправника, основанное на догадках, будто бы в числе жителей деревни Янгіурт должны быть татары, поступившіе в какаки, по бездоказательности онаго признать не заслуживающим уваженія; о каком заключеніи областное правленіе с представленіем объясненія подполковника князя Бековича Черкаскаго и приложений при нем, донесло г. начальнику области с испрошеніем о последующем разрешенія; что же касается до людей, находящихся во владеніи разных лиц, под именем ясырей, то возложено на советника 3-го отделеія к приведенію в исполненіе Высочайше утвержденнаго в 1835 году мненія Государственнаго Совета подать присутствію особый доклад.

Вследствіе чего г. начальник Кавказской области от 22 мая 1840 года за № 852 предложил дело это, как возникшее по неосновательному донесенію кизлярскаго земскаго исправника, считать оконченным, о чем для сведенія и объявленія подполковнику князю Бековичу Черкасскому дано знать кизлярскому земскому суду 20 іюля 1840 года за № 18367; за сим Высочайше утвержденное в 1835 году мненіе Государственнаго Совета следует привести в исполненіе по нижеследующим пунктам: 18, чтобы всех ясырей христіанскаго закона, находящихся ныне у магометан, а равно и состоящих у христіан разночинцев, отобрав от владельцев, предоставить им свободу избрать род жизни на закон-

ном основаніи, по избраніи для лучшаго исправленія дать им пятилетнюю льготу от платежа податей и повинностей; по 22-му, чтобы всех, поступивших к владельцам по закладам и продажам от мужей жен, от родителей детей и от братьев сестер от рабства освободить, предоставив им избрать род жизни на том основаніи, как сказано в статье 18 и 23-й, чтобы сделать постановленіе относительно тех холопов, которые проданы грузинами, нахичеванскими армянами и в Кавказской области находящимися донскими казаками, продажа коих учинена после состоянія Высочайшаго указа 1804 апреля 29 равно о людях, живущих в селеніи Порабочевом, принадлежащем кизлярскому армянину Калустову и в деревне Янгіурт близ Кизляра под управленіем Алихана по смерти жены его Айханум Шайдуковой при деле Кавказскаго Областнаго Совета о составленіи положенія о ясырях имеются списки, первый под № 7 об азіатских холопах в Моздоке и Кизляре христіанскаго закона и разных исповеданій; второй под № 8 о проданных и заложенных родителями детях, братьями сестер и мужьями женах, третій под № 9 о азіатских холопах, доставшихся по с. 61. покупки от армян и других людей к народам магометанскаго исповеданія, четвертый под № 13 перешедшим из селенія Порабочева и поселившимся в деревне Янгіурте, управляемой персидским Алиханом Мусахановым Зиндинским и пятый под № 14 татарам, имеющим жительство в сел. Порабочеве, из сообщенія Кавказской казенной палаты от 7 ноября 1836 года за № 1627 видно, что по окладным книгам хотя и числились Кизлярской округи в селеніи Янгіурте не положенные в окладе татары 60 и в деревне Порабочевой армяне 72 мужеска пола душ, но из них сіи последніе 72 души 16 января 1833 года на основаніи Высочайшаго указа, даннаго Правительствующему Сенату во 2 день декабря 1832 года исключены из счета в военное ведомство: относительно же принадлежности первых княгини Шедуковой, а последних армянину Калустову сведенія сего в делах казенной палаты нет, равно и ревизских сказок к 8 народной переписи об них ни от кого подано не было.

Между тем в указе Правительствующаго Сената по общему собранію первых трех департаментов, от 22 января 1840 года за № 831 в областном правленіи полученном, изъяснено Высочайше утвержденное мненіе Государственнаго Совета, последовавшее в

пополнение и изменение 10 и 13 пунктов вышепрописанного указа 17 мая 1835 года в том: 1) всем, выкупающим ясырей вменить в неперемную обязанность, чтобы каждый из них о таком выкупе объявлял в течение трех месяцев, если он магометанин – приставу магометанских народов, а если христианин и русский подданный, то ближайшему местному начальству; виновный же в пропусчении срока лишается права владения выкупленным пленником, который в таком случае немедленно получает свободу; 2-е) когда ясырь прежде выслуги установленнаго в законе 1835 г. срока пожелает получить свободу, то обязан внести выкупившему его из плена сполна ту сумму, какая за него была уплачена, всякое-же уменьшение оной суммы может зависеть от добровольнаго только согласія хозяина; 3-е) сумма за освобождение ясыря из неволи заплаченная для отвращения впоследствии всякаго недоразумения и излишняго со стороны хозяина требования, должна быть с точностью означена в самом акте выкупа.

Определено: к окончательному исполнению Высочайше утвержденного 17 мая 1835 года мнения Государственного Совета учинить следующее: 1-е) с приложением копий с реестра под № 7 о холопах христианскаго закона предписать Кизлярскому и Моздокскому окружным начальникам, дабы они, если сии люди с. 62. находятся у магометан или христиан разночинцев, немедленно отобрав от владельцев, предоставили им свободу избрать род жизни в течение девяти месяцев с выдачею им на сие свидетельств, обозначив в них, что им по избраніи рода жизни дается льгота от платежа податей и повинностей, рапортуя о последующем правлении; 2-е) с приложением копии с регистра под № 8 о проданных мужьями женах, родителями детях, братьями сестрах – послать указы тем же господам окружным начальникам и снести к вам, чтобы с людьми сими поступили на таком же точно основаніи, уведомляя по исполненіи правление; 3-е) с приложением копии с регистра под № 9 о холопах, доставшихся по покупке от армян и других людей владельцам магометанам отнести к вашему высокоблагородію, чтобы благоволили вытребовать от сих владельцев документов на приобретение оных людей или, в случае неимения таковых, отзывы: когда и от кого эти люди приобретены, – доставить оные немедленно в областное правление: а как из сего же регистра видно, что, в селении Шелкозаводском имеется у ар-

мянина Богдана Муктанова девка Дзика Кундукова, купленная у Моздокскаго армянина Назара Павлова, то велеть Кизлярскому земскому суду, истребовав и от Мултанова на сию девку акт или отзыв, доставить в правление; 4-е) с приложением копии с регистров под №№ 13 и 14 о людях, живущих в селении Порабочевом во владении армянина Калустова и в деревне Янгіурт под управлением Алихана по смерти жены его Шейдуковой, предписать кизлярскому земскому исправнику, чтобы людям сим, буде значущіеся в списке под № 14 не те, кои по отзыву казенной палаты поступили в военное ведомство, составив вновь списки, сделать на месте дознание, какого они происхождения, с котораго времени поселились на месте настоящаго жительства и по каким правам владели ими армяне Калустов и Алиханов, донося о последующем с приложением сего дознания, областному правлению; 5-е) независимо о семь сделаннаго в 1835 году распоряжения к исполнению Высочайше утвержденного о ясырях мнения Государственного Совета предписать Кизлярскому и Моздокскому окружным начальникам и отнести к вашему высокоблагородію с приложением имеющихся под делом Областного Совета регистров о ясырях под №№ 2, 3, 4, 5, 6, 10, 11, и 12, дабы постановили как владельцам, так и находящимся у них во владении людям, объявить с подписками Высочайше утвержденное 17 мая 1835 года положение Государственного Совета, дабы каждый из них знал, на каком основаніи и до какого времени ясыри могут находиться в зависимости владельцев; о каковом распоряженіи донести рапортом и Правительствующему Сенату.

Ставропольск. архив, по описи № 26, дело 1851 г., № 646, св. 15, стр. 16–38.

instituteofhistory.ru

instituteofhistory.ru

Научное издание

Иноземцева Елена Ивановна

**ИНСТИТУТ РАБСТВА В ФЕОДАЛЬНОМ ДАГЕСТАНЕ.
ОЧЕРКИ ИСТОРИИ**

Фото Зургалова Х.М. и Юсупова А.Р.

Подписано в печать 23.04.2014 г.

Формат 60x84¹/₁₆. Печать ризографная. Бумага офсетная.
Гарнитура «Таймс». Усл. п. л. 18,6. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии АЛЕФ, ИП Овчинников М.А.
367000. РД, г. Махачкала, ул. С.Стальского 50
Тел.: +7-903-477-55-64, +7-988-2000-164
E-mail: alefgraf@mail.ru

Иноземцева Елена Ивановна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук. Сфера ее научных интересов – торгово-экономический аспект взаимоотношений народов Дагестана с Россией и народами Северо-Восточного Кавказа во второй половине XVI – первой половине XIX века, историческая география старожильческого русского населения Дагестана, история, истоки и источники формирования нижнетерского казачества, а также основные аспекты истории института рабства в феодальном Дагестане. Она является автором двух монографий (одна в соавторстве) и свыше 100 научных публикаций, осуществленных как в Дагестане, республиках Северного Кавказа, в Москве, Санкт-Петербурге, Ростове, Пятигорске, Армавире, Астрахани, так и за рубежом – в Азербайджане, Иране.

ISBN 978-5-4447-0013-6

9 785444 700136 >